

**ЧОУ ВО «Институт управления»
Ивановский филиал**

А.А. Федотов

**НАСТИГНУТЫЙ РАДОСТЬЮ
Кружной путь К.С. Льюиса**

Монография

Архангельск-Иваново
2020

ББК 84-5

Ф34

Рецензенты:

В. П. Океанский - доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК), заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»;

Д.Л. Шукуров - доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

Федотов, А. А. Настигнутый радостью. Кружной путь К.С. Льюиса. Монография. Архангельск-Иваново, 2020. 190 с.

Клайв Стейплз Льюис - один из наиболее выдающихся христианских мыслителей и писателей XX века. В молодости он все сильнее терял всякую веру. После духовных поисков на 33-ем году жизни стал убежденным христианином. Характерно, что его считают едва ли не единственным христианским писателем, который не является православным, но чьи труды при этом неизменно положительно оцениваются православными богословами. Человек энциклопедических знаний и пытливого ума, уверовав, он приложил много сил для изучения истории религий, в том числе первоисточников, прежде чем его христианские убеждения стали осмысленными и непоколебимыми.

Посвященная его творчеству книга подготовлена на основе статей, опубликованных А.А. Федотовым на научном богословском портале «Богослов.ру».

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044935-0-2

© Федотов А. А., 2020

Английские писатели рубежа 19-20 веков в поисках Рая *Вместо предисловия*

Рубеж 19-20 веков характеризовался развитием глобализационных империалистических процессов. Британская империя была с одной стороны на пике своего могущества; с другой – стремительно приближалась к своему закату. В книге «Империализм» (1902) Д. А. Гобсон писал о современных ему проповедниках великой колонизаторской миссии Англии: «Они обыкновенно паразитируют на патриотизме и принимают на себя его защитную окраску. С уст их представителей не сходят благородные фразы, выражающие желание расширить сферу цивилизации, учредить хорошее управление, распространить христианство, уничтожить рабство и поднять низшие расы»¹. «В Англии заявление лорда Розбери о том, что Британская империя есть «величайшее в мире агентство для насаждения общего блага, когда-либо известное миру», всегда будет служить главным оправданием империализма»².

Воспевание цивилизаторской миссии Британии, апология империализма, представляемого как добровольное мученичество для «спасения» «отсталых наций» наверное, лучше всего выражены в небольшом стихотворении «Бремя Белого Человека», написанном в самом конце 19 века Редьярдом Кипплингом:

«Неси это гордое Бремя
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным

¹ Гобсон Д.А. Империализм. Ленинград, 1927. С. 67.

² Гобсон Д. А. Указ. соч. С. 187.

Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
"Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!"³

И в это же время многие английские писатели чувствовали приближение катастрофы, краха старого мира. Особенно острым стало ощущение того, что подлинная радость и счастье находятся за пределами того, что большинство англичан того времени считали единственным реальным. Появляются прекрасные произведения, в которых с одной стороны – тоска по недоступному Раю, с другой – утверждение, что Рай не где-то далеко, он всегда рядом, просто нужно суметь его увидеть.

Интересно отметить, что эта тоска по Раю сквозит и в произведениях некоторых авторов совсем далеких от христианства по своим взглядам.

В своей написанной в 1888 году сказке «Счастливым Принцем» Оскар Уайльд описывает статую Счастливого Принца и Ласточку, отдавших все, что у них было, даже

³ Цит. по: <http://klock.livejournal.com/122502.html> (дата обращения 6 ноября 2013 года).

саму жизнь ради того, чтобы помочь тем, кто рядом с ними. «Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукояти его шпаги»⁴. Но под этим великолепием статуя была из обычного материала, даже сердце ее было оловянным. И вот всю свою драгоценную внешность, даже свои глаза Счастливый Принц отдает погибающим от нужды, а Ласточка, чтобы помочь ему сделать это не улетает на зиму в теплые края. «Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но, наконец, она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо. И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам. И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз»⁵. И Оскар Уайльд с удивительной художественной достоверностью показывает тот суд, который выносят Принцу и Ласточке люди, и какое определение о них Господа: «И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, – продолжал Мэр. – Он хуже любого нищего!

И расплавили статую в горне.

⁴ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 265.

⁵ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 272.

– Удивительно, – сказал Главный Литейщик. – Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел Господь Ангелу Своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему Ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

– Правильно ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в Моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в Моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать Мне хвалу»⁶.

В своем написанном в 1911 году рассказе «Дверь в стене» известный фантаст Г.Д. Уэллс так описывал чудесный край, открывшийся его герою в детстве, в который он попал случайно, зайдя в волшебную дверь: «В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду испытываешь острую радость, которая бывает у человека только в редкие минуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там все было прекрасно...»⁷ Но пребывание в чудном мире не было долгим: «Я был маленьким жалким созданием! И снова вернулся в этот жестокий мир!»⁸ На протяжении жизни герой мечтает о воз-

⁶ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 273.

⁷ Уэллс Г. Д. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964. С. 358.

⁸ Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 362.

вращении в сказочную страну. И на протяжении жизни чудесная дверь, ведущая в нее, вновь появляется перед ним несколько раз. Но каждый раз у него находятся более важные дела, которые не дают пойти за мечтой. Первый раз это было в школьные годы: «в голове вертелась лишь одна мысль: вовремя поспеть в школу, – ведь я оберегал свою репутацию примерного ученика. У меня, вероятно, тогда явилось желание хотя бы приоткрыть эту дверь. Иначе и не могло быть... Но я так боялся опоздать в школу, что быстро одолел это искушение»⁹. В следующий раз дверь появляется перед ним в преддверии поступления в университет. После некоторых колебаний герой проезжает мимо нее на экипаже: «Если бы я остановил извозчика, – размышлял я, – то не сдал бы экзамена, не был бы принят в Оксфорд и наверняка испортил бы предстоящую мне карьеру». Я стал лучше разбираться в жизни. Этот случай заставил меня глубоко призадуматься, но все же я не сомневался, что будущая моя карьера стоила такой жертвы»¹⁰. Годы шли, карьера становилась все важнее для героя. Еще раз дверь является ему, когда он шел на свидание, к той, к которой его влекла не любовь, а амбиции: «В глубине души я был уверен, что она распахнется для меня, но тут я подумал, что ведь это может меня задержать, я опоздаю на свидание, а ведь дело идет о моем самолюбии»¹¹.

Еще трижды герой проходит мимо двери на взлете своей политической карьеры, все более сожалея об этом: «За последние два месяца я почти не работаю, буквально через силу выполняю самые неотложные свои обязанности. Я не нахожу себе места. Меня томит глубокая, безыс-

⁹ Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 364.

¹⁰ Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 368.

¹¹ Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 369.

ходная печаль. По ночам, когда меньше риска с кем-нибудь встретиться, я отправляюсь бродить по городу. Да, любопытно, что подумают люди, если вдруг узнают, что будущий министр бредет в темноте один-одинешенек, чуть ли не вслух оплакивая какую-то дверь, какой-то сад...»¹² Внешняя судьба героя, когда он решился, наконец, войти в волшебную дверь, выглядела весьма непривлекательной: «Его тело нашли рано утром в глубокой яме, близ Восточно-Кенсингтонского вокзала. Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проем, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь оказалась незапертой, и вот в нее-то и прошел Уоллес»¹³. Но интересен вывод, который делает сам Уэллс: «Все вокруг кажется нам таким простым и обыкновенным, мы видим только ограду и за ней траншею. В свете наших обычных представлений нам, заурядным людям, кажется, что Уоллес безрассудно пошел в таивший опасности мрак, навстречу своей гибели. Но кто знает, что ему открылось?»¹⁴ И вот некоторые из английских писателей находят то, что они искали, находят в христианстве: Так результат долгих духовных поисков Г.К. Честертона – осознание того, что то, что он искал, всегда было рядом: «Я охотно сознаюсь во всех дурацких предрассудках конца XIX века. Как все важничающие мальчики, я пытался опередить век. Как они, я пытался минут на десять опередить правду. И я увидел, что отстал от нее на восемнадцать веков. По-

¹² Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 372.

¹³ Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 372-373.

¹⁴ Уэллс Г.Д. Указ. соч. С. 373.

юношески преувеличивая, я мучительно возвышал голос, провозглашая мои истины, - и был наказан как нельзя удачнее и забавнее: я сохранил мои истины, но обнаружил, что они не мои. Я воображал, что я одинок, - и был смешон, ибо за мной стояло все христианство. Может быть, прости меня Господи, я пытался оригинальничать, но я создал только ухудшенную копию традиционной веры»¹⁵.

Честертон, рисуя очень необычные образы, показывает, что путь к духовной радости тернист: «Я чувствовал, что нужно поститься сорок дней, чтобы увидеть дрозда; пройти через огонь, чтобы добыть первоцвет. Любители прекрасного не могут даже протрезвиться ради дрозда, претерпеть обычное христианское бракосочетание в уплату за первоцвет. За необычайные радости надо платить соблюдением обычной морали»¹⁶, - пишет он в 34 года в своей знаменитой книге «Ортодоксия», написанной в 1909 году.

Важно при этом отметить, что поиск Христа для Честертона – это не поиск мученического пути. В предисловии к «Ортодоксии» автор утверждает: «нам нужна жизнь повседневной романтики; жизнь, соединяющая странное с безопасным. Нам надо соединить уют и чудо. Мы должны быть счастливы в нашей стране чудес, не погрязая в довольстве»¹⁷. И писатель говорит о том, что «христианство имеет дело с весомой, вне нас существующей реальностью, с внешним, а не только с вечным. Оно возвещает, что мир

¹⁵ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 360-361.

¹⁶ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 397-398.

¹⁷ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 359-360.

действительно есть, что мир – это мир. В этом оно совпадает со здравым смыслом»¹⁸.

И единственный источник истинной жизни для человека – это Христос, но нужно поверить в Него – Воплощенного Бога: «Если считать, что Он только человек, вся история становится несравненно менее человеческой. Исчезает ее суть, та самая, что поистине пронзила человечество. Люди отвергают догму не потому, что догма плоха, а потому что она слишком хороша. Она дарует слишком большую свободу, чтобы оказаться правдой. Она дарует немислимую свободу, ибо человек может пасть. Она дает небывалую свободу – сам Бог может умереть. Вот что должны были бы сказать просвещенные скептики, и я ни в малейшей степени не собираюсь возражать им. Для них – мироздание – тюрьма, жизнь – сплошные ограничения; не случайно, говоря о причинной связи, они вспоминают цепь. Им кажется, что поверить в нашу свободу – все равно, что поверить в страну фей. Мы вправе вполне буквально сказать, что истина сделала нас свободными»¹⁹.

И этот поиск Христа английскими писателями продолжается и после Первой мировой войны, и в преддверии Второй мировой. В 1933 году К.С. Льюис создает прекрасную притчу «Кружной путь или блуждания паломника», в которой ощущалось влияние английского писателя и баптистского проповедника 17 века Джона Беньяна, написавшего «Путь паломника», бывший в течение долгого времени одной из наиболее читаемых в Англии книг. Клайв Стейплз Льюис в своем произведении рисует картины ак-

¹⁸ *Честертон Г.К.* Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 175.

¹⁹ *Честертон Г.К.* Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 246-247.

туальные для времени, в котором он жил: «Беда нынешних людей в том, что они слишком верят рекламе. Конечно, если бы машины делали именно то, что о них пишут, перемена была бы очень глубокой. Но это не так. Они хотят облегчить труд – и отяжеляют его; хотят подстегнуть похоть – и плодят скопцов; развлечения утомляют их, а попытки сберечь время уничтожили в их стране добрый досуг. А что до прочности – вспомни, как быстро ломаются эти машины. Темные пустоши еще зазеленеют, а из всех городов в упадок быстрее всего придут железные города»²⁰. Но большинство его образов носит вневременной характер: «Хозяин рискнул населить страну не рабами, а свободными, и они вольны идти, куда хотят, и есть, то что есть нельзя. До определенной черты Он может помочь им, но за ней – ты видел по себе. Можно так пристраститься к запретной пище, что самый вред станет вожделенным. Не думай о том, от какой точки нельзя вернуться, но помни, что она где-то есть»²¹.

Образ острова, изображенный К.С. Льюисом в этом произведении во многом перекликается с образом двери в стене, описанным Г.Д. Уэллсом: «Пока он пытался поймать это воспоминание, из-за леса повеял ветер, такой благоуханный, что он сразу забыл и отца, и мать, и Хозяина, и список правил. Душа его опустела; потом он понял, что плачет, пытаясь вспомнить, что же было с ним тогда в лесу. Туман за лесом рассеялся, и Джон увидел в просвете мирное море и остров, покрытый мхом. Из-за деревьев глядели феи, мудрые как богини и невинные как зверьки.

²⁰ *Льюис К.С. Кружной путь или блуждания паломника // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М., 2000. С. 132.*

²¹ *Льюис К.С. Кружной путь или блуждания паломника // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М., 2000. С. 126-127.*

Длиннобородые колдуны восседали на мшистых тронах. Джон подумал, что ему не разглядеть все это отсюда, да и вообще тут нужно не глядение, а что-то иное; но он был слишком молод и не уловил разницы. Когда же все скрылось от него, он не мог понять, что же он утратил. В лес его не тянуло, он пошел в лес, печалясь и радуясь и повторяя на все лады: «Теперь я знаю чего хочу». Когда он сказал так в первый раз, он не был уверен, что это правда; но, ложась в постель, твердо в это верил»²².

Клайв Стейплз Льюис - один из наиболее выдающихся христианских мыслителей и писателей XX века. В молодости он все сильнее терял всякую веру. После духовных поисков на 33-ем году жизни стал убежденным христианином. Характерно, что его считают едва ли не единственным христианским писателем, который не является православным, но чьи труды при этом неизменно положительно оцениваются православными богословами. Человек энциклопедических знаний и пытливого ума, уверовав, он приложил много сил для изучения истории религий, в том числе первоисточников, прежде чем его христианские убеждения стали осмысленными и непоколебимыми.

Сам он писал об этом так: «Я начал понемногу разбираться в сложном многообразии религий. Мне уже не требовалось просто обнаружить единственно верную религию среди тысяч заведомо ложных – мне нужно было понять, в какой точке религия достигает зрелости, каким образом осуществились чаяния язычников»²³.

²² Льюис К.С. Указ. соч. С. 14.

²³ Льюис К. С. Настигнут радостью // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 433.

Клайв Стейплз Льюис о Боге, о вере и о человеке

К.С. Льюис не считал личный религиозный опыт решающим в вопросах определения истинности той или иной религии. Вспоминая беседу с одним военным, который говорил о том, что пережил однажды в пустыне ощущение присутствия Бога, после чего все религиозные рассуждения кажутся ему безжизненной схоластикой, Льюис так писал об этом: «В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Вполне возможно, что он и впрямь пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, почувствовал, что переходит от чего-то реального к отвлеченному и не очень значимому. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Карта ... составлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть, как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу. За одним исключением. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцентрировала в себя все опыты вместе взятые. Теология подобна карте. Доктрины – это не Бог. Они вроде карты. Но карта эта составлена на основании того, что пережили сотни людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим любые чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, очень

примитивны и расплывчаты. Иными словами, теология - это практическая наука, особенно в наши дни»²⁴.

Религиозный поиск писателя был долгим и непростым. Но сделанный выбор был уже однозначен: «Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий – одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы вольны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупинку истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что человечество в большинстве своем всегда заблуждалось в самом важном; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но, безусловно, христианин не сомневается, что всюду, где христианство расходится во взглядах с другими религиями, право оно, другие религии ошибаются. Как в арифметике, возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные неверны; но некоторые из неверных ответов ближе к верному, чем другие»²⁵.

В эпоху все более завоевывающего сознание масс материалистического мировоззрения К.С. Льюис пишет: «В самых общих чертах существуют две точки зрения. Первую называют материалистической. Люди, которые разделяют ее, считают, что материя и пространство просто есть и были всегда, неизвестно почему; что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести такие создания, как мы с вами, то есть способные думать. По какому-то счастливому случаю, вероятность которого ничтож-

²⁴ Льюис К. С. Просто христианство // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М., СПб., 2004. С. 139-141.

²⁵ Льюис К. С. Просто христианство. С. 47-48.

но мала, что-то ударило по нашему солнцу, и от него отделились планеты, а по другой такой же случайности, вероятность которой не выше, на одной из планет возникли химические элементы, необходимые для жизни, и необходимая температура, так что часть материи ожила, а потом, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные как мы с вами.

Вторая точка зрения – религиозная. Согласно ей, источник видимой Вселенной, скорее всего, в каком-то Разуме. Этот Разум обладает сознанием, у него свои цели, он отдает предпочтение одним вещам перед другими. С религиозной точки зрения, именно он создал мироздание, частично – ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично – и для того, чтобы произвести существа подобные себе самому, то есть наделенные разумом. Пожалуй-ста, не подумайте, что одна из точек зрения бытовала давным-давно, а другая постепенно ее вытесняла. Всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали обе. И заметьте еще одно. Вы не можете установить, какая из двух теорий правильна с научной точки зрения. Если за всей обозреваемой нами действительностью «нечто» существует, то оно либо останется неизвестным, либо даст знать о себе каким-то особым путем. Решать же существует оно или нет, в компетенцию науки не входит. Настоящие ученые этим не занимаются. Чаще все это говорят журналисты и авторы популярных романов, нахватавшиеся непроверенных данных из учебника»²⁶.

К. С. Льюис много думал о сходстве и различии христианского вероучения с языческими религиями, в которых содержится учение об умирающем и воскресающем

²⁶ Льюис К. С. Просто христианство. С. 36-37

боге. Он писал о природных религиях, которые видели образ такого бога в смене времен года, в умирающем и воскресающем зерне. Его мучил вопрос: «Быть может, таков и Христос?» И вот как на него ответил Льюис: «В определенном смысле Христос именно таков (с той разницей, что Адонис и Озирис жили неизвестно где и когда, а Он был казнен историческим лицом в сравнительно установленном году). Но если христианство произошло из тех религий, почему же зерно, упавшее в землю – всего лишь одна из наших притч? Религии этого рода весьма популярны, почему же наши первые учителя скрыли, что учат именно этому? Поневоле, кажется, что они и сами не знали, как близки к таким религиям. Почему единственная выжившая и поднявшаяся на неслыханные духовные высоты религия «умирающего бога» выпала на долю единственного народа, которому чужды были эти представления? Евангелия являют нам Человека, который «исполняя роль» умирающего бога, чрезвычайно далек от связанных с нею идей. По-видимому, на свете и впрямь случается то, чему учат природные религии, но случилось это там, где и не думали о них»²⁷.

Льюис писал, что для выхода из этого мнимого противоречия необходимо понимать, что христиане не учат, что во Христе воплотился некий «бог вообще», а воплотился Единый Истинный Бог. «Он – не природный бог, а Бог природы: Он изобрел ее, придумал, сделал. Он владеет ею и бдит над ней. Теперь станет понятней, почему Христос и похож на умирающего бога, и не говорит о нем. Они похожи, потому что умирающие боги природных религий – Его изображение. Сходство их не поверхностно и не слу-

²⁷ Льюис К. С. Чудо // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., СПб., 2000. С. 225-226.

чайно: те боги родились через наше воображение от явлений природы, а явления природы испещряют природу, потому что они – Божьи. А понятия природной религии отсутствуют в учении Христовом и подводящем к нему иудаизме именно потому, что в них являет себя подлинник. Там, где есть Бог, нет Его тени; там, где Его нет, она есть»²⁸.

К. С. Льюис писал свои произведения в то время, когда популярный дарвинизм был в сознании масс незыблемой догмой. Полемике с ним мыслитель посвятил свое небольшое, но замечательное произведение «Похороны Великого Мифа». Он пишет: «Главная идея Мифа – то, что верящие в него называют «эволюцией» или «теорией развития», «Теорией происхождения», так же как главная идея мифа об Адонисе – это Смерть и Возрождение. Я не хочу сказать, что эволюционная доктрина, с которой имеют дело биологи-практики – тоже миф. Это – гипотеза; может быть, менее удовлетворительная, чем надеялись ученые пятьдесят лет назад; но это еще не причина называть ее мифом. Это настоящая научная гипотеза. Но мы должны четко различать теорию эволюции как биологическую теорему и популярный эволюционизм, каковой и является Мифом»²⁹.

И далее: «Популярный эволюционизм, или Учение о Развитии, отличается *по сути* от Теории Эволюции настоящих биологов. Для биолога Эволюция – это гипотеза. Она объясняет больше фактов, чем любая другая из тех, что сейчас имеется в наличии, и, таким образом, будет приниматься, если (или пока) не появится другая гипотеза, объ-

²⁸ Там же. С. 228.

²⁹ Льюис К.С. Похороны Великого Мифа // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., СПб., 2000. С. 425.

ясняющая больше фактов с меньшей степенью допущения. Правда, профессор М.Д. Уотсон не заходит так далеко. По его словам, Эволюция «принята зоологами не потому, что кто-то наблюдал, как она происходит, или что ее истинность может быть доказана логически, но потому, что ее единственная альтернатива – Творение, явно неправдоподобна» (цит. по: «Девятнадцатый век», «Наука и Би-Би-Си», апрель 1943). Это должно означать, что единственное основание для веры в нее имеет природу не эмпирическую, а метафизическую. Это – догма метафизика-любителя, полагающего Творение неправдоподобным»³⁰.

Ненаучный характер популярного дарвинизма К. С. Льюис доказывает тем, что предмет веры последователей этого учения расходится с тем, что могут дать реальные наблюдения за миром: «В науке Эволюция – теория *изменений*, в Мифе – факт *улучшения*. Такой крупный ученый, как профессор Дж.Б. Холдейн, горячо доказывает, что в популярной Эволюции совершенно неоправданно подчеркиваются изменения, делающие живые существа (по человеческим стандартам) «лучше» или интересней. Он добавляет: «Таким образом, мы настроены воспринимать прогресс как эволюционное правило. На самом же деле это – исключение, и на каждый его случай приходится десять случаев дегенерации («Дарвинизм сегодня», *Возможные миры*, с. 28). Но Миф попросту отбрасывает эти десять случаев дегенерации. В расхожем сознании при слове «Эволюция» возникает картинка движения «вперед и вверх», и ни в каком ином направлении»³¹.

Льюис показывает, что, если мы принимаем положения популярного дарвинизма, то ни о какой доказательной

³⁰ Льюис К.С. Похороны Великого Мифа. С. 427-428.

³¹ Там же. С. 428.

системе речи уже в принципе идти не может: «Чтобы усвоить положения реальной науки, которые потом поглощаются Мифом, - мы должны воспринимать разум как абсолюте. Но при этом Миф требует, чтобы я поверил, будто разум – это попросту непредвиденный и непреднамеренный побочный продукт бессмысленного процесса на одной из стадий бесконечного и бесцельного становления. Таким образом, самая суть Мифа выбивает у меня из под ног единственное основание для веры в то, что этот Миф – истина. Если мой разум – продукт иррационального; если то, что кажется мне ясным логическим мышлением, всего-навсего комплекс ощущений, свойственный подобным мне существам, то как же могу я доверять своему разуму, когда он говорит мне об Эволюции? Ведь в результате говорят следующее: «Я докажу, что то, что мы называем доказательством, есть всего лишь следствие ментальных привычек, а они – плод наследственности, а она – следствие биохимии, а уж она – следствие физики». Но это все равно, что сказать: «Я докажу, что доказательства иррациональны»; или еще короче: «Я докажу, что доказательств нет». Некоторые ученые не замечают здесь противоречия, и научить их замечать его совершенно невозможно; а это подтверждает подозрение, что мы имеем дело с болезнью, самым радикальным образом поразившей весь стиль мышления. Однако человек, замечающий это, уже не может не отвергнуть как мифическую всю ту космологию, на которой был воспитан»³².

Писатель не мог не уделить внимание и истокам популярного дарвинизма – его востребованности империалистической цивилизацией, приобретающей все более глобальный характер: «без Мифа не было бы современной по-

³² Там же. С. 432.

литики. Миф возник в Эпоху революций и только благодаря политическим концепциям этой эпохи был усвоен сознанием. Отсюда ясно, почему Миф сосредоточивается на одном холдейновском случае биологического «прогресса» и отвергает десять случаев «дегенерации». Если бы эти случаи дегенерации принимались во внимание, невозможно было бы не понять, что любое изменение в жизни общества ровно настолько же способно уничтожить уже имеющиеся свободы и блага, насколько и создать новые; что опасность оступиться и упасть так же велика, как возможность двигаться дальше; что разумное общество должно тратить на сохранение не меньше энергии, чем на улучшение. Осознание этих трюизмов оказалось бы гибельным как для политических левых, так и для политических правых нового времени. Миф же затуманивает это знание. Большие партии заинтересованы в Мифе и вкладывают в него капиталы»³³.

И Клайв Стейплз Льюис предлагает своим читателям верить совсем в иное; верить, даже, если весь мир будет говорить им обратное. Один из героев его сказки «Серебряное кресло» говорит колдунье, предоставившей ему «неоспоримые» доказательства того, что всего, во что он верил, не существует: «Все, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать худшее и держаться как можно лучше. Поэтому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предам игрушеч-

³³ Там же. С. 436.

ного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит ли о том жалеть, если мир таков, каким вы его описали»³⁴.

К. С. Льюис в одной из своих сказок очень образно показывает, что плохое и хорошее находятся внутри человека, который, как дитя глобальной цивилизации слишком много думает о том, что «настоящее», а что нет, а потому не способен радоваться тому хорошему, что имеет:

«- Здесь не темно, бедные глупые гномы, - сказала Люси, - разве вы не видите? Оглянитесь! Разве вы не видите небо, и деревья, и цветы? Разве вы не видите меня?

- Как, во имя всех обманов, могу я видеть то, чего здесь нет? Или видеть вас, или вы - меня в такой темноте?

- Слушайте, гномы, - сказала она, - если у вас что-то с глазами, может, носы в порядке – вы чувствуете запах? – она поднесла свежие, влажные цветы к шишковатому носу Диггла и тут же отпрыгнула, чтобы не получить по рукам маленьким крепким кулачком.

- Как ты смеешь! – завопил гном. – Чего ты суешь мне в нос вонючую подстилку? Да тут еще чертополох! Что за наглость! Кто вы такие?

Аслан поднял голову и тряхнул гривой. В то же мгновение роскошные кушания оказались на коленях у гномов: пироги, мясо и птица, пирожные и мороженое, и у каждого гнома в правой руке – кубок доброго вина. Увы, и это не помогло. Гномы жадно накинулись на еду, но совершенно не чувствовали ее вкуса. Они ведь думали, что

³⁴ Льюис К.С. Серебряное кресло // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., Спб., 2000. С. 95.

нашли ее в хлеву. Поэтому один сказал, что пытается есть сено, другой – что нашел старую редьку, третий – сухой капустный лист. Они подносили к губам кубки с красным вином и говорили: «Фу, пить воду из ослиной поилки! Кто думал, что мы до этого докатимся». Очень скоро каждый гном заподозрил, что другой нашел что-то получше, и кинулся отнимать; они перессорились и передрались, размазали прекрасную еду по лицам, по одежде, растоптали ногами. Когда все, наконец, расселись по местам, потирая синяки и разбитые носы, то сказали:

- Ничего, по крайней мере, тут все без обмана. Мы не дали себя провести. Гномы за гномов.

- Вот видите, - сказал Аслан. – Они не дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма – в их воображении, но они – в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести»³⁵.

Писатель обличает распространившееся в западном мире восприятие религии, как чего-то прикладного, призванного удовлетворять «потребности» человека». В «Письмах к Малькольму» он писал: «Рабский страх, конечно, низшая из форм религии. Но бог, который ни при каких обстоятельствах не станет причиной даже для рабского страха, *безопасный* бог, ручной бог – фантазия, и здравый ум ее быстро разоблачит. Я не встречал людей, которые, совершенно отрицая существование ада, имели бы живую и животворящую веру в рай»³⁶.

³⁵ Льюис К. С. Последняя битва // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М., СПб., 2000. С. 362-364.

³⁶ Льюис К. С. Письма к Малькольму // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., СПб., 2000. С. 391.

В «Хрониках Нарнии» К. С. Льюис писал об Аслане, что это не ручной Лев. Вера, в которую человек не верит, вера, которая существует для него лишь для того, чтобы прикрыться ей, в итоге не применит обличить и наказать кощунника. В завершающей серию книг писателя «Хроники Нарнии» «Последней битве», рассказывается об Обезьяне, учившем, что добро и зло – одно и то же, и мучительно погибшего от вызванного им духа, в которого он не верил.

Но там же мы видим и другой пример. Юноша – воин, всю жизнь искренне служил злу, полагая его добром, всю жизнь творил благородные поступки во имя этого зла. Но когда перед лицом смерти он оказывается рядом с воплощенным Добром (у Льюиса Аслан) и Злом (у Льюиса Таш), то зло не может его коснуться, а Добро говорит почему принимает его: «Не потому я принял твое служение, что мы (добро и зло) – одно, а потому, что мы противоположны, я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко – не может быть ей. Итак, если кто клянется именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянется не ведая, и я вознагражу его. Если же кто-то совершит зло во имя мое, пусть говорит он «Аслан» – Таш он служит и Таш принимает его служение»³⁷.

Говоря о смерти, Льюис, оценивая весь ее ужас и неестественность для человеческой природы, тем не менее, пишет: «Это – спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы ужасным. Если бы ничто не мешало нам прибавлять звено за звеном к цепям гордыни и похоти и класть камень к камню нашей чудовищной цивилизации, мы превратились бы из падших людей в истин-

³⁷ Льюис К. С. Последняя битва. С. 315.

ных дьяволов, которых, быть может, и Богу не спасти. Люди должны свободно принять смерть, свободно склониться перед ней, испить ее до дна и обратить в мистическое умирание, сокровенную основу жизни»³⁸. «Но лишь Тому, Кто разделил добровольно нашу невеселую жизнь; Тому, Кто мог бы не стать человеком и стал Единым Безгрешным, дано умереть *совершенно* и тем победить смерть. Он умер *за нас* в самом прямом смысле слова, и поистине умер, ибо Он один поистине жил. Он, знавший изначально непрестанную и блаженную смерть послушания Отцу, принял во всей воле Своей, во всей полноте, столь ужасную для нас смерть тела. Предстательство – закон созданного Им мира, и потому смерть Его – наша смерть. Чудо Воплощения и Смерти Господней, не отрицая ничего, что мы знаем о природе, пишут комментарий к ней, и неразборчивый текст становится ясным»³⁹.

О Воскресении Христа К.С. Льюис писал не только в философских трактатах, но и аллегорически, в форме его всемирно знаменитых сказок «Хроники Нарнии». Как он написал в первой, самой известной книге этой серии «Лев, колдунья и платяной шкаф» «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол ломается и сама смерть отступит перед ним»⁴⁰.

О важности принятия для каждого человека добровольной жертвы Христа Спасителя Льюис пишет такими словами: «Самый первый шаг на этом пути – постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое «я» (личное «Я»

³⁸ Льюис К. С. Чудо. С. 235-236.

³⁹ Там же. С. 238.

⁴⁰ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., СПб., 1999. С. 103.

Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно – Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Принцип этот пронизывает всю жизнь. Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать «себя» – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и «все остальное приложится вам»⁴¹ ...

⁴¹ *Льюис К. С.* Просто христианство // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 200-201.

Настигнутый радостью. Сложный путь Клайва Льюиса к Богу

Многие из самых разных мыслящих пишущих людей на каком-то жизненном этапе испытывали потребность на бумаге изложить какие-то важные события своей жизни, ее важнейшие вехи. Некоторые авторы, причем такие разные как Блаженный Августин и Ж.Ж. Руссо прямо назвали эти свои книги «Исповедь». Некоторые авторы, напротив, подчеркивали, что написанное ими вовсе не исповедь.

Так У.С. Моэм в своей книге «Подводя итоги» так обозначает побудительные мотивы ее написания: «Я пишу эту книгу, чтобы вытряхнуть из головы некоторые мысли, которые что-то уж очень прочно в ней застряли и смущают мой покой. Я не стремлюсь никого убеждать. У меня нет педагогической жилки, и, когда я что-нибудь знаю, я не испытываю потребности поделиться своими знаниями. Мне более или менее все равно, согласны ли со мной другие. Разумеется, я считаю, что я прав – иначе я бы не думал так, как думаю, - а они не правы, но их неправота меня мало трогает. Не волнуюсь я и тогда, когда обнаруживаю, что мое суждение идет вразрез с суждением большинства. Я до некоторой степени доверяю своему инстинкту»⁴². Писатель не хотел полностью открыться в этой книге, при этом пытаясь доказать, что это и в принципе невозможно сделать, а те вещи, которые говорить другим не хочется – в сущности малозначимы: «У меня нет ни малейшего желания обнажать свою душу, и я не намерен вступать с читателем в слишком интимные отношения. Есть вещи, кото-

⁴² Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 383.

рые я предпочитаю держать про себя. Никто не может рассказать о себе всю правду. Тем, кто пытался открыть себя людям, не только самолюбие мешало рассказать всю правду, но и самая направленность их интереса; от разочарования в самих себе, от удивления, что они способны на поступки, казалось бы, ненормальные, они без нужды раздувают эти эпизоды, более обыденные, чем это им представляется»⁴³.

Свою автобиографию «Настигнут радостью» К.С. Льюис написал в 1955 году. Он назвал ее «очерком начала моей жизни», а в качестве эпитафии выбрал слова Уордсвута: «Настигнут радостью – нетерпелив, как ветер». Причины, побудившие к ее написанию, автор обозначает так: «Эта книга написана отчасти для того, чтобы поведать о том, как я пришел от атеизма к христианству, отчасти же для того, чтобы исправить некоторые неверные представления. Окажется ли эта книга столь же важной для читателя, как для меня самого, зависит от того, приобщен ли он к тому, что я назвал «Радостью». <...> Сейчас я хочу рассказать историю своего обращения; это не автобиография и уж ни в коем случае не «Исповедь» как у Августина, тем более – Руссо»⁴⁴.

Писатель начинает прямо с рождения: «Я родился зимой 1898 в Белфасте, отец мой был юристом, мать – дочерью священника. У моих родителей было только двое детей (оба – мальчики), причем я почти на три года младше брата. В нас соединились два очень разных рода. <...> Столь же разными, как и происхождение, были и характеры моих родителей. <...> С ранних лет я чувствовал огром-

⁴³ Там же. С. 382.

⁴⁴ Льюис К.С. Настигнут радостью // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М., Спб., 2000. С. 273-274.

ную разницу между веселой и ровной лаской мамы и вечными приливами и отливами в настроении отца. Пожалуй, прежде чем я сумел подобрать этому определение, во мне уже закрепилось некое недоверие, даже неприязнь к эмоциям - я видел, как они неуютны, тревожны и небезопасны»⁴⁵.

Льюис описывает первые осознанные светлые и темные впечатления своего детства:

«Однажды, на заре времен, брат принес в детскую крышку от жестянки из под печенья, которую он выложил мхом и разукрасил ветками и цветами, превратив то ли в игрушечный садик, то ли в лес. Так я впервые встретился с красотой. Настоящий сад не давал мне того, что дал игрушечный. <...> ...пока я живу, даже рай представляется мне похожим на игрушечный сад брата. Еще мы любили «зеленые горы», то есть приземистую линию холмов Каслри, которую видели из окна детской. Они были не так уж далеко, но для ребенка казались недостижимыми, и, глядя на них, я испытывал тот порыв, который к добру или к худу превратил меня в рыцаря Голубого Цветка прежде, чем мне сравнялось шесть лет. Эстетических впечатлений было мало, а религиозных не было вовсе. Кое-кто из читателей решил, что меня воспитали строгие пуритане – ничего подобного! Меня учили самым обычным вещам, в том числе – повседневным молитвам и в урочное время водили в церковь. Я воспринимал все это покорно и без малейшего интереса»⁴⁶.

«В том детском блаженстве был только один темный уголок. С младенчества меня мучили страшные сны. Это

⁴⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 275-276.

⁴⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 278.

часто бывает с детьми, и все же странно, что в детстве, когда тебя лелеют и оберегают, может открыться окошечко в ад. Я различал два вида кошмаров - с призраками и насекомыми. Особенно меня пугали насекомые, в те годы я предпочел бы встретить привидение, чем паука. <...> Наверное психологи не согласятся признать, что причиной кошмара была отвратительная картинка в детской книжке, но так считали в те простодушные времена. Мальчик-с-пальчик забрался на поганку, а снизу ему грозил усатый жук, заметно превосходивший его ростом. Это страшно само по себе, но хуже другое: усы у жука были сделаны из полосочек картона, отделявшихся от страницы и поднимавшихся вертикально вверх. С помощью какого-то дьявольского устройства на обратной стороне картинки усы приходили в движение, они распахивались и защелкивались, точно ножницы – клип-клип-клип! Я и сейчас, когда пишу, вижу их перед собой»⁴⁷.

Прямо с детства у него проявилось и желание писать: «Я начал писать от своей неуклюжести, от которой всегда страдал. Мы с братом унаследовали от отца физический изъян: у всех нас большой палец состоит только из одного сустава. <...> Я мечтал создавать вещи, корабли, машины, дома. Я перепортил все ножницы в доме, извел картон – и в слезах признал свое поражение. Оставалось одно – сочинять истории. Я и не подозревал, в какой волшебный мир я вхожу: ведь со сказочным замком можно сделать много такого, чего никогда не добьешься от картонного замка. <...> ...я с величайшим наслаждением написал и раскрасил свои первые книги. В них я старался совместить оба своих литературных пристрастия, «одетых зверюшек» и «рыца-

⁴⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 279-280.

рей в доспехах», и потому писал об отважном мышонке и кролике, который выезжал верхом, во всеоружии на смертный бой с котом-великаном. <...> ...от литературы перейдя к историографии, я принялся за подробную летопись Страны Зверюшек. Сохранилось несколько ранних вариантов, но довести труд до конца я так и не сумел: нелегко заполнить событиями столетия, когда единственный источник – твоя фантазия. <...> От истории до географии один шаг. Вскоре появилась карта Зверландии, вернее несколько почти соответствовавших друг другу карт»⁴⁸. «Совершенно очевидно, что в шесть, семь, восемь лет я жил исключительно воображением; по крайней мере, именно опыт, связанный с воображением, кажется мне самым важным для тех лет»⁴⁹.

Первая жизненная трагедия еще маленького Клайва Льюиса, после которой мир уже не мог быть прежним – смерть его мамы: «У мамы был рак, он развивался как обычно: операция (в те времена оперировали на дому), мнимое выздоровление, возвращение недуга, мучительные боли и смерть. Отец так и не оправился от этой утраты. <...> Нас с братом горе постигло еще до того, как мама умерла. Мы теряли ее постепенно, по мере того как она уходила из нашей жизни в объятия врачей, недуга и морфия, а жизнь превращалась во что-то грозное и чуждое»⁵⁰. «Смерть мамы породила во мне то, что некоторые (но не я сам) назвали бы первым религиозным опытом. Когда болезнь признали безнадежной, я вспомнил, чему меня учили: молитва с верою должна исполниться. И вот я принял-

⁴⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 282.

⁴⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 283.

⁵⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 286.

ся волевым усилием вызывать в себе уверенность, что мои молитвы непременно будут услышаны; я действительно поверил, что верю в это. Когда мама все-таки умерла, я стал добиваться чуда. Интересно, что неудача никак не подействовала на меня. Этот прием не сработал, но я уже привык к тому, что не все фокусы удаются. Дело, видимо, в том, что убежденность, которую я возбуждал в себе, не имеет никакого отношения к вере, и потому разочарование ничего не изменило. Я обращался к Богу (как я Его себе представлял) без любви, без почтения, даже без страха. В том чуде, которое я ждал, Бог должен был сыграть не роль Искупителя или Судьи, а роль волшебника; сделав то, что от Него требовалось, Он мог уйти. Мне и в голову не приходило, что та потрясающая близость к Богу, которой я добивался, связана еще с чем-то, кроме счастья нашей семьи. Думаю, что такая «вера» часто вспыхивает в детях, и крах ее на них не отражается, как ничего не изменило бы чудо, если бы оно произошло»⁵¹.

Новые жизненные испытания связаны у него со школьным периодом. Еще даже не зная, что ждет его в школах, он переживал уже когда просто ехал в первую из них: «Я читал о мальчиках, попадавших в подобную ситуацию и радовавшихся, что они большие, но сам я таких чувств не испытывал. Мой опыт убеждал, что ребенком быть лучше, чем школьником, а школьником - лучше, чем взрослым. Брат на каникулах предпочитал не вспоминать о школе, а для отца, которому я в этом верил, жизнь состояла из тяжелой работы и страха перед разорением. Впадая в соответствующее настроение (что бывало нередко), он восклицал: «Все это кончится работным домом» - и верил

⁵¹ *Льюис К.С.* Указ. соч. С. 287.

себе или, по крайней мере, думал, что верит, и я, принимая все всерьез, начал опасаться взрослой жизни. Школьная форма и впрямь показалась мне тюремной»⁵².

Школьные годы оставили столь мрачные воспоминания у Льюиса, что в одном из своих писем написал кому-то из своих юных читателей, поднявших тему школы: «Я учился в трех школах (все три – пансионаты), из них две были ужасные. Ни к чему я не испытывал такой ненависти, даже к фронтовым окопам в Первую мировую, так что и рассказывать не буду, не хочу тебя пугать»⁵³.

Про первую школу он вспоминал так: «В школе в то время насчитывалось восемь или девять интернов и столько же приходящих учеников. Спортивные игры, за исключением бесконечной лапты на жесткой спортплощадке, потихоньку вымирали и кончились вскоре после моего приезда. Я попал в эту школу в 1908, зная начатки латыни, которым меня обучила мать, и вышел из нее в 1910 с теми же латинскими упражнениями, так и не притронувшись ни к одному римскому автору. Главным орудием обучения были часто пускавшиеся в ход розги, висевшие на позеленевшей каминной доске в единственной классной комнате. Учили нас трое: владелец и директор школы (мы прозвали его Стариком), его взрослый сын (Малыш) и часто сменявшиеся младшие учителя. Один из них не продержался и недели, другого Старик рассчитал при учениках, приговаривая, что если бы сан ему не запрещал, он бы и вовсе спустил его с лестницы. <...> Потом учителей со стороны не стало, и новичков отдали на попечение младшей дочери Старика. К этому времени постоянных учеников насчитыв-

⁵² Льюис К.С. Указ. соч. С. 288-289.

⁵³ Льюис К.С. Письма детям. С. 383.

валось лишь пятеро. Вскоре Старик закрыл школу и принялся исцелять людские души. Я оставался до последнего и покинул судно, когда оно пошло ко дну»⁵⁴; «...невозможно достоверно описать наш концентрационный лагерь, не обнаружив, что там мы на тринадцать недель превращались в бледные, дрожащие, заплаканные создания. Всем охота похвастаться боевыми ранениями, но кто будет хвастать рубцами рабства?»⁵⁵.

Вторая не оставила у него особых впечатлений: «Итак, школа Старика затонула, никем не оплаканная, летом 1910. Вновь встал вопрос о моем образовании. На этот раз отец разработал план, который привел меня в восторг. В миле от Нового Дома высились кирпичные стены и башенки Кэмпбел-колледжа, основанного специально для того, чтобы предоставить жителям Ольстера хорошее образование без поездки в Англию. <...> Я был счастлив. Я считал, что ничто ирландское, даже школа, не может быть настолько скверным, как в Англии. Я провел в этой школе слишком мало времени, чтобы подробно говорить о ней»⁵⁶.

Третья школа, а особенно колледж после подготовительной школы дались Льюису крайне сложно. «В конце 1911, когда мне исполнилось тринадцать, мы с братом вместе отправились в Виверн – он в колледж, я в подготовительную школу (назову ее Шартр). Так начался лучший период нашей школьной жизни, о котором мы чаще всего вспоминали, когда речь заходила о годах учения»⁵⁷. Говоря о нравах, царивших в колледже, Льюис пишет: «Педера-

⁵⁴ Льюис К.С. Настигнут радостью. С. 290.

⁵⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 294.

⁵⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 307.

⁵⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 311.

ствия для среднего класса не считалась грехом, во всяком случае, столь серьезным, как привычка засовывать руки в карманы или не застегивать куртку»⁵⁸. Он достаточно спокоен, вспоминая об этом, так как самого его это не затронуло и, как отмечает Льюис, «именно этот порок никогда не привлекал и даже не пробуждал моего воображения – я до сих пор не очень это себе представляю»⁵⁹. Обучение в колледже давалось ему тяжело, как из-за царившей там атмосферы, так и из-за того, что он не мог из нее вырваться: «Такую мучительную, бесконечную усталость мне довелось пережить после школы лишь однажды - на передовой в окопах, и даже там, кажется было полегче. <...> Притворство, необходимость вечно симулировать, только усиливали скуку. Пожалуй, от этого я особенно уставал»⁶⁰.

Критикуя английскую закрытую школу Льюис пишет: «Каков бы ни был первоначальный замысел, система его не воплотила. Уже десятки лет Англия выслушивает горькие, дерзкие, печальные, а то и циничные слова от интеллигентов – почти все они воспитанники закрытых школ, почти все они свою школу не любили. <...> Но главное зло школьной жизни, как я теперь понимаю, не в страдании новичков и в необузданности старших. Было там нечто всепроникающее; именно оно причинило больше всего бед именно тем мальчикам, которым школьная жизнь давалась легко, которые были счастливы в школе. С духовной точки зрения зло школьной жизни в том, что вся она подчинена карьеризму, всех занимает только одно: продвинуться, достичь вершины, закрепиться, удержаться в элите. <...> А

⁵⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 333.

⁵⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 334.

⁶⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 339.

ведь именно здесь и у детей, и у взрослых источник подлости, угодничества перед высшими, коллекционирования нужных знакомств, поспешных отказов от «ненужной» дружбы, готовности бросить камень в того, кто в немилости, и тайного умысла почти за каждым поступком. Вивернские юнцы были самым неискренним, самым ненаивным, не-юным обществом, которое я только видел»⁶¹.

Среди этих событий в душе Льюиса идет духовный поиск, толчком к которому стало общение с воспитательницей в подготовительном колледже: «К сожалению, мне придется начать с мисс С., нашей воспитательницы, – я любил ее и буду говорить о ее ошибке так же бережно, как говорил бы о промахе, допущенном моей мамой. <...> Она затерялась между теософами, розенкрейцерами и спиритами, заблудилась в лабиринте англо-американского оккультизма. Ей бы и в голову не пришло подрывать мою веру – она хотела только внести в комнату свечу, не ведая, что комната полна пороха. <...> Дети никогда не верят в то, что они воображают: я создал целый мир, но я не верил в него именно потому, что сам его создал. И в чтении я никогда не подменял воображение верой. А тут я впервые узнал, что вокруг нас могут быть настоящие чудеса, что видимый мир – лишь занавес, скрывающий многие царства, о которых умаличивала моя куца теология. Так родилась во мне страсть, доставившая мне много хлопот и огорчений, – страсть к сверхъестественному ради сверхъестественного»⁶².

Интерес к оккультизму сочетался к Льюиса с формированием атеистического мировоззрения, как это сочета-

⁶¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 347-348.

⁶² Льюис К.С. Указ. соч. С. 315.

лось, он объясняет так: «Прежде чем я прочел Лукреция, я предчувствовал силу его довода в пользу атеизма, самого сильного из таких доводов: *Nequaquam nobis diwinitus esse paratum Naturam rerum tanta stst praedita culpa*⁶³. Как соединился мой атеизм, это «отсутствие замысла», с оккультизмом? Кажется, мне так и не удалось увязать их логически. Я просто раскачивался от одного настроения к другому – зато оба они отвергали христианство. И так, мало-помалу – теперь мне уже не проследить все оттенки этого превращения – я отпал от Церкви, утратил веру и ощутил не утрату, а огромное облегчение»⁶⁴.

В годы учебы в колледже у него происходит первый мистический опыт, приведший его к увлечению язычеством: «Кто-то забыл в школе газету – «Букмен» или литературное приложение к «Таймс», – я небрежно глянул на заголовок статьи, на картинку под ним, и в тот же миг «небеса опрокинулись». Я прочел: «Зигфрид и Сумерки богов». До тех пор пока я не слыхал ни о Вагнере, ни о Зигфриде. Сумерки богов означали для меня сумерки, в которых жили боги. Но я знал, что это не кельтский, не лесной, вообще не земной сумрак. Я сразу ощутил его «северность», я увидел огромное ясное пространство, дальние пределы Атлантики, сумрачное северное небо, и тут же я вспомнил, что уже знал это давным-давно»⁶⁵. «...Все же я должен сказать, что «Север» казался мне важнее христианства, потому что в нем было именно то, чего не хватало моей вере. Сам по себе он не был религией – в нем не было ни догм, ни обязательств. Но в нем было поистине ре-

⁶³ ...не для нас и отнюдь не божественной волею создан весь существующий мир: столь много в нём всяких пороков (лат.).

⁶⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 317.

⁶⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 321.

лигиозное поклонение, бескорыстное и самоотверженное поклонение чему-то, а не за что-то. <...> Может быть, для того и нужен был этот путь к ложным богам, чтобы у них научиться любви к тому дню, когда истинный Бог снова призовет меня к Себе. Конечно, я научился бы этому раньше и лучше на том пути, который остался мне неведом, если б не мое заблуждение и отступничество. Я только хочу сказать, что в наказании, посланном нам Богом, таится милость, из каждого зла создается особое благо, и греховное заблуждение тоже приносит пользу»⁶⁶.

Однако «первоначальное увлечение Вальгалой и валькириями стало перерастать в научный интерес. Я зашел так далеко, как только мог без знания древнегерманских языков. Я мог бы сдать серьезный экзамен и презирал выскочек, путавших поздние саги с классическими, прозаическую Эдду со стихотворной или, того смешнее, Эдду и саги. <...> Я построил храм – и увидел, что божество его покинуло. Я уже не испытывал того наслаждения. Разумеется, я этого не понимал, я видел только, что не получаю прежнего восторга»⁶⁷.

Как пишет Льюис, «Сходство между духовной жизнью и воображением проявляется и в том, что на обоих уровнях мы совершаем одни и те же ошибки. Я уже рассказывал, как я погубил свою веру опасным субъективизмом, все время требуя «исполнения», отвернувшись от Господа и сосредоточившись на себе, искусственно добиваясь определенного состояния духа. Теперь, столь же упорно и глупо, я подрывал жизнь собственного воображения. Я совершил ошибку в тот самый момент, когда стал

⁶⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 325.

⁶⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 384.

сетовать: что же это «прежний восторг» приходит ко мне все реже? Словом, я вновь интересовался лишь ощущением, лишь своим внутренним состоянием – а это страшная ошибка. Все внимание, все мечты нужно сосредотачивать вне себя <...> только тогда придет Радость. Радость может прийти, когда ты желаешь не ее самое, а нечто иное, отдельное от себя. Если какими-то аскетическими упражнениями или зельями удастся вызывать ее изнутри, она окажется поддельной»⁶⁸.

«Итоги этого периода можно подвести так: хотя плоть и бес могли по-прежнему искушать меня, я знал, что главный дар не в их власти. А о мире я и раньше это знал»⁶⁹.

Когда Льюис заканчивал колледж, «на континенте продолжалась неумелая резня Первой мировой. Я уже понимал, что война затянется, я успею достичь призывного возраста; и вынужден был выбирать, в отличие от английских мальчиков, которых принуждал закон, – в Ирландии служба добровольная. Я выбрал службу, – тут нечем гордиться, мне просто казалось, что это дает мне право хотя бы до поры до времени не вспоминать о войне»⁷⁰.

Он успевает поступить в Оксфорд из которого его призывают на военную службу: «После военной подготовки (она была в те времена гораздо проще, чем в последнюю войну) мне присвоили звание младшего лейтенанта и зачислили в Сомерсетский полк легкой пехоты (прежде это был Тринадцатый пехотный). Я попал на передовую в свой девятнадцатый день рождения (ноябрь 1917), боль-

⁶⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 386.

⁶⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 392.

⁷⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 379.

шую часть службы провел в деревушках под Аррасом и Монжи и был ранен у горы Бернешнон под Лиллем в апреле 1918. Армия вызвала у меня меньшее отвращение, чем я ожидал. Разумеется, она была ужасна, но как раз в слове «разумеется» заключалось ее спасительное отличие от Виверна: никто не требовал, чтобы я любил ее, никто и не притворялся. Все, с кем я общался, принимали службу, как тягостную повинность, нарушающую нормальное течение жизни. Гораздо легче вынести нормальные неприятности, чем те, которые преподносятся как удовольствие. Общие трудности пробуждают в нас сочувствие, иногда даже (когда испытания тяжелы) что-то вроде любви к собратьям по несчастью, но если люди вынуждены притворяться, будто им это нравится, рождаются только недоверие, цинизм, скрытая неприязнь»⁷¹.

Попав в госпиталь, Льюис «впервые прочитал сборник честерстонских эссе. Я ни разу не слышал о нем и понятия не имел, чего он хочет; до сих пор недоумеваю, как это он сразу покорило меня. Мой пессимизм, мой атеизм, мое недоверие к «чувствам», казалось бы, сулили ему полный провал. Видимо, Провидение (или какая-нибудь из младших первопричин), сводя вместе два разума, не заботится о прежних вкусах»⁷².

Война не так ранила душу Льюиса, как учеба в Вивернском колледже, хотя он видел многие из ее ужасов: «Я видел долго лежавшие трупы и только что убитых и вновь чувствовал, что испытывал в детстве, глядя на мертвое лицо мамы. Я научился жалеть и уважать простых людей, особенно моего сержанта, – его убил тот самый снаряд,

⁷¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 400.

⁷² Льюис К.С. Указ. соч. С. 401.

которым меня ранило. Я был жалким командиром, звание давали тогда слишком легко, я был просто марионеткой, которой сержант управлял как хотел, и это нелепое, унижительное для меня положение он сделал для меня прекрасным, он в самом деле заменял мне отца. Но сама война – холод и ужас, вонь и распластанные снарядам люди, обрубки, все еще шевелящиеся, словно раздавленный червяк, сидящие и стоящие трупы, грязная голая земля, ботинки, которые носили днем и ночью, пока они не прирастали к ноге, – словно померкла в моей памяти. Это слишком чуждо всему жизненному опыту – иногда мне кажется, что там был кто-то другой»⁷³.

«В январе 1919 я был демобилизован и вернулся в Оксфорд. <...> Первые два года в Оксфорде, помимо экзамена на степень бакалавра и подготовки к следующему испытанию, я был занят в основном тем, что можно назвать «новым взглядом». Я избавлялся от пессимизма и жалости к себе, от заигрывания со сверхъестественным, от романтических иллюзий».

Он продолжает учебу, занимается наукой, начинает преподавать. И параллельно продолжает свой духовный поиск, об итогах которого пишет так: «Нелегко молодому атеисту уберечь свою веру. Опасности подстерегают его на каждом шагу. Нельзя исполнить волю Отца (и пытаться не стоит), если ты не готов вместе с ней принять само учение. Я старался привести все свои поступки, желания и помыслы в гармонию с мировым Духом. Впервые в жизни я изучал себя ради разумной практической цели. И тут я обнаружил то, что повергло меня в ужас: зверинец похоти, бед-

⁷³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 405.

лам амбиций, детскую страхов, гарем взлелеянных ненавистей. Имя мне было легион»⁷⁴.

И, как пишет Льюис, на каком-то этапе его духовных поисков, он «больше не мог забавляться философскими играми. Как я уже сказал, этот «Дух» скорее всего еще не совпал с «Богом массовой религии», но Игрок на другой стороне просто отмахнулся от этого различия – и его не стало. Он не стал вдаваться в дефиниции, Он сказал только: «Я – Господь», «Аз есмь Сущий» – и просто: «Я есмь». <...> На меня надвигалась реальность, не ведающая компромисса. Никто не предлагал мне ультиматума «все или ничего». <...> Теперь от меня попросту требовали «Всё». И вот ночь за ночью я сижу у себя, в колледже Магдалины. Стоит мне хоть на миг отвлечься от работы, как я чувствую, что постепенно, неотвратно приближается Тот, встречи с Кем я так хотел избежать. И все же то, чего я так страшился, наконец, свершилось. В Троицын семестр 1929 года я сдался и признал, что Господь есть Бог, опустился на колени и произнес молитву. В ту ночь, верно, я был самым мрачным из нефоитов Англии. Тогда я еще не понимал того, что теперь столь явно сияет передо мной, – не видел, насколько смиренен Господь, Который приемлет новообращенного даже на таких условиях»⁷⁵.

Еще раз радость, уже иная, настигла Клайва Льюиса уже на закате его жизни. В 1950 году он получил первое письмо от американки Джой⁷⁶ Дэвидмен, которую так впечатлили его книги, что она сначала вступила с ним в переписку, а потом отправилась через океан, чтобы поознако-

⁷⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 427-428.

⁷⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 428-429.

⁷⁶ Joy - радость (англ.).

миться. Первая их встреча произошла в 1952 году. В мае 1956 года Льюис заключил с Джой гражданский фиктивный брак, чтобы она получила право оставаться в Англии, а в июне она тяжело заболела. В марте 1957 года, когда Джой уже не вставала, и врачи не обещали ей больше месяца жизни, их обвенчал в больнице священник Питер Байд. Совершилось чудо. Джой почти выздоровела, и несколько лет они с Льюисом были очень счастливы⁷⁷. Но эта тема, которую писатель никак не коснулся в своей написанной в 1955 году книге. Истории любви Клайва Льюиса и Джой посвящен фильм «Страна теней»⁷⁸. Как и его мама, Джой умерла от онкологического заболевания; это произошло при жизни Клайва Льюиса, и это ему было сложно пережить.

А книгу свою К.С. Льюис закончил так: «Но что же стало с Радостью? Ведь это ей посвящалась моя книга. По правде говоря, она почти перестала меня занимать с тех пор, как я стал христианином. Я не могу пожаловаться вместе с Уордстутом, что сияющее видение отлетело. Прежняя мучительно-сладостная боль (если вообще стоит говорить об этом) пронизала меня столь же часто и столь же сильно, как и до обращения. Но теперь я знал, что если воспринимать ее только как состояние собственного сознания, она не имеет той ценности, которую я ей придавал, а существенна лишь потому, что указывает на что-то другое, запредельное»⁷⁹.

⁷⁷ К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М., Спб., 2000. С. 446.

⁷⁸ Страна теней. Великобритания. 1993. Режиссер Ричард Аттенборо.

⁷⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 436.

«Кружной путь или блуждания паломника» Клайва Льюиса

Как писал А.Н. Горбунов, ответ на вопрос «Что мне делать, чтобы спастись?», «который в художественно-иносказательной форме дал Беньян, сразу привлек к себе множество читателей и быстро превратил «Путь паломника» в одну из самых знаменательных книг, написанных на английском языке. Достаточно сказать, что по числу переводов «Путь паломника» уступает разве что Библии – таких переводов более двухсот. И дело не только в том, что миссионеры, проповедавшие христианство в его протестантском варианте, обычно переводили «Путь паломника» на языки туземцев сразу же вслед за Библией, так как считали, что книга Беньяна лучше любой другой отвечает их целям, в образно-доходчивой форме излагая основы их веры. Было бы совершенно неверно видеть в книге только этот ее проповеднический пласт. «Путь паломника» уже давно стал неотъемлемой частью классического наследия английской словесности, прочно заняв место в ряду самых известных литературных памятников»⁸⁰.

Написанный в тюрьме во второй половине XVII века известным английским протестантским проповедником Джоном Беньяном «Путь паломника» – «это книга ноощащенного, который, оставшись в одиночестве и заглянув внутрь себя, не только вспомнил тяжкий путь поисков Бога, но и, осмыслив их с позиций веры, смог рассказать о них в объективно-безличной форме аллегории. Первые строки книги задают тон всему повествованию. Герой,

⁸⁰ Горбунов А.Н. Путь сквозь тесные врата // Д. Беньян. Путь паломника. СПб., 2015. С. 5-6.

одетый в лохмотья, с великим бременем на спине и с Библией в руке, которая открыла ему его греховность, спрашивает: «Что делать, чтобы спастись?» По совету встреченного им Евангелиста, указавшего ему на невидимую пока Калитку вдалеке и на сияющий свет, он бежит из города Погибели, громко вопия: «Жизнь, жизнь, вечная жизнь!» А дальше сюжет книги в художественной форме воспроизводит кальвинистскую доктрину о спасении, согласно которой человек проходит через осознание собственной греховности, отчаяние, понимание избранности Богом и постоянную духовную брань вплоть до самой смерти, пока его душа не попадет на небо»⁸¹.

Книга Джона Беньяна оказала влияние на многих писателей, в том числе и Клайва Стейплза Льюиса. Аллегорию «Кружной путь» Льюис задумал в 1931 году, написал и издал первый вариант в 1933 году. Основной реакцией читателей было возмущение⁸². Книга была написана К.С. Льюисом через несколько лет после того, как он после многих лет жизни убежденным атеистом встретил Христа; поэтому можно сказать, что произведение - во многом отражение и его личного опыта, жизненного и религиозного, его систематизированный ответ на вызовы христианству все менее скрывающего свою антихристианскую сущность мира первой половины 20 века. По сути у героя Льюиса тот же вопрос, что и у героя Беньяна: «Как спастись?» Но мир вокруг более сложен, поэтому и больше аллегорий и аллюзий у Льюиса, что, впрочем, обусловлено и его образованием и кругом чтения и личным религиозным опытом.

⁸¹ Там же. С. 13-14.

⁸² См.: К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М., Спб., 2000. С. 446.

Свою книгу Льюис начинает так: «Мне снился мальчик из страны Пуритании, по имени Джон. <...> Родители повели его по дороге, крепко держа за руки (что было и неудобно, и не нужно), и сказали, что они идут к управителю. <...> ...на полуслове управитель поднялся, откашлялся, снял со стены маску с бородой и стал очень жутким. «Теперь, – сказал он, – мы с тобой поговорим про Хозяина. Ему принадлежит наша страна и по своей великой, да именно *великой* милости он позволяет нам здесь жить». Слова «по великой милости» управитель повторял так часто и протяжно, что Джон рассмеялся бы, если бы тот не снял с гвоздя большой лист бумаги, исписанный сверху донизу, и не сказал: «Все это Хозяин запретил нам. Прочти-ка!» Джон взял список, но о половине запрещенных действий он никогда не слышал, а другие совершал каждый день и не мог представить, как их избежать. Всего же правил было столько, что не упомнишь. «Надеюсь, – спросил управитель, – ты еще не нарушил ни одного?» Сердце Джона сильно забилося, и он бы спятил от страха, но управитель снял маску и сказал: «А ты солги, солги, всем будет легче!...» – и снова в мгновение ока ее надел. Джон поспешил ответить: «Конечно нет!», и ему показалось, что глаз в проези маски подмигивает ему. «Смотри! – сказал управитель. – А то Хозяин бросит тебя навеки в черную яму, где кишат змеи. Кроме того, Он так милостив, так бесконечно милостив, что тебе самому больно Его огорчить»⁸³.

Джона страшит ад, одновременно он не может смириться с двуличием представителей той религиозной системы, в которой родился: «Шли дни и недели, и мне снилось, что Джон все мучился, думая о правилах и о змеиной

⁸³ Льюис К.С. Кружной путь или блуждания паломника // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М., Спб., 2000. С. 11-12.

яме. Сначала он очень старался, но каждый раз к вечеру видел, что нарушил больше, чем выполнил, и огорчался, а наутро нарушал уже совсем много, и даже не очень страдал. Но через несколько дней страх возвращался и был еще сильнее, потому что Джон успевал нарушить много правил. Особенно удивлялся он тому, что на оборотной стороне листа были другие правила, и некоторые из них противоречили тем, первым. Например, на лицевой стороне Джон читал, что надо все время проверять себя, а на оборотной, что надо меньше в себе копать. Или, скажем, он читал что, если сомневаешься, нарушил ли правило или нет, надо спросить старших, а на оборотной стороне находил поговорку: «Не пойман – не вор»⁸⁴.

Уже с детства его начинает занимать вопрос смерти и того, что будет после нее: «У Джона был дядя, про которого плохо говорили, и жил он на маленькой соседней ферме. Однажды, вернувшись из сада, Джон увидел, что в доме переполох. Дядя сидел в кресле серый как пепел. Мать плакала. Отец важно молчал. Был здесь и управитель в той самой маске. Джон спросил у матери, что случилось.

– Бедный дядя Джордж получил повестку, – сказала она.

– Какую? – спросил Джон.

– Его выселяют. <...>

И Джона послали наверх и велели надеть тесный костюм, а когда он спустился, ему дали маленькую маску. Родители тоже надели маски; и мне показалось, что они полезли с маской к дяде Джорджу, но он сильно дрожал, и она упала. Пришлось оставить его как он есть, а он был так ужасен, что все смотрели кто куда. Его с трудом подняли и

⁸⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 13.

повели на дорогу. Шла она с Запада на Восток, и в одном ее конце светило солнце, но все повернулись к солнцу спиной, и Джон увидел темные горы. Дальше дорогу пересекал ручей, вплоть до него росла трава, а за ним темный болотистый склон вел к голым холмам, за которыми высились горы. Самая высокая гора была и самой темной. Джон испугался, и ему сказали, что на ней живет Хозяин. До ручья шли долго, впереди совсем стемнело, дул холодный ветер. Когда они остановились, дядя оглянулся и застонал тоненьким голосом. Потом перешел ручей и удалился во мрак по топкому склону»⁸⁵.

И в то же время в душе Джона есть потребность в чем-то высшем по сравнению с тем, что может предложить ему повседневная жизнь; эта потребность приводит и к появлению первого мистического опыта: «Еще мне снилось, что однажды утром Джон вышел погулять на дорогу, чтобы хоть ненадолго забыть о списке, но забыть не мог. Однако он шел от вперед, и отошел от дома, и попал в незнакомый лес. Вдруг он услышал какой-то дивный звук, словно кто-то позвонил в колокольчик или дернул струну; затем раздался голос, такой высокий, чистый и странный, словно он звучал где-то за звездами. «Иди сюда!» – сказал голос, и Джон увидел стену вдоль дороги, а в ней окошко без стекла, прямоугольную дыру. Заглянув туда, он увидел лес, как бы устланный цветами, и смутно припомнил, что когда-то где-то хотел нарвать цветов. Пока он пытался поймать это воспоминание, из-за леса повеял ветер, такой благоуханный, что он сразу забыл и отца, и мать, и Хозяина, и список правил. Душа его опустела; потом он понял, что плачет, пытаясь вспомнить, что же было с ним когда-

⁸⁵ *Льюис К.С.* Указ. соч. С. 14-15.

то в лесу. Туман за лесом рассеялся, и Джон увидел в про свете мирное море и остров, покрытый мхом. <...> Когда же все скрылось от него, он не мог понять, что же он утратил»⁸⁶.

Поиск мистических религиозных ощущений в юности приводит Джона не к религиозному, а к первому сексуальному опыту: «Тогда я повернулся на другой бок, и заснул крепче, и увидел, что Джон уже юноша, а не мальчик. Главной радостью его было ходить к стене и глядеть в окошко, надеясь, что снова покажется остров. Иногда – особенно вначале – он показывался; но это бывало все реже, и Джон часами стоял у окошка, глядя в лес. Ему казалось, что он умрет от тоски; а думал он о том, что нарушил бы ради острова любые правила, попал бы в черную яму, если бы оттуда был виден остров. <...> Тут он решил воскресить былое чувство - ведь остров вызывал в нем чувство и ничто иное, - закрыл глаза, сильнее стиснул зубы и попытался представить себе утраченную красоту; но мысли его блуждали, и чувств никаких не было. Когда же он открыл глаза, в густой траве сидела и смеялась темноволосая девушка его лет, совсем голая.

– Меня ты и ждал, – сказала девушка. Каких тебе еще островов!

И Джон обнял ее и совершил с ней любоддеяние»⁸⁷.

К.С. Льюис очень наглядно показывает расплату за связь в основе которой нет любви и ответственности: «Теперь он часто ходил в лес. Он не всегда обнимал ее, хотя нередко этим кончалось. <...> Девушка была очень про-

⁸⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 13-14.

⁸⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 17.

тивна Джону, и он знал, что она это знает, хотя она по-прежнему хвалила его и улыбалась ему. <...>

– Я больше не приду, - сказал Джон. – Я искал не тебя, сама знаешь.

– Да? - сказала она. – Ну, иди. Только заведи их всех.

Она позвала кого-то, и из-за деревьев понабежали темнолицые девочки.

– Это кто такие? – спросил Джон.

– Наши дети, – отвечала она. – Ты что не знаешь? Ах и дурак! А теперь, детки, – и она обернулась к стайке девиц, – идите с папой.

Испугавшись выше меры, Джон перепрыгнул через стену и побежал домой»⁸⁸.

Как и герой Беньяна, герой Льюиса убегает из дома, все бросив. Но в отличие от него идет он в другую сторону: «И с той поры Джон не знал счастья. Он мучился, что нарушил столько правил (пока он ходил в лес, он почти не помнил о Хозяине), и боялся расплаты. Кроме того, он разучился мечтать об острове. К стене ходить он тоже боялся, чтобы не встретить темнолицую девушку, но вскоре обнаружил, что дочери постоянно вертятся вокруг него. <...> Вечером, когда семья собиралась у камина, они лежали прямо под ногами, но ни отец, ни мать не замечали их и удивлялись, куда же он глядит. <...> Когда он понял, что от темнолицых не спрятаться, он стал ходить к стене, ни на что не надеясь, как ходят к дорогой могиле. <...> Однажды по пути домой он заплакал. Тоска – уже не по острову, а по другой, сладостной тоске – была столь сильна, что сердце у него едва не расколосось, и он услышал короткий дивный звук, словно кто-то дернул струну или тронул коло-

⁸⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 18.

кольчик. <...> Почти ничего не разглядев, Джон очнулся. Той же ночью, когда отец и мать уснули, он вышел черным ходом из дому и пошел на Запад»⁸⁹.

На своем пути юноша встречает самых разных людей, отражающих модные предрассудки времени написания аллегории. Мистер Умм объясняет Джону почему нет Хозяина: «Управители выдумали, чтобы держать нас в узде. Дошлый народ, я вам скажу. Знают свой интерес. <...> У вас в Пуритании верят всяким басням. Науки не знают, нет образования. Вот, например, я вас удивлю: Земля круглая как апельсин. Так-то, молодой человек.

– Отец мне это говорил, – растерянно сказал Джон.

– Нет, нет, нет, не путайте! Вы его неправильно поняли. Мы прекрасно знаем, что в Пуритании Землю считают плоской. Что-что, а тут я не ошибусь. Словом, дело ясно»⁹⁰.

К. С. Льюис практически открыто смеется над аргументацией современной ему науки, отрицающей религиозный опыт, вкладывая в уста мистера Умма следующие слова: «Гипотеза, молодой человек, подобна снежному кому, а говоря попроще – если вы достаточно часто повторяете догадку, она становится научным фактом»⁹¹.

По мере внутреннего роста паломника, идущего не в ту сторону, становятся и более утонченными соблазны, встречающиеся ему. В пути Джон знакомится с женщиной – Лирией, «красивой, разве что слишком смуглой. В отличие от темнокожей девицы она была не развязной, а при-

⁸⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 18-19.

⁹⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 22.

⁹¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 23.

ветливой. <...> Джон рассказал ей про остров с самого начала.

– Тогда вам надо повидать папу, – сказала Лирия. – Мой отец – сам лорд Блазн. Живет он вон там, через полчаса дойдем.

– Ваш отец был на острове? Он знает путь?

– Он очень часто говорит совсем как вы.

<...> Теперь они шли рука об руку, и даже целовались, и тихо говорили о чем-то нежном и печальном. Лесная тень и звон колоколов напоминали Джону об острове – и почему-то – о темнокожей девице.

– Именно этого я и хотел, – сказал он. – Девица груба, остров бесплотен. Вот она, истинная жизнь!

– Это любовь, – вздохнула Лирия. – Вот он, истинный остров!»⁹².

Лорд Блазн говорит Джону: «Что значит «верить»? Те, кто говорили тебе о Хозяине, и ошибались, и не ошибались. Красота – это истина. Хозяин, которого они жаждают – здесь, в сердце. Остров, который ты ищешь, ты уже нашел»⁹³.

Потом Джон знакомится с сыном лорда Блазна – Болтом, который говорит про сестру, что она «темнорожая девка», а про отца, что «они его кормят темнорылые, а он и не знает. Зовут их музами, душой и тому подобное. Обыкновенный сводник!» Он зовет Джона в Гнуснополь, в котором живет и показывает ему свою машину, вызывающую у Болта «поэтические» чувства: «Предки творили кумиров, богов и богинь, но все это были темнокожие девки,

⁹² Льюис К.С. Указ. соч. С. 26-27.

⁹³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 28.

только припудренные. Фаллический культ, и больше ничего. А уж в ней похоти нет, верно?

– Еще бы! – сказал Джон, глядя на открытый мотор. – Какие уж тут девушки! Скорее змеиное гнездо или логово ежей.

– То-то! – сказал Болт. – Сила! И заметь (он понизил голос), сколько денег на нее ухлопано»⁹⁴.

Они едут в Гнуснополь, где Джон видит людей, среди которых «девушки походили на мальчиков, а мужчины, кроме тех, конечно, у которых росла борода – на женщин»⁹⁵. Отвергая старые идеалы, они нетерпимы ко всему, что хоть немного отличается от их стереотипов, разных у каждого из жителей этого города:

«– Мы потеряли идеалы на войне, – сказал молодой Сноб, – в дерьме, и в крови, и в грязи. Поэтому мы жестоки и откровенны.

– Простите, – сказал Джон, – воевали собственно ваши отцы, а они живут тихо и мирно.

– Мещанин, – вскричали Снобы и повскакали с мест.

<...> – Мы отбросили запреты! – завопила старая худая девица, а шесть других девиц вцепились Джону в лицо. Он кинулся на пол, вскочил, побежал к выходу, за ним летели какие-то колбы, а на улице собаки мчались за ним, люди же кидали в него всякий мусор и орали:

– Мещанин! Лицемер! Сквалыга!»⁹⁶.

У Гнуснополя и его жителей есть хозяин, которого Джон встречает позже: «А на что они живут по твоему? <...> Все как один работают на меня, – сказал Маммон. –

⁹⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 30-31.

⁹⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 33.

⁹⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 36-37.

Одни пишут, другие получают доход с моей земли. «Снобы...» Выдумают же всякую чушь в свободное время... когда лоботрясов не бьют!»⁹⁷.

Но Маммон не самый главный в этих местах; об этом Джон узнает, когда предпринимает попытку их покинуть:

«– Ты что, не знаешь? Этот край принадлежит Духу Времени.

– Простите, не знал, – сказал Джон. – Я как-нибудь обойду его владения.

– Вот идиот, – сказал начальник. – Да ты уже в его владениях. Ты их прошел. Это выход, а не вход. Гостей он любит, беглецов нет.

<...> Молодой человек надел на Джона наручники и повел его на цепи вниз в долину»⁹⁸.

Джона сажают в темницу, на заключенных в которой смотрит Дух Времени – великан под взглядом которого все становится прозрачным. Джон смотрит на заключенных вместе с ним и видит «не людей, а истинных чудовищ. Перед ним сидела женщина, но видел он череп, мозг, носоглотку, слюну в горле, кровь в жилах, легкие, подобные живым губкам, и печень, и змеиное гнездо кишок. Отвернувшись поскорее, он увидел старика, у которого темнела внутренняя страшная опухоль. Когда же Джон опустил голову, он увидел свои внутренности. И мне снилось, что так он прожил много дней, пока не упал ничком и не закричал: «Это черная яма! Хозяина нет, а яма есть.»⁹⁹.

Когда рыцарь Разум вонзает меч в сердце Духа Времени, он превращается в обычную гору, а служившие ему

⁹⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 38.

⁹⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 39.

⁹⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 41.

стражники разбегаются, оказывается, что многие из томившихся в его темнице не хотят уходить: «Принимаем желаемое за действительное... Нет уж, нас не проведешь!»¹⁰⁰.

Но Джон идет с Разумом, который сказал ему, что он может идти вместе с ним пока достанет сил. Разум говорит Джону:

«- Многие полагают, что всякая тяга – копия нашей любви к Хозяину.

– Полагали, но теперь подумали и отвергли. Наука доказала...

– Наука не могла ничего доказать, ибо никак не связана с тем, что лежит на Запад и на Восток от этой страны, за ее границей. Тебе скажут, конечно, что если две вещи похожи, то хорошая – копия, плохая – подлинник. Но это чистые домыслы. Ученые делают вид, что к их учениям привели исследования; на самом деле они сперва приняли свои учения, потом подкрепили их нужными фактами»¹⁰¹.

Разум также говорит Джону: «Если спорят с ними, они скажут, что ты прикрываешь доводами свои влечения, и не станут отвечать. Но если кто готов слушать их, они спорят и доказывают сколько им угодно.

– Понимаю. Как же им ответить?

– Спроси их, можно ли верить доводам. Если нет, ученье их никуда не годится, ибо они создали его, рассуждая. Если да, пусть послушают и нас и возразят по существу»¹⁰².

¹⁰⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 46.

¹⁰¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 47.

¹⁰² Льюис К.С. Указ. соч. С. 50.

Интересна история грехопадения Адама и Евы образно изложенная в «Блужданиях паломника» Матушкой, под которой автор, по всей видимости, понимает Церковь: «Надо вам знать, что когда-то здесь не было арендаторов, и Хозяин владел всей страной один. Жили тут звери, а Хозяин со Своими детьми за ними смотрел. <...> И вот однажды Хозяин <...> подумал, что поля и стада слишком хороши, чтобы иметь их одному. Тогда Он решил сдавать участки, и первыми Его арендаторами были молодые супруги. Ферма их стояла вот тут, на этом самом месте. Условия аренды были тогда другие, землю Он сдал навечно; однако сами они могли уйти к Нему в замок, когда хотят. Хозяин хотел, чтобы Его дети подружились с другим родом существ, и дети Его этого хотели. А здесь, надо сказать, росло много плодовых деревьев. <...> Хозяин знал, что плоды эти еще не годятся арендаторам, их могут есть только жители гор. <...> Когда здесь поселились люди, Хозяин испугался за них и сказал им, чтобы они не ели плодов. <...> И Он ушел домой, а люди соблюдали запрет, пока жена не свела знакомства с одним созданием, которое родилось в горах, но поссорилось с Отцом и отделилось, так что у него была своя земля, рядом. Но оно хотело захватить и эту землю, и это ему чуть было не удалось.

– Я не встречал его арендаторов, – сказал Джон.

– Как же, встречал, – сказала Матушка, – только не узнал. Снобы арендуют у Маммона, Маммон – у великана, а уж тот – у самого этого создания.

– Вот бы Снобы удивились! – сказал Джон. – Они ведь думают, что у них хозяина нет.

– Так уж дело ведется, – сказала Матушка. – Малые люди не знают большого начальства. Да и оно не хочет, чтобы его знали»¹⁰³.

В пути Джону становится все труднее, на каком-то этапе ему приходится помогать ставшему его другом попутчику Виртусу, с которым несколько раз сводил их путь, и эта помощь становится важным этапом его духовного роста: «Виртус лишь улыбался, говорить он не мог. Тогда Джон поднял его, но, сделав шаг, Виртус споткнулся, ибо ничего не видел. Когда Джон это понял, он повел его за руку; и познал одиночество, которое знают лишь утешители, нуждающиеся в утешении»¹⁰⁴.

В одной из критических ситуаций, когда «Джону было страшно, и очень хотелось есть, и очень хотелось пить» к нему подходит человек, который дает хлеб и воду и говорит при этом: «Ты остаешься жив лишь потому, что молишь и просишь кого-то, называя разными именами. А сам себе ты твердишь, что это просто метафоры.

– Я ошибся?

– Может и нет. Но играй честно: если Его помощь не метафора, не считай метафорой и правила. Если Он отвечает на Твой зов, значит, Он может говорить и Сам, без просьб. Если ты вправе к Нему воззвать, то и Он вправе обратиться к тебе»¹⁰⁵.

Интересен разговор Джона с встретившимся ему на пути отшельником, раскрывающий видение Льюисом соотношения личного и коллективного, языческого и христианского религиозного опыта:

¹⁰³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 55.

¹⁰⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 80.

¹⁰⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 101.

«Одни картинки, без правил, опасны; опасны и одни правила. Потому-то лучше всего найти Матушку сразу и с детства знать то третье, что принес нам Сын Хозяина. Да лучше всего и не ведать о споре между картинками и правилами. <...>

– Что же делали эти Языки?

– Почти то же самое, что и ты. Картинка пробуждала в них мечту. Потом они совершали много ошибок, пытаясь поймать ее. Если им это не удавалось, они создавали ее подобие. Если удавалось, они тщились получить от него наслаждение. Да ты и сам все это знаешь.

– Конечно!.. А что бывало дальше?

– Они выдумывали рассказы о картинках и старались в них поверить. Они кидались к темнолицым девушкам, убеждая себя, что только это им и нужно. Они уходили далеко на Юг, в Черномагию. Они совершали много нелепостей и непотребств; но куда бы они не зашли, Хозяин находил их. Когда Его картинки стирались и блекли, Он посылал им новые, и прежние выдумки становились пресными»¹⁰⁶.

Джон встречается и со смертью, которая говорит ему: Прыгай сам или жди, пока тебя толкнут. Закрой глаза или жди, пока их завяжут. Сдайся или продолжай бессмысленную борьбу.

– Я бы сдался, если бы мог.

– Тогда я стану тебе служанкой, а не владычицей. Исцеление от смерти – смерть. Отдавший свою свободу получит ее с избытком. Идем же к Матушке»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 106-107.

¹⁰⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 117.

И вот Джон приходит к Матушке; судя по всему, ситуация является аллюзией на таинство крещения, как смерти для греха и рождения в вечную жизнь во Христе: «На самом дне Ущелья стояла Матушка в сверкающем венце, и в руке у нее был скипетр. <...>

– Я сдаюсь, – сказал Джон.

– Это хорошо, – сказала Матушка. – Долго тебе пришлось идти, а я перенесла бы тебя за минуту. Но ничего, хорошо и так.

– Что мне делать сейчас? – спросил Джон.

– Снять свои лохмотья, – ответила Матушка. – А потом – ныряй в пруд»¹⁰⁸.

Джону и его другу Виртусу, пришедшему вместе с ним к Матушке еще предстоит путь, полный трудностей и опасностей, у каждого своих, в который они отправляются с ангелом, названным Льюисом Жителем Гор:

«– Честное слово, – сказал Джон, – Матушка к нам немилостива. Дорога стала намного уже и опасней.

– Ты знаешь, – сказал Житель Гор, – что без опасности люди гибнут»¹⁰⁹.

Он говорит Джону о переменах, происходящих в современном Льюису мире: «Беда нынешних людей в том, что они верят рекламе. Конечно, если бы машины делали именно то, что о них пишут, перемена была бы очень глубокой. Но это не так. Они хотят облегчить труд – и отяжеляют его; хотят подстегнуть похоть – и плодят скопцов; развлечения утомляют их, а попытки сберечь время уничтожили в их стране добрый досуг. А что до прочности – вспомни, как быстро ломаются эти машины. Темные пу-

¹⁰⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 118.

¹⁰⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 123.

стоши еще зазеленеют, а из всех городов, которые я видел, быстрее всего придут в упадок железные города»¹¹⁰.

В итоге Джон возвращается туда, откуда начал свой путь. «Земля круглая, и ты ее обошел, – сказал Житель Гор. – Твой остров – это горы, только ты видишь их сзади. Никакого острова нет, и с той стороны – суша»¹¹¹. И он говорит также Джону: «Кто знает, где бы ты был сам, если бы пересек ручей прямо у дома? Поверь, Хозяин привел тебя сюда самым коротким путем»¹¹².

Конец земного пути – смерть, и Льюис пишет об этом в своей аллегории:

«Вдруг Джон остановился и чуть не заплакал. Он увидел маленький домик, пустой и обветшалый. Спутники спросили его в чем дело, и от ответил им:

– Мы снова в Пуритании. Здесь жила моя семья. Отец и мать, я вижу, перешли через ручей, а мне столько надо сказать им.

– Ничего, – сказал Ангел, – и ты перейдешь его сегодня.

– В последний раз?

– Да, если все будет хорошо»¹¹³.

Герой Льюиса, в отличие от героя Беньяна начал свой путь в обратную сторону; для того, чтобы достичь пункта назначения, ему пришлось обойти весь земной шар, причем оказалось, что место назначения – там, где он родился. Но это не значит, что ему можно было не уходить, не значит, что большая часть затраченных им усилий была

¹¹⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 132.

¹¹¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 121.

¹¹² Льюис К.С. Указ. соч. С. 121.

¹¹³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 141.

напрасна. Именно через преодоление всех препятствий этого «кружного пути» происходил его духовный рост, именно благодаря искренности его стремлений Джон сумел прийти туда, куда звала его душа, несмотря на то, что изначально пошел в обратную сторону.

Размышления К.С. Льюиса о псалмах

Книга «Размышления о псалмах» К.С. Льюиса вышла в 1958 году. На русском языке она в переводе Н.Л. Трауберг была в первый раз опубликована в журнале «Мир Библии» (№ 1 за 1994 год). Как отмечено в комментариях к произведению в собрании сочинений Льюиса, «счет псалмов различен в еврейской и греческой Псалтири, причем славянская и русская Псалтирь следуют в этом отношении за греческой, английская же (которой пользовался Льюис) за еврейской»¹¹⁴.

В своем предисловии автор писал: «Это не ученый труд. Я не гебраист, не экзегет, не археолог, не историк Древнего мира. Я пишу для неученых о том, о чем и сам не много знаю. Если мне надо просить за это прощения, то я прошу его примерно так: очень часто два школьника могут помочь друг другу лучше, чем учитель. Сообщив ему о своих затруднениях, он, как все мы помним, будет объяснять им то, что они и без него знают, и то, чего они знать не хотят, но он не слова не скажет им в ответ. Я видел это с обеих сторон - я ведь учитель и сам пытался отвечать ученикам, но быстро замечал по их лицам, что и я, как мой учитель, потерпел поражение. Соученик поможет лучше, потому что он знает меньше. Он сам недавно думал о том же, что и его друг. Учитель думал об этом так давно, что все перезабыл. Теперь он видит предмет совсем по-иному и просто понять не может, в чем затруднение. Видит он и десятки других затруднений, ученику неизвестных. И вот я

¹¹⁴ К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., Спб., 2000. С. 451.

пишу как любитель любителю. <...> Я не учу, я просто показываю тетрадь»¹¹⁵.

При чтении псалмов, их осмыслении, Льюис часто воспринимает их, исходя из своего профессионального научного опыта, связанного с филологией: «...я должен сказать, что псалмы – это стихи, причем такие, которые пели вслух. Не трактаты, даже не проповеди, а стихи. <...> Писание – это книга, поэтому, читая его, мы поневоле входим в область словесности. В нем есть разные жанры. Псалмы – это лирика со всеми ее условностями, гиперболами, внелогическими сочетаниями слов. Если об этом не помнить, псалмов не поймешь; увидишь в них то, чего в них нет, и проглядишь главное»¹¹⁶. «Очень важную особенность их формы можно сохранить в переводе. Это – так называемые параллелизмы: одно и тоже сказано дважды, по-разному: «Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им (2: 4); «И выведет как свет правду твою, и справедливость твою, как полдень» (36: 6). Если читатель не видит, что это – прием, он станет думать, в чем же разница, и в конце концов ее выдумает (так делали в старину многие проповедники), или устанет, или удивится. На самом же деле этот прием воплощает суть искусства. Кто-то сказал, что искусство – это «то же самое, но иначе». Танцующая народный танец, вы делаете три прыжка вправо и три таких же прыжка влево. Если в здании есть левое крыло, то есть и правое. <...> Конечно, не всегда этот прием выступает в таком простом виде. <...> Если вы хоть немного чувствуете стихи, то эта особенность вас обрадует. Если же не чувствуете, то ощутите к ней почтение: она радовала

¹¹⁵ Льюис К.С. Размышления о псалмах // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., Спб., 2000. С. 267-268.

¹¹⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 268.

Христа, Он любил ее и употреблял. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7: 2). «Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам» (Мф. 7: 7). Можете считать, что цель тут – практическая, учительная: Господь облакает Свои речения в такую поэтическую, почти напевную форму, что их просто невозможно забыть. Но я думаю, что это не все. Когда Тот, Кто замыслил Себе и нам на радость прекрасный, как стихи, мир, умалился до человеческой речи, речь эта неизбежно стала подобна стихам. Ведь поэзия – малое Воплощение, она дает плоть невидимому и неслышимому доселе»¹¹⁷.

Льюис обращает внимание на то, что псалмопевцы совсем иначе воспринимали многие вещи, чем современные ему христиане: «Христианин трепещет при мысли о Божием суде. День суда для нас – день гнева. Мы молим Бога помиловать нас в час смерти и в день суда, мы просим о добром ответе на «страшном судилище Христовом». <...> Поэтому я очень удивился, заметив впервые, как говорят псалмопевцы о суде. Говорят они так: «Да веселятся и радуются племена! Ибо Ты судишь народы праведно» (66: 5). «Да радуются поле и все, что на нем, и да ликуют все деревья дубравные пред лицом Господа; ибо идет, ибо идет судить землю» (95: 12-13). Люди радуются суду, просят о нем: «Суди меня по правде Твоей, Господи, Боже мой» (34: 24). Скоро я начал понимать в чем тут дело. Ветхозаветные люди, как и мы, представляли Господень суд в образе земного суда. Но мы, христиане, видим на скамье подсудимых себя самих, иудеи же видели там своих обидчиков, а себя считали истцами. Мы надеемся на оправда-

¹¹⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 269.

ние, то есть хотим, чтобы суд был помягше; им нужно, чтобы суд судил строго¹¹⁸. При этом Льюис отмечает: «Правда, и в псалмах есть строки, где автор приближается к христианскому смирению и мудро отказывается от самооправдания. В 49 псалме (вообще одном из лучших) обвинитель – Бог (7-23), а в 142: 2 мы читаем такие знакомые слова: «...не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается перед Тобой ни один из живущих». Но это – исключения»¹¹⁹.

Автор обращает внимание не только на разницу в восприятии суда во времена написания Псалтири и в Англии второй половины 20 века, но и на то, что многие из тех, кто говорят с пафосом о высоте христианской жизни, зачастую сами могут не дотягивать не только до христианских, но и до общечеловеческих норм: «Ученые говорили мне, что судьи из Книги Судей, собственно, защитники, они вершили иногда суд, но больше и чаще защищали, выручали израильтян, спасали и от филистмлян, и от других врагов. Для нас, англичан, они ближе к Джеку – Грозе великанов, чем к судье в белом парике. <...> Несомненно, христианское представление о суде и глубже, и душеполезнее иудейского. Но это не значит, что мы должны просто забыть иудейское, отбросить. <...> Дело в том, что оно уточняет христианское представление. <...> Иудейское представление резко и ясно напоминает нам, что мы грешны, быть может, не только по сравнению с «Божиим стандартом», но и по сравнению с вполне выполнимым и об-

¹¹⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 271.

¹¹⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 274-275.

щепринятым стандартом человеческим, который мы сами применяем, когда судим других¹²⁰.

Льюис много размышляет о ненависти, звучащей в некоторых псалмах: «Когда мы читаем некоторые псалмы, ненависть пышет нам в лицо, словно жар из печи. <...> Пример ненависти пугающей можно найти во многих местах, но самый ужасный, наверное, в псалме 108. Автор просит Бога, чтобы Тот поставил нечестивого над врагом его, а «диавол да станет одесную его»(6). <...> «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. Дети его будут сиротами, и жена его - вдовою. Да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих... Да не будет сострадающего ему; да не будет милующего сирот его (108: 8-10,12). Еще ужаснее один стих из прекрасного псалма – о вавилонских младенцах (136: 9)»¹²¹.

Он пытается найти ее причины: «Но подумаем не о том, как злобен псалмопевец, а о том, что его до этого довело. Именно такую злобу, согласно естественному закону, рождает жестокость и несправедливость. Отнимите у человека имущество, честь или свободу, и вы отнимите у него чистоту, а может – из-за вас он перестанет быть человеком. Не все жертвы кончают с собой; многие живут, и живут они злобой»¹²².

Автор высказывает точку зрения, что неспособность к гневу может быть хуже, чем гнев: «Неспособность к гневу прекрасна, но она бывает и очень плохим симптомом. Я понял это, когда в начале войны ехал вместе с молодыми

¹²⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 273.

¹²¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 277.

¹²² Льюис К.С. Указ. соч. С. 280.

солдатами. Судя по их разговору, они абсолютно не верили в газетные сообщения о немецких зверствах. Они и не сомневались, что это выдумки, пропаганда, призванная «расшевелить» войска. Но они не возмущались. Им казалось совершенно нормальным, что какие-то люди приписывают врагу чудовищные преступления просто для того, чтобы получше натравить на него подчиненных. Их даже не особенно это трогало, они не видели здесь ничего дурного. И я подумал, что самый яростный псалмопевец ближе к спасению, чем они. <...> И так, неспособность к гневу, особенно к тому гневу, который зовут негодованием, может быть тревожным симптомом, а негодование хорошим»¹²³.

Мыслитель обращает внимание на то, что богоизбранность не только дар, но и крест; и невозможно не учитывать этого факта при чтении ветхозаветных текстов: «Иудеи грешили против Бога больше, чем язычники, именно потому, что были к Нему ближе. Когда сверхъестественное входит в человеческую душу, оно дает ей новые возможности и добра и зла. Отсюда идут две дороги: к святости, любви, смирению – и к нетерпимости, гордыне, самодовольству. Одной дороги нет – назад, к пошлыми грешкам и добродетелям неразбуженной души. Если Божий зов не сделает нас лучше, он сделает нас намного хуже. Из всех плохих людей хуже всего – плохие религиозные люди. Из всех тварей хуже всего – тот, кто видел Бога лицом к лицу. <...> Даже в самых страшных из проклятий мы видим как псалмопевцы близки к Богу. Более того, мы слышим Божий голос, чудовищно искаженный плохим инструментом, человеком. Нет, Бог не смотрит так на Своих

¹²³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 280-281.

врагов, Он «не хочет смерти грешника»; Он неумолим как псалмопевец, но не к грешнику, а к греху. Он не потерпит его, не попустит, не войдет с ним в сговор. Он вырвет глаз, отрубит руку, если иначе Ему не спасти Свое создание. В этом ярость псалмопевца гораздо ближе к одной стороне истины, чем многие нынешние взгляды, которые тем, кто их исповедует, кажутся христианским милосердием»¹²⁴.

И Льюис приходит к такому выводу: «...мне кажется, что пробираясь к голосу Божию через проклятия псалмов, я получил больше, чем получил бы от этических трактатов. Тени сказали мне много про самый свет»¹²⁵. А следующие его слова соответствуют духу православных святоотеческих толкований псалмов: ««Под «проклинаяющие псалмы» каждый представляет свое; но не забудем, что аллегории эти – на совсем другом уровне, чем истинный их глубинный смысл. Гнев нужно направить на зло, лучше всего – на наше собственное. Читая о «беззаконном» в псалме 35, неплохо вспомнить, что самый известный нам пример – мы сами. <...> При таком чтении можно даже вынести стих о вавилонских младенцах. Много в нашей душе подобно младенцам – скажем, начатки мелких попущений и мелких досад, которые могут разрастись в пьянство или злобность. Поистине блажен, кто разобьет их о Камень – это легче посоветовать, чем сделать»¹²⁶.

Интересны размышления Льюиса о восприятии загробной жизни в Псалтири: «Мне кажется очевидным, что в Ветхом Завете очень мало говорится о вере в будущую жизнь и совсем нет такой веры в бессмертие, которая име-

¹²⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 282-283.

¹²⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 324.

¹²⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 334.

ла бы мало-мальски религиозное значение. Слово, переводимое как «душа» в наших псалмах, значит просто «жизнь»; слово, переводимое как «ад» или «преисподняя» – просто страна мертвых, шеол, где пребывают все умершие – и добрые и злые»¹²⁷.

«Из Нового Завета видно, что к тому времени иудаизм сильно изменился в этом отношении. Саддукеи придерживались прежних взглядов, но фарисеи и, видимо, кто-то еще верили в будущую жизнь. Сейчас мы не будем говорить о том, как эти изменения происходили. Нам важно другое: сильное религиозное чувство существовало и без такой веры. <...> Начнем с того, что рядом с евреями жил народ, занятый чуть ли не одной только будущей жизнью. Когда читаешь о древнем Египте, невольно думаешь, что египтяне пеклись прежде всего о своем посмертном благополучии. Господь, по-видимому, не пожелал, чтобы Его народ шел по этому пути»¹²⁸.

По мнению Льюиса (с которым вряд ли согласятся религиоведы) «сами по себе «блаженство» и «муки» за гробом – вообще не предмет религии. Тот, кто в них верит, будет, скорее всего, избегать мук и стремиться к блаженству. Но религиозного в этом не больше, чем в накоплении денег или в заботах о здоровье. Разница только в том, что ставка выше, тем самым неизмеримо больше надежда и страх. Но надежды эти, и страхи – о себе, не о Боге; Бога ищут ради чего-то другого. Они могут существовать и без веры в Бога. Буддисты очень заботятся о посмертной судьбе, а в Бога не верят»¹²⁹.

¹²⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 284-285..

¹²⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 286..

¹²⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 286.

Однако следующее его утверждение показывает, насколько высоки собственные представления писателя о рае и аде: «Тот, кто любит Бога, хочет не только быть с Ним, но быть с Ним вечно и боится Его потерять. Именно поэтому верующий человек надеется на рай и боится ада. Когда же «рай» понимают не как единение с Богом, а «ад» – не как отвержение от Него, вера в будущую жизнь - злое суеверие»¹³⁰.

Льюис уделяет много внимание и радости, ликования, которыми наполнены многие псалмы: «Если слово «веселый» кажется вам неуместным, значит вы особенно нуждаетесь в том, что псалмы могут дать больше любой другой книги. Мы знаем, что Давид плясал перед ковчегом. Плясал он так самозабвенно, что одна из его жен (которая была современной, но не лучше его) решила, что он ставит себя в смешное положение. Давид об этом не думал. Он радовался Господу. <...> В детстве я думал, что Иерусалимский храм был как бы кафедральным собором, а синагоги - приходскими церквями. Это не так. То, что происходило в синагогах, было совсем не похоже на происходившее в храме. Там собирались, учили, толковали Закон (см.: Лк. 4: 20; Деян. 13: 15). В храме совершали жертвоприношения; именно в нем служили Яхве. <...> Я больше всего люблю в псалмах именно то, из-за чего плясал Давид. «Это» не так чисто и глубоко, как любовь к Богу, которой достигли великие мистики и святые новозаветных времен. Я их не сравниваю, я сравниваю радость Давида и «прилежное хождение в церковь». При таком сравнении она удивляет и непосредственностью и силой. Читая, мы завидуем ей и надеемся ею заразиться. Радость эта была

¹³⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 287.

сосредоточена в храме»¹³¹. «Псалмопевцам по сравнению с нами было почти не за что любить Бога. Они не знали, что Он предлагает им вечное блаженство; не знали, что Он умрет, чтобы это блаженство для них отвоевать. Но они так любят Его, так тянутся к Нему, как любят Его и тянутся к Нему только лучшие из христиан или, быть может, только христиане в лучшие свои минуты. Их тяга к «красоте Господней» сильна как физическая жажда. <...> Мы находим там религиозный опыт, ставящий в центр Бога; видим, как человек просит у Бога только Его Самого, только Его присутствия, радостного и осязаемого до предела»¹³².

Рассуждая о ветхозаветном Законе, Льюис проводит такую аналогию: «Иногда (не всегда) я рад, что я не слишком хороший богослов; уж очень легко тогда счесть себя хорошим христианином. По сравнению с этим смешны искушения химика или филолога. Когда наука священна, гордый и умный человек может подумать в конце концов, что «внешние» не только необразованней, чем он, но и ниже в глазах Господних – «этот народ невежда в законе, проклят он» (Ин. 7: 49). Гордыня растет, наука, дающая такие преимущества, усложняется, запретов все больше; наконец, прожить день, не нарушив какой-нибудь заповеди, становится так же трудно, как станцевать сложный танец, а это, в свою очередь, приумножает самодовольство одних и запуганность других. Тем временем «важное в законе», праведность, отходит на самый задний план; законники оцепивают комара, поглощая верблюда. Тогда закон,

¹³¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 289-290.

¹³² Льюис К.С. Указ. соч. С. 292-293.

как и обряд, становится злокачественным. Он живет уже сам по себе, губя то, ради чего создан»¹³³.

При этом, по мнению автора, псалмопевец «наверное, чувствовал к Закону то же, что к своему искусству: и то и другое предполагает точное и благоговейное следование некоему узору. <...> Он радуется Закону, как радуется тот, кто нащупал твердое дно, или тот, кто вышел из топи на ровную дорогу»¹³⁴.

Интересна аналогия, проводимая Льюисом между 103 псалмом и египетским «Гимном солнцу». Псалмопевец «радовала трава для скота, зелень на пользу человека, вино, которое веселит сердце, и елей, от которого блистает лицо (103: 14-15). <...> Но этим евреи не ограничивались. Они благодарили Бога и за то, что человеку пользы не приносит. <...> Я сказал, что у язычников нет такого восприятия природы; на самом же деле в одной очень древней поэме оно есть. Она вообще очень похожа на 103 псалом. Но в том-то и суть, что ее автор - не политеист. Она восхваляет не богов, а Единого Бога, сотворившего все сущее. <...> Речь идет о египетском «Гимне солнцу» (14 в. до Р.Х.). Создал его Аменхотеп Четвертый, называвший себя Энхатоном. Он совершил религиозный переворот, порвал с политеизмом отцов и всеми силами пытался привить Египту монотеизм. <...> Но ничего из этого не вышло. Религия Энхатона умерла вместе с ним. А может быть, из этого вышел иудаизм. Нет ничего невероятного в том, что идеи Энхатона входили в египетскую «премудрость», которой учился Моисей. <...> Но никаких свидетельств об этом не осталось. <...> Поэтому не будем опрометчиво утверждать,

¹³³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 295.

¹³⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 296-297.

что монотеизм Энхатона был прообразом иудаизма и, если бы только жрецы и народ его приняли, то Господь явил бы себя через египетских пророков. Но сейчас нам важно другое: что ни говори, общее в этих религиях есть, и потому в гимне Энхатона есть общее с псалмами»¹³⁵.

Льюис рассказывает и о том, каким камнем преткновения для него оказалось на первом этапе понимание молитвы, как благодарности и славословия Богу, и как он сумел решить для себя эту проблему:

«Когда я подходил к вере в Бога, и даже когда поверил, мне мешало, что нас вечно просят «славить» и «хвалить» Его. Особенно я удивлялся, что вроде бы и Сам Он это любит. <...> А хуже всего – исключительно глупая и языческая торговля, напоминавшая мне, как дикарь то улещает идола, то бьет; псалмопевец словно бы хочет сказать: «Ну ладно, любишь хвалу – сделай мне то-то и то-то, и хвала Тебе будет!» В псалме 53 он просит спасти его от врагов(3), а потом заверяет: «Я усердно принесу Тебе жертву, прослаблю имя Твое» (8). Снова и снова он просит его спасти на том странном основании, что мертвые не могут возносить хвалу (29: 10; 87: 11; 118: 75). Важно даже, сколько раз он хвалит: «Семикратно в день прослаблю Тебя» (118: 164). Это меня очень удручало. Поневоле думаешь то, чего думать не хочется»¹³⁶.

«Когда псалмопевец просит всех хвалить Господа, он делает ровно то же самое, что делает человек, говорящий о предмете своей любви. Должно быть, мы так хвалим то, что нас радует, потому что хвала не только выражает, но и дополняет радость, доводит ее до полноты. Не ради лести

¹³⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 309-311.

¹³⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 312-313.

влюбленные повторяют друг другу, как они красивы, - радость их неполна, если они этого не скажут. <...> А если бы смертный человек мог достойно восхвалить самое достойное на свете, то душа его достигла бы высшего блаженства. Когда я думаю об этом, я понимаю христианское учение о том, что ангелы и блаженные души славят Бога на небесах. Это совсем не то, что «пойти в церковь». Наша «служба» – очень слабое подобие, мы только пытаемся там славить Бога, и в 99,9% случаев это нам не удается»¹³⁷.

Льюис пишет и о Христоцентричности Псалтири и в целом Ветхого Завета и о том, как сложно принять это многим из его современников: «Христиане находят в них иносказания, скрытый смысл, связанный с истинами Нового Завета – с Воплощением, Страстями, Воскресением, Сошествием Святого Духа и Искуплением. Так читают собственно весь Ветхий Завет. Предполагается, что полное его значение становится ясным только в свете событий, которые произошли через много лет после смерти написавших его людей. Современному человеку нелегко это принять. Кто-кто, а мы знаем: при желании можно вычитать из текста все, что угодно. Особенно хорошо это знают те, кто пишут научную фантастику. Я с удивлением узнавал из хвалебных и из враждебных рецензий, какие глубокие аллегории содержатся в моих научно-фантастических книжках. <...> Однако толковать Библию мы вправе»¹³⁸.

В итоге Льюис приходит к тому, о чем позднее прекрасно говорил митрополит Антоний (Блум): главное в Евангелии не учение, а Личность Богочеловека Иисуса Христа: «Быть может, именно потому, что учение Божие

¹³⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 314-315.

¹³⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 316.

ускользает от нашего систематизирующего разума, мы вынуждены принять его всем нашим существом и понять, что мы не «изучаем предмет», но входим в общение с Личностью, обретаем новое зрение и новое сердце, дышим новым воздухом и вместе с Богом, по-Божьи стараемся восстановить в себе Его искаженный образ»¹³⁹.

«Спаситель Сам открыл нам, что Ветхий Завет полон иносказаний. По пути в Еммаус Он говорил ученикам, что они должны бы знать из Писания, как придет к славе Помазанник Божий, и объяснил им «от Моисея» (то есть с самого начала, с Пятикнижия) все, что сказано о Нем (см. Лк. 24: 25-27). <...> первые христиане были ближе и к букве и к духу Его слов, чем самые ученые (не говорю - «самые святые») наши современники. А в сущности, в словах Его и нет никакой буквы»¹⁴⁰.

«Мало кто чувствует в наше время, что в вечности пребывает прославленный Человек. <...> Воскресение и Вознесение для нас - великие победы Бога, это так; но ведь они и великие победы Человека. 8 псалом, к нашей радости, напоминает об этом. Страсти и славу Спасителя мы вправе сопоставить с уделом человека: и там и здесь мы видим уничтожение – и величие, незащитное начало – и великую судьбу. Сопоставление это не кажется мне натянутым»¹⁴¹.

Завершает свои размышления о псалмах Льюис размышлениями о вечности, в которую переходит человек, вступая в общение с Богом: «Наконец, мне иногда неотступно слышится иносказание, о котором я нигде не читал.

¹³⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 324.

¹⁴⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 325-326.

¹⁴¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 333.

Автор 83 псалма говорит: «...один день во дворах Твоих лучше тысячи» (11), имея в виду именно это: один день у Бога лучше, чем тысяча без Него. Но я всегда думаю здесь о том, о чем, насколько мне известно, ветхозаветные авторы не думали. Мысль эта есть в Новом Завете. В псалме 89 говорится, что пред очами Божиими «тысяча лет, как день вчерашний»(5). Апостол же Петр прибавляет, что «у Господа один день как тысяча лет» (2 Пет. 3: 8). Псаломопевец, по-видимому просто хотел сказать, что Бог вечен. В Послании Петра мы вообще выходим за пределы времени. <...> С такой точки зрения строки 83 псалма обретают дополнительный смысл. Бог может явиться нам в отрезке времени - в дне, минуте, секунде; но коснемся мы того, что со временем несоизмеримо. Мы надеемся выйти если не из времени, то хотя бы из его плена, из его одномерности, убожества, и тем исцелить ноющую боль, которую этот плен причиняет нам в счастье и в несчастье»¹⁴².

¹⁴² *Льюис К.С.* Указ. соч. С. 335.

«Не ручной Лев» «Хроники Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса

В «Хроники Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса входят впервые изданная в 1950 году сказка «Лев, Колдунья и платяной шкаф», впервые увидевшая свет в 1954 году «Конь и его мальчик», в 1951 – «Принц Каспиан», в 1952 – «Покоритель Зари» или плавание на край света», в 1953 – «Серебряное кресло», в 1955 – «Племянник чародея», в 1956 – «Последняя битва». Сейчас сказки обычно выходят в такой последовательности, как перечислены выше; сам же автор в 1957 году писал одной из своих юных читательниц, с которой вступил в переписку: «...серия не задумывалась такой заранее. Когда я писал «Льва, Колдунью и платяной шкаф» я не знал, что будет продолжение. Потом я написал «Принца Каспиана» и опять не думал, что буду сочинять дальше, а когда закончил «Покорителя Зари» был твердо уверен, что на этом остановлюсь. Оказалось, я ошибся. Так что, наверное, не очень важно в каком порядке читать. Я даже не уверен что остальные написаны в той последовательности, в какой опубликованы. Я никогда не записываю таких вещей и не помню дат»¹⁴³.

Автор «Хроник Нарнии» так писал о том, как, по его мнению, нужно писать для детей: «Мы должны встречаться с детьми на равных, ведь мы и вправду равны. Наше превосходство, возможно, в том, что мы гораздо больше знаем и лучше умеем рассказать. Не нужно ни руководить маленькими читателями, ни делать из них кумира. А хуже всего смотреть на них, как профессионал на сырье, подле-

¹⁴³ Льюис К.С. Письма детям // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., СПб., 2000. С. 360-361.

жащее обработке. Конечно, мы стремимся не навредить им и, с Божьей помощью, надеемся сделать им добро. Но при этом должны с уважением относиться к ним. Не нужно воображать себя провидением или судьбой. Я не скажу, что чиновник из министерства просвещения никогда не напишет хорошей детской книги. Все возможно. Но, по-моему, шансов мало»¹⁴⁴.

О причинах, подвигших его к созданию «Хроник Нарнии» Льюис рассказывал так: «Кажется, некоторые считают, что вначале я спросил себя, как рассказать детям что-нибудь о христианстве, потом как средство выбрал сказку, собрал сведения о детской психологии и определился, для какого возраста буду писать, набросал список христианских историй и придумал к ним аллегории. Это - полная ерунда. Так я бы не написал ничего. Все началось с образов: фавн под зонтиком, королева в санях, величавый лев. Сперва там не было ничего от христианства, это пришло само собой, позже, когда я уже кипел. <...> Автор выбрал сказки, потому что они оказались идеальной формой для того, о чем я хотел рассказать. Потом в диалог вступил Человек. Я подумал, что в детстве такие книги, возможно, помогли бы мне самому не растерять веру. Почему так трудно испытывать к Богу или Христовым страданиям те чувства, которые, как нам говорят, мы должны испытывать? Думаю, именно потому, что речь идет об обязанности, и это убивает чувства. Главная причина – здесь. <...> В детстве мне казалось, что о вере можно говорить лишь вполголоса, как в больнице. «Что если перенести все это в волшебную страну, – подумал я, – где нет ни витражей, ни воскресных школ, может тогда ребенок впервые увидит

¹⁴⁴ Льюис К.С. Три способа писать для детей // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000. С. 403.

веру во всей ее мощи и устоит?» И я понял, что да. Это был человеческий мотив. И все же у Человека ничего не получилось бы, если бы сначала не закипел Автор»¹⁴⁵.

Одной из первых юных корреспонденток Льюиса стала одиннадцатилетняя американка Хила. Она прислала акварель, на которой изобразила всех героев «Льва, колдуньи и платяного шкафа». Впервые она прочла сказу тремя годами раньше и ощутила то, что позже назвала «неизъяснимым трепетом и томлением»¹⁴⁶. К.С. Льюис писал ей: «Что до другого имени Аслана, постарайся угадать сама. Разве не было в этом мире Того, кто бы (1) появился в Рождество; (2) говорил, что Он – Сын Великого Императора; (3) за чужую вину отдал Себя злым людям на осмеяние и смерть; (4) вернулся к жизни; (5) Его еще иногда называют ягненком или агнцем (смотри конец «Покорителя зари»). Наверняка ты знаешь, как Его зовут в нашем мире. Подумай и напиши мне свой ответ!»¹⁴⁷.

Пятиклассникам из Мэриленда Льюис писал: «Вы ошибаетесь, когда думаете, будто все в книгах «представляет» что-нибудь в этом мире. <...> Я не говорю: «Давайте представим Иисуса, как Он есть, в виде Льва Нарнии». Я говорю: «Предположим, была бы такая страна Нарния, и Сын Божий, как Он стал Человеком в нашем мире, стал бы там Львом, и представим, что бы могло случиться». Если вы подумаете, то увидите, что это совсем другое дело»¹⁴⁸.

В 1960 году в письме тринадцатилетней Патрисии, старшей из семи девочек в семье, К.С. Льюис уже подроб-

¹⁴⁵ Льюис К.С. Иногда лучше рассказать обо всем в сказке // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000. С. 405-406.

¹⁴⁶ Льюис К.С. Письма детям. С. 335.

¹⁴⁷ Льюис К.С. Письма детям. С. 336.

¹⁴⁸ Льюис К.С. Письма детям. С. 344.

но рассказывает об образах «Хроник Нарнии»: «...я вовсе не пытаюсь «представить» реальную (христианскую) историю в символах. Я скорее говорю: «Вообразите, что существует мир, подобный Нарнии, и что Сын Божий (или Великого Заморского Императора) приходит его искупить, как пришел искупить наш. Что бы получилось?» <...>

1. Создание Нарнии - это сотворение мира, но совсем не обязательно нашего.

2. Когда Джадис срывает яблоко, она, подобно Адаму, совершает грех послушания, но для нее это не то же самое. К тому времени она уже пала, и пала глубоко.

3. Каменный стол действительно должен напоминать об одной из Моисеевых скрижалей.

4. Страдания и Воскресение Аслана – это Страдание и Воскресение Христа, какими они могли бы быть в том, другом мире. Они подобны тем, что Он претерпел в нашем, но не те же.

5. Эдмунд, подобно Иуде, гад и предатель, однако в отличие от Иуды, он раскаялся и получил прощение (как, без сомнения, получил бы Иуда, если бы раскаялся).

6. Да. На самом краешке нарнийского мира Аслан начинает больше походить на Христа, каким мы знаем Его здесь. Отсюда – ягненок, то есть Агнец. Отсюда – трапеза, как в конце Евангелия от Иоанна. Разве он не говорит: «После того, как вы узнали меня здесь (в Нарнии), вам легче будет увидеть меня там (в нашем мире)»?

И, разумеется, Обезьян и Лопух перед Страшным Судом (в «Последней битве») – это как приход Антихриста перед концом нашего мира»¹⁴⁹.

¹⁴⁹ *Льюис К.С. Письма детям. С. 376-377.*

«Хроники Нарнии» – серия очень добрых и одновременно жестких сказок о мире, зло в котором носит не отвлеченный, а вполне реальный характер. И для борьбы с ним иногда нужно не только рисковать своей жизнью, но и убивать. Так, спасающий свою сестру, «Питер вовсе не был таким уж смельчаком, напротив, ему казалось, что сейчас ему станет худо от страха. Но это ничего не меняло: он знал, что ему повелевал долг. Одним броском он кинулся на чудовище, подняв меч, чтобы ударить его сплеча. Волк избежал этого удара. С быстротой молнии он обернулся к Питеру. Глаза его сверкали от ярости, из пасти вырвался злобный рык. Зверь был полон злобы и просто не мог удержаться от рычания; это спасло Питера – иначе волк тут же схватил бы его за горло. Все дальнейшее происходило так быстро, что Питер не успел ничего осознать: он увернулся от волчьей пасти и изо всех сил вонзил меч между передними лапами волка, прямо тому в сердце»¹⁵⁰. Возможно, впечатления, оставшиеся от Льюиса от его участия в военных действиях Первой мировой войны, преломившись в его сознании сквозь призму героического эпоса, который он так любил, сквозь всю призму его непростого жизненного опыта и сквозь радость спасения, прочувствованную Клайвом, когда Христос коснулся его сердца, и дали писателю возможность создавать образы, которые до сих пор трогают многих читателей до глубины души.

В первой из сказок «Хроник Нарнии» – «Лев, колдунья и платяной шкаф» – Льюис пытается через понятные детям образы передать причины, побуждающие того, кто ни в чем не виноват, отдать свою жизнь за другого – не просто грешника, а предателя. Колдунья говорит Аслану:

¹⁵⁰ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., СПб., 2005. С. 83.

«Вы не хуже меня знаете Магию, которой подвластна Нарния с давних времен. Вы знаете, что согласно ей, каждый предатель принадлежит мне. Он – моя законная добыча, за каждое предательство я имею право убить»¹⁵¹.

Льюис показывает, как тяжело пройти последнюю часть пути тому, кто сделал выбор осознанно пожертвовать собой за другого:

«– Ты не болен, милый Аслан? – спросила Сьюзен.

– Нет, – ответил Аслан. – Мне грустно и одиноко. Положите руки мне на гриву, чтобы я чувствовал, что вы рядом.

И вот сестры сделали то, что им хотелось с первой минуты, как они увидели Льва, но на что они никогда не отважились бы без его разрешения, – они погрузили озябшие руки в его прекрасную гриву и принялись гладить ее. И так они шли всю дорогу. Вскоре девочки поняли, что поднимаются по склону холма, на котором стоял Каменный Стол. Их путь лежал по той стороне склона, где деревья доходили почти до самой вершины; и когда они поравнялись с последним деревом, Аслан остановился и сказал:

– Дети, здесь вы должны остаться. И что бы ни случилось, постарайтесь, чтобы вас никто не заметил. Прощайте»¹⁵².

Льюис описывает и сам момент страданий и смерти; когда мучители уже уверены в своей окончательной победы и бессмысленности жертвы, принесенной тем, кого они после издевательств убили:

«Все как один они набросились на него. Даже те, кто боялся подойти к нему, уже связанному, теперь осмелели.

¹⁵¹ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 90.

¹⁵² Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 96.

Несколько минут Аслана не было видно – так плотно обступил его весь этот сброд. Чудища пинали его, били, плевали на него, насмехались над ним. <...> Колдунья наклонилась и перед тем, как нанести удар, проговорила торжествующе:

– Ну, кто из нас выиграл? Глупец, неужели ты думал, что своей смертью спасешь человеческое отродье? Этого предателя мальчишку? Я убью тебя вместо него, как мы договорились; согласно Тайной Магии жертва будет принесена. Но когда ты будешь мертв, что помешает мне убить и его тоже? Кто тогда вырвет его из моих рук? Четвертый трон в Кэр-Парваале останется пустым. Ты навеки отдал мне Нарнию, потерял свою жизнь и не избавил от смерти предателя. А теперь, зная это, умри!

Люси и Сьюзен не видели, как она вонзила нож. Им было слишком тяжело на это смотреть, и они зажмурили глаза. Поэтому они не видели и другого – как в ответ на слова Колдуньи Аслан улыбнулся и в его глазах сверкнула радость»¹⁵³.

Но Льюис в своей сказке показывает не только смерть, но и Воскресение. Воскресший Аслан говорит Люси и Сьюзен: «Колдунья знает Тайную Магию, уходящую в глубь времен. Но если бы она могла заглянуть еще глубже, в тишину и мрак, которые были до того, как началась история Нарнии, она прочитала бы другие Магические Знаки. Она бы узнала, что когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле взойдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним»¹⁵⁴.

¹⁵³ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 98-99.

¹⁵⁴ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 103.

Льюис показывает возможность покаяния для предателя; но и показывает, что это не просто слова извинения. Эдмунду, хотя он и не взрослый мужчина, а маленький мальчик, приходится в бою встретиться с той, кому он предал своих близких: «Мы должны поблагодарить Эдмунда, Аслан, – услышала Люси слова Питера. – Нас бы разбили, если бы не он. Колдунья размахивала своей палочкой направо и налево, и наше войско обращалось в камень. Но Эдмунда ничто не могло остановить. Добираясь до Колдуньи, он сразил трех людоедов, стоящих на его пути. И когда он настиг ее – она как раз обращала в камень одного из ваших леопардов, – у Эдмунда хватило ума обрушить удар меча на волшебную палочку, а не на Колдунью, не то сам он был бы превращен в статую. Остальные как раз и совершали эту ошибку. Когда ее палочка оказалась сломанной, у нас появилась некоторая надежда... Эдмунд тяжело ранен»¹⁵⁵.

Через этот бой и рану, от которой он получает исцеление, Эдмунд обновляется:

«Люси давно – пожалуй, целую вечность не видела, чтобы он выглядел так чудесно. По правде сказать, с того самого дня, как он пошел в школу. Там-то, в этой ужасной школе, в компании дурных мальчишек, он и сбился с правильного пути. А теперь Эдмунд стал прежним и мог прямо смотреть в глаза людям.

И тут же, на поле боя, Аслан посвятил Эдмунда в рыцари.

– Интересно, – шепнула сестре Люси, – знает ли он, что сделал ради него Аслан? О чем на самом деле договорился Аслан с Колдуньей?

¹⁵⁵ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 112.

– Ш-ш-ш... Нет, конечно, нет, – сказала Сьюзен.
– Как ты думаешь, рассказать ему? – спросила Люси.
– Разумеется, нет, – ответила Сьюзен. – Это будет для него ужасно. Подумай, как ты чувствовала бы себя на его месте.
– И все-таки ему следовало бы знать, – сказала Люси»¹⁵⁶.

К.С. Льюис пишет о том, что было им самим выстрадано во время долгого религиозного поиска: отношения с Богом выстраивает Бог; человек не знает, когда Он его позовет для чего-то важного. Мистер Бобр предупреждает детей:

«– Аслан будет приходить и уходить, когда ему вздумается. Сегодня вы увидите его, а завтра нет. Он не любит быть привязанным к одному месту... и, понятное дело, есть немало других стран, где ему нужно навести порядок. Не беспокойтесь. Он будет к вам заглядывать. Только не нужно его принуждать. Ведь он же не *ручной лев*»¹⁵⁷.

Писатель подчеркивает, что чем выше положение, которое занимает человек, тем менее он свободен, тем выше его ответственность. В сказке «Конь и его мальчик» король говорит сыновьям: «Мы, короли, подчиняемся закону. Лишь закон и делает нас королями. Я не свободнее, чем часовой на посту. <...> Быть королем – это значит идти первым в самый страшный бой, и отступить последним, а когда бывает неурожай, надевать самые нарядные одеж-

¹⁵⁶ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 113.

¹⁵⁷ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф. С. 114-115.

ды и смеяться как можно громче за самой скудной трапезой во всей стране»¹⁵⁸.

Льюис говорит о двойственности падшей человеческой природы. Аслан обращается к королю Каспиану: «Ты ведешь род от господина Адама и госпожи Евы. Это честь, способная возвысить главу беднейшего бедняка, и позор, способный пригнуть плечи величайшего императора. Будь доволен»¹⁵⁹.

Через бесхитростные диалоги детей писатель показывает как сложно бывает почувствовать необычность мира, в котором ты живешь:

«– Не хотите ли вы сказать, – спросил Каспиан, – что вы трое прибыли сюда с круглого, как шар, мира? Почему вы раньше не говорили? Я очень любил в детстве сказки о таких мирах. Правда, я не думал, что эти миры есть на самом деле, но очень этого хотел и хотел побывать там. Я бы что угодно отдал... кстати, почему вы попадаете в наш мир, а мы в ваш – нет? Ах, попасть бы туда! Как интересно жить на шаре! А вы бывали в тех местах, где люди ходят вверх ногами?»

Эдмунд покачал головой.

– Нет, – сказал он и добавил: – Круглый мир ничуть не интересен, когда ты на нем живешь»¹⁶⁰.

Льюис говорит о том, что есть вещи страшнее смерти, и в то же время о том, что Бог имеет власть даровать необходимое тому, кто утратил последнюю надежду:

¹⁵⁸ Льюис К.С. Конь и его мальчик // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., СПб., 2005. С. 83.

¹⁵⁹ Льюис К.С. Принц Каспиан // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., СПб., 2005. С. 342.

¹⁶⁰ Льюис К.С. «Покоритель зари» или плавание на край света // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., СПб., 2005. С. 463.

В «Племяннике чародея» Аслан спрашивает Дигори: «Колдунья хотела, чтобы ты еще в одном нарушил мою волю, ты помнишь?»

– Помню, – сказал Дигори. – Она подбивала меня взять яблоко для мамы.

– Оно бы вылечило твою маму, – сказал Лев, – но пришел бы день, когда и ты, и она пожалели бы об этом.

Дигори молчал, он молча плакал, утратив последнюю надежду, познал, что Лев сказал правду, на свете есть то, что страшнее смерти. Он плакал, пока не услышал тихий голос:

– Так было бы, сын мой, если бы ты поддался и сорвал яблоко. Теперь будет не так. В твоём мире нельзя жить вечно, но здоровым быть можно. Иди сюда. Сорви яблоко для мамы»¹⁶¹.

Льюис показывает, как близко духовный и материальный миры, как тонка граница между жизнью и смертью:

«Юстэс сделал к нему шаг, протянул руки, но вдруг отступил назад.

– Послушай, – запинаясь, проговорил он. – Я очень тебе рад, но разве ты... я хочу сказать, ты не...

– Ох, да не глупи! – сказал Каспиан.

– Разве он не... умер? – спросил Юстэс, глядя на Аслана.

– Да, – спокойно ответил Аслан, и Джил показалось, что он улыбается. – Он умер. Многие умерли. Даже я. Живых гораздо меньше.

– А! - воскликнул Каспиан. – Я знаю, что тебя беспокоит! Ты думаешь, я призрак, или еще какая-нибудь чужь.

¹⁶¹ Льюис К.С. Племянник чародея // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000. С. 208.

Нет, в стране Аслана призраком не станешь. Конечно, я стал бы призраком, явись я теперь в Нарнии или в вашем мире. Но, наверное, это еще не ваш мир, хотя вы и здесь»¹⁶².

Интересны образы в конце сказки «Последняя битва».

«– О-о-о! – воскликнул Питер. – Это Англия! Это дом профессора Керка в деревне, где начались наши приключения!

– Я думал, его снесли, – сказал Эдмунд.

– Да, его снесли, – сказал фавн. – Но вы смотрите сейчас на Англию внутри Англии, настоящую Англию. И в этой внутренней Англии ничто хорошее не пропадает»¹⁶³.

Через эти образы автор предполагает, что будет с людьми и народами после окончания земного периода их истории. Ничто хорошее не пропадет, когда нам кажется, что земные наши добрые начинания рушатся, несмотря на все старания, то, вполне возможно, что в таинственных сферах духовного мира они уже реализованы, просто нам не полезно, чтобы они воплотились в жизнь сейчас, так как мы могли бы возгордиться и забыть о Боге. Не пропадает и совершенное нами зло, но деятельным покаянием мы можем если не изгладить его, то кардинально изменить его последствия.

В завершение последней из книг «Хроник Нарнии» К.С. Льюис говорит о том, что смерть не страшна тем, кто искренне любит Бога; что она может стать для них началом новой, лучшей жизни:

¹⁶² Льюис К.С. Серебряное кресло // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000. С. 121.

¹⁶³ Льюис К.С. Последняя битва // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000. С. 324.

«Потом Аслан повернулся и сказал всем:

– Вы еще не такие счастливые, какими бы я хотел вас видеть.

Люси ответила:

– Мы так боимся, что ты отошлешь нас обратно, Аслан. Ты так часто возвращал нас в наш мир.

– Не бойтесь, – сказал Аслан. – Разве вы не догадались?

Сердца у детей подпрыгнули, и в них вспыхнула дикая надежда.

– Это была *настоящая* железнодорожная катастрофа, – тихо и мягко сказал Аслан. – Ваши папа и мама и все вы, как называют это в стране теней, – мертвы. Учебный год позади, настали каникулы. Сон кончился, вот и утро.

И пока Он говорил, Он все меньше и меньше походил на Льва. А то, что случилось дальше, было так прекрасно, что писать об этом не могу. Для нас это завершение всех историй, и мы честно можем сказать, что они жили долго и счастливо. Но для них это было только началом настоящей истории. Вся их жизнь в нашем мире, все приключения в Нарнии были только обложкой и титульным листом; теперь, наконец, началась Глава Первая Великой Истории, которую не читал ни один человек на земле; Истории, которая длится вечно; Истории, в которой каждая глава лучше предыдущей»¹⁶⁴.

Детское восприятие – более острое, чем у взрослого человека. В своих обращенных к детям «Хрониках Нарнии» Льюис сумел создать образы, которые и сегодня трогают сердца как совсем юных, так и взрослых читателей, побуждая заглянуть вглубь своей души.

¹⁶⁴ Льюис К.С. Последняя битва. С. 325.

«Нельзя взять в путь все, что у тебя есть». Рай и ад в «Расторжении брака» К.С. Льюиса

Свою книгу «Расторжение брака» К.С. Льюис начинает так: «Блейк писал о браке Неба и Ада. Я пишу о расторжении брака не потому, что считаю себя вправе спорить с гением, - я даже не знаю толком, что он имел в виду. Но, так или иначе, люди постоянно тщатся сочетать небо и ад. Они считают, что на самом деле нет неизбежного выбора и, если хватит ума, терпения, а главное – времени, можно как-то совместить и то и это, приладить друг к другу, развить или истончить зло и добро, ничего не отбрасывая. Мне кажется, что это тяжкая ошибка. Нельзя взять в путь все, что у тебя есть, иногда приходится оставить даже глаз или руку»¹⁶⁵. Автор уверенно утверждает: «Зло можно исправить, но нельзя перевести в добро. Время его не врачует. Мы должны сказать «да» или «нет», третьего не дано. Если мы не хотим отвергнуть ад или даже мир сей, нам не увидеть рая. Если мы выберем рай, нам не сохранить ни капли, ни частицы ада. Там, в раю, мы узнаем, что ничего не потеряли, даже если отсекали себе руку. В этом смысле те, кто достойно совершил странствие, вправе сказать, что все – благо и всюду – рай. Но пока мы здесь, мы не вправе так говорить. <...> «А как же земля?» – спросите вы. Мне кажется, для тех, кто предпочтет ее небу, она станет частью ада, для тех, кто предпочтет ей небо, - частью рая»¹⁶⁶.

«Расторжение брака» – не богословское произведение, это образ, сон героя произведения, и Льюис заостряет

¹⁶⁵ Льюис К.С. Расторжение брака. // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., Спб., 2000. С. 209.

¹⁶⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 210.

на это внимание в самом начале: «...сами события я придумал и ни в коей мере не выдаю за то, что нас действительно ждет. Меньше всего на свете я пытался удовлетворить любопытство тех, кого интересуют подробности загробной жизни»¹⁶⁷. Но это вовсе не значит того, что книга не заслуживает самого внимательного прочтения.

Рассказчик оказывается в автобусе, который везет группу духов из ада в рай. По мере приближения к месту назначения, его пассажиры начинают выглядеть все более неприглядно: «Автобус был залит ярким, жестким светом. Увидев лица моих спутников, я содрогнулся. Одни были иссохшие, другие распухшие, одни – по-идиотски злобные, другие совершенно пустые, но все какие-то линиялые и перекосенные. Казалось, если свет станет ярче, они развалятся на куски»¹⁶⁸.

В пути герой успевает узнать достаточно много, как о некоторых из своих спутников, так и о городе, из которого он с ними выехал, что уже позволяет составить некоторое впечатление, как о самом месте, так и о его обитателях: «Косматый поэт недолго терзал меня, беседу нашу прервали, но узнал я о нем довольно много. Как выяснилось, ему удивительно не повезло. Родители не понимали его, ни в одной из пяти школ не разглядели и не оценили его дарований. К довершению бед, он был из тех, кому абсолютно не подходит экзаменационная система. В университете он догадался, что несправедливости не случайны, а вызваны нашей экономической системой. Капитализм, оказывается, не только угнетает рабочих, но и портит вкус и притупляет ум. Догадавшись об этом, он стал коммунистом, но тут

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ *Льюис К.С.* Указ. соч. С. 217.

Россия заключила союз с капиталистическими странами, он снова оказался не у дел и уклонился от призыва. Неприятности, связанные с этим, вконец его озлобили. Он решил ехать в Америку, но Америка вступила в войну. Тогда он понял, что новая поэзия найдет приют лишь в Швеции, но бюрократы и мещане его туда не пустили. Туго было и с деньгами. Отец, человек тупой и отсталый, давал ему гроши. И девушка его обидела. Он думал, что она взрослый, современный человек, а она оказалась мещанка с моногамным комплексом. Он же, надо сказать, особенно не терпит собственности. В общем, больше выдержать не мог. Он бросился под поезд»¹⁶⁹.

Что касается самого города, то о нем емко сказал один из пассажиров: «...у нас здесь все очень склочные. Прибудет кто-нибудь, поселится и сразу поссорится с соседом. За неделю доходит до того, что рядом жить нельзя. Места много – все уже переругались и уехали. Селится он на соседней улице, а если там тоже найдется сосед, передвигается еще дальше. В конце концов он строит себе на отшибе новый дом. Тут это просто: представь себе дом – и готово. Так город и растет. <...> И время тут другое. Эта остановка, где мы ждали, за тысячи километров от того места, куда прибывают с земли. Все, кого вы видите, живут недалеко от остановки, но добираются они до нее много столетий по нашему времени»¹⁷⁰.

Некоторые духи, прибывшие из мрачного города, встречаются со светлыми духами, которых знали при жизни. Те зовут их с собой, зовут в рай, но те не только не хотят идти с ними, но и не хотят верить, что город из которо-

¹⁶⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 213.

¹⁷⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 214.

го они приехали находится в аду. Причем особенно наглядно это проявляется на примере духа, для которого при жизни религиозная сфера была профессиональной:

«– Прекрасно, дорогой, прекрасно! Ты все тот же. А не скажешь ли ты мне, за что я попал в ад? Не бойся, я не обижусь.

– Как за что? За то, что ты отступник.

– Признаюсь не ожидал! Неужели ты и впрямь считаешь, что людей карают за их взгляды, даже если мы допустим, для пользы рассуждения, что взгляды эти ошибочны?

– Неужели ты и впрямь считаешь, что нет грехов разума?

– Есть, как не быть. Суеверие, отсталость, умственный застой... Но честно исповедовать свои взгляды – не грех.

– Да, я помню, так мы говорили. Я сам так говорил, пока не стал узким. Тут все дело в том, честно ли ты исповедал эти взгляды.

– Я? Не то что честно – смело! Я не боялся ничего. Когда разум, данный мне Богом, не мог больше соглашаться с доктриной Воскресения, я открыто от нее отрекся. Я сказал мою прославленную проповедь. Я рисковал всем.

– Чем ты рисковал? Что из этого могло выйти, кроме того, что вышло? Ты прославился, твои книги раскупили, тебя приглашали повсюду, ты стал епископом...»¹⁷¹.

Светлый дух говорит своему другу:

«– Здесь нет религии. Здесь – Христос. Здесь нет философии. Иди, смотри и увидишь Того, Кто реальней всех фактов.

¹⁷¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 223-224.

– Я решительно возражаю. Мы не имеем оснований относить Бога к области фактов. Высшее Благо – это еще корректное обозначение, но факт...

– Ты что, даже не веришь, что Он есть?

– Есть? Что значить «быть»? К этим великим тайнам нельзя подходить так грубо. Если бы что-нибудь такое «было» (дорогой мой, зачем же перебивать!), я бы, честно говоря, не заинтересовался. В этом не было бы религиозной значимости»¹⁷².

Особенно показательна причина, по которой в итоге дух протестантского епископа, не принимавшего «доктрину Воскресения», отказывается идти в рай со своим другом: «Да, кстати, чуть не забыл! Не могу я с тобой идти, у меня в пятницу доклад. У нас ведь есть богословский кружок. Как же, как же... интеллектуальная жизнь, я бы сказал, бьет ключом. Быть может, не самого высокого уровня... Изменились все, плохо соотносятся. И склоны у них вечно... <...> Но пользы я могу принести много. Я хочу осветить одну неточность. Люди забывают, что Христос (тут Призрак слегка поклонился) умер довольно молодым. Живи Он подольше, Он бы перерос многое из того, что сказал. А Он бы жил, будь у Него больше такта и терпимости. Я предложу слушателям прикинуть, какими были бы Его зрелые взгляды. Поразительно интересная проблема! Если бы Он развился во всю силу, у нас было бы совершенно другое христианство. В завершение я подчеркну, что в этом свете Крест обретает несколько иной смысл»¹⁷³. Адское богословие для него оказывается важнее жизни во Христе...

¹⁷² Льюис К.С. Указ. соч. С. 226.

¹⁷³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 227.

Но некоторые их духов не так безнадежны, их можно попробовать переубедить: «Дама не то фыркнула, не то всхлипнула.

– Лучше бы мне не родиться... – снова запричитала она. – Ох, зачем мы приходим на свет?

– Чтобы обрести радость, – ответил Дух. – Попробуйте. Начните.

– Да сказано вам, они меня увидят!

– Через час вам будет все равно. Через десять часов вы над этим посмеетесь. Помните, на земле бывало – чай горячий, просто палец обваришь, а пить его можно? Так и стыд. Примите его, выпейте чашу, и вам станет легче. Если же не примете, боль не пройдет.»¹⁷⁴.

Рассказчик смотрит на встречи разных духов, говорит с одним из них, сомнения все более наполняют его сознание: «Я сидел на камне и грустил как никогда в жизни. До сих пор я не сомневался, что здесь хотят призракам добра. Я не думал, что здешние жители могли бы помочь жителям серого города и отправиться туда, а не просто выходить им навстречу. Теперь я все понял. Никакого добра они не хотят. Всю эту экскурсию они подстроили, чтобы посмеяться над бедными призраками. Страшные мифы и доктрины припомнились мне. Я вспомнил как издевались боги над несчастным Танталом. Я вспомнил строки Откровения о тех, кто будет мучим в огне и сере перед святыми ангелами»¹⁷⁵.

И вот, когда сомнения, казалось бы, начинают брать верх над ним, рассказчик встречает Джорджа Макдональда - автора, оказавшего огромное влияние на его духовное

¹⁷⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 233.

¹⁷⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 232.

становление, который объясняет ему смысл происходящего:

«– Как же так? Разве приговор не окончательный? Разве из ада можно перейти в рай?

– Все зависит от того, что ты вкладываешь в это слов. Если душа покидает серый город, значит, он был для нее не адом, а чистилищем. Да и здесь, где мы сидим, еще не рай, не самый рай, понимаешь? Это скорее преддверие жизни, но для тех, кто останется, это уже рай. А серый город – это преддверие смерти, но для тех, кто не ушел отсюда, это – ад и ничто другое.<...>

– Неужели можно выбирать после смерти? Мои друзья католики удивятся - для них ведь души чистилища уже спасены. Удивятся и протестанты – для них ведь смерть закрывает выбор.

– Быть может, те и другие правы. Не мучай себя такими мыслями. Ты не поймешь соотношения между временем и выбором, пока не выйдешь за их пределы»¹⁷⁶.

«Мильтон был прав, – сказал мой учитель. – Всякая погибшая душа предпочтет власть в аду служению в раю. Она что-нибудь да хочет сохранить ценою гибели, что-нибудь да ценит больше радости, то есть больше правды. Вспомни – испорченный ребенок скорее останется без обеда, чем попросит прощения. У детей это зовется капризами, у взрослых этому есть сотни имен – гнев Ахилла, горечь Кориолана, достоинство, уважение к себе. <...> Немало на свете людей, которым так важно доказать бытие Божие, что они забывают о Боге. Словно Богу только и дело, что быть! Многие так усердно насаждали христианство, что и не вспомнили о словах Христа. Да что там, так быва-

¹⁷⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 236-237.

ет и в мелочах. Ты видел книголюбов, которым некогда читать, и филантропов, которым не до бедных. Это самая незаметная из всех ловушек»¹⁷⁷.

«Если остался хоть кусочек человека, то мы его оживим. Если осталась хоть одна искра под всем этим пеплом, мы раздуем ее в светлое пламя. Но если остался один пепел, дуть бесполезно, он только запорошит нам глаза.

– Как же может быть сварливость без человека?

– Потому и трудно понять ад, что понимать нечего, в прямом смысле этого слова. Но и на земле так бывает. Давай вспомним: сперва ты злишься, и знаешь об этом, и жалеешь. Потом, в один ужасный час, ты начинаешь упиваться злобой. Хорошо, если ты снова жалеешь. Но может прийти время, когда некому жалеть, некому даже упиваться. Сварливость идет сама собой как заведенная»¹⁷⁸.

Дальше рассказчик идет уже вместе с Джорджем Макдональдом, и его взгляд на то, что он видит, становится глубже: «Встретили мы и призраков, которые явились лишь затем, чтобы поведать об аде. Таких было больше всего. Одни (наверное, из нас, преподавателей) собирались читать тут лекции и привезли массу карточек, карт и таблиц, а один даже диапозитивы. Другие припасли анекдоты о знаменитостях, которых они встречали там, внизу. Третьи, самые многочисленные просто считали, что они выше здешних, потому что много перенесли. Все были заняты собой и о здешней жизни слушать не хотели. Они никому не давали сказать ни слова, а убедившись, что их не слушают, уходили к автобусу. Как оказалось, их желание рассказать об аде - только разновидность желания расширить

¹⁷⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 237, 238.

¹⁷⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 239, 240.

ад, перенести его сюда, на Небо. Были тут призраки важные, призывавшие блаженных вырваться на волю из душевной тюрьмы. Были призраки деловитые, предлагавшие перекрыть реку, срубить деревья, перебить зверей, построить железную дорогу и залить асфальтом дурацкую траву, вереск и мох. Были призраки-материалисты, утверждавшие, что загробной жизни нет, а здесь - одни миражи»¹⁷⁹.

Льюис блестяще показывает пример восприятия жизни теми, кто стремится «осчастливить» кого-то против его воли: «Ты и не представляешь, что я вынесла с твоим Робертом. Я из него человека сделала! Я ему жизнь отдала! А он? Эгоизм, сплошной эгоизм. <...> Мужчины такие лентяи... можешь себе представить – он говорил, что не может работать больше тринадцати часов в день! А я что, меньше работала? У меня все часы рабочие, да. Я его весь вечер подгоняла, а то, дай ему волю, он бы завалился в кресло и сидел. <...> Он забыл, что я дама, хотя и вышла замуж за него. День и ночь билась, чтобы ему угодить. Я часами расставляла цветы в этой дыре, а он? Нет, ты не поверишь! Говорил, чтобы я не ставила их на письменный стол. Он чуть не взбесился, когда я опрокинула вазу на его писанину. Он, видите ли, книгу хотел написать... Куда ему! Ну, я дурь из него выбила. <...> Поступил он на новую службу. И что же ты думала? Он говорит: «Ну, теперь хоть оставь меня в покое!»... То есть как? Я чуть не бросила его... но я человек долга. Как я над ним билась, чтобы перетащить его в просторный дом! <...> Да, да, сама знаю! Он для нас великоват, не совсем по средствам. Но я завела приемы! Нет уж, увольте, *его* друзей я не звала. Я звала нужных людей, для него же и нужных. <...> Что ж, я виновата, что

¹⁷⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 240-241.

у него случился этот криз? Моя совесть чиста. Я свой долг выполнила, да, мало, кто его так выполнял»¹⁸⁰.

Спутник дает ему очень глубокие комментарии на то, что им приходится увидеть на пути: «В естественной любви есть то, что ведет в вечность, в естественном обжорстве этого нет. Но в естественной любви есть и то, за что ее можно счесть любовью небесной, и на этом успокоиться. Медь легче принять за золото, чем глину. Если же любовь не преобразишь, она загниет, и гниение ее хуже, чем гниение мелких страстей. Это – сильный ангел, и потому – сильный бес»¹⁸¹.

Среди увиденного ими, интересен образ духа, с сидевшей у него на плече ящеркой, символизирующей похоть. Когда он, после мучительной борьбы разрешает ангелу ее убить, ящерица превращается в коня:

«– Ты все понял, сынок? – спросил учитель.

– Не знаю, все ли, – ответил я. – Ящерка и вправду стала конем?

– Да. Но сперва он убил ее! Ты не забудешь об этом?

– Постараюсь не забыть. Неужели это значит, что все, просто все в нас может жить там, в горах?

– Ничто не может, даже самое лучшее, в нынешнем своем виде. Плоть и кровь не живут в горах, и не потому что они слишком сильны и полны жизни, а потому что они слишком слабы. Что ящерица перед конем? Похоть жалка и худосочна перед желанием, которое восстает из ее праха»¹⁸².

¹⁸⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 244-245.

¹⁸¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 249-250.

¹⁸² Льюис К.С. Указ. соч. С. 253-254.

Блестяще Льюис показывает пример того, как можно мучить себя и того, кто рядом, прикрываясь «высокими» словами, предпочитая страдания для себя и того, кто якобы «любим», счастью не на своих условиях:

«– Любишь! – возопил Актер. – Разве ты понимаешь это слово?

– Конечно, понимаю, – сказала Прекрасная Женщина. – Как мне не понимать, когда я живу в любви! Только теперь я и тебя люблю по настоящему.

– Ты хочешь сказать, – грозно сказал Актер, – что ты меня тогда не любила?

– Я тебя неправильно любила, – сказала она. – Прости меня, пожалуйста. Там на земле, мы не столько любили, сколько хотели любви. Я любила тебя ради себя. Ты был мне нужен.

– Значит, – спросил Актер, – теперь я тебе не нужен?

– Конечно, нет! – сказала она, улыбаясь так, что я удивился, почему призраки не пляшут от радости. – У меня все есть. Я полна, а не пуста. Я сильна, а не слаба. Посмотри сам! Теперь мы не *нужны* друг другу и сможем любить по настоящему»¹⁸³.

«Фрэнк, – послушай меня, – сказала Женщина. – Подумай немного. Разве радость так и должна оставаться беззащитной перед теми, кто лучше будет страдать, чем поступиться своей волей? Ты ведь страдал, я теперь знаю. Ты и довел себя этим. Но сейчас ты уже не можешь заразить своими страданиями. Наш здешний свет способен поглотить всю тьму, а тьма твоя не обнимет здешнего света. Не надо, перестань, иди к нам! Неужели ты думал, что любовь

¹⁸³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 257-258.

и радость вечно будут зависеть от мрака и жалоб? Неужели ты не знал, что сильны именно радость и любовь?»¹⁸⁴.

«— А все же, — сказал я учителю, когда сверкающее шествие скрылось под сенью леса, — я и сейчас не во всем уверен. Неужели так надо, чтобы его страдания, пусть и выдуманные, не тронули ее?

— Разве ты хотел, чтобы он мог и сейчас ее мучить? Он мучил ее много лет подряд там, на земле.

— Нет, конечно, не хочу.

— Так что же?

— Я сам не знаю... Иногда говорят, что гибель одной единственной души обращает в ложь радость всех блаженных.

— Как видишь, это не так.

— А должно быть так.

— Звучит милосердно, но подумай сам, что за этим кроется.

— Что?

— Люди, не ведающие любви и замкнутые в самих себе, хотели бы, чтобы им дали шантажировать других. Чтобы, пока они не захотят стать счастливыми на их условиях, никто не знал бы радости. Чтобы ад запрещал раю»¹⁸⁵.

Льюис уверенно предполагает: «Ад меньше земного камушка, меньше райского атома. <...>

— Там, в аду, он кажется очень большим.

— Вся злоба его, вся зависть, все одиночество, вся похоть — ничто перед единым мигом райской радости. Зло даже злом не может быть в той полноте, в какой добро есть добро. <...> Погибшая душа бесконечно мала, ее по-

¹⁸⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 259-260.

¹⁸⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 260-261.

чти нет, она совсем усохла, замкнулась в себе. Бог бьется об нее, как звуковая волна об уши глухого. <...> Только Высший из всех может так умалиться, чтобы войти в ад. <...> Один Христос спустился туда, к ним»¹⁸⁶.

И перед моментом пробуждения героя, он завершает наставления, которые дает ему его спутник, такой мыслью: «Свобода - дар, сильнее всего уподобляющий тебя Творцу, но увидеть ее ты можешь только в перевернутый бинокль, иначе она была бы слишком велика для тебя. Для тебя сменяются диапозитивы моментов, и во всякий из них ты волен сделать выбор. Но смена этих временных кусочков, призрак того, что «могло бы быть», – еще не свобода, это все стекла, линзы. Я говорю сейчас притчами, но они вернее философских выкладок или мистических построений, которые тщатся проникнуть глубже. <...> Тебе не понять вечности, пока ты во времени. Господь сказал, что мы – боги. Долго ли ты сможешь без линзы смотреть на безмерность собственной души и вечную реальность выбора?»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 262-263.

¹⁸⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 263-264.

Есть ли жизнь на Марсе? Космическая трилогия К.С. Льюиса

На тему «Есть ли жизнь на Марсе» в Советском Союзе проходило множество лекций для широких слоев населения. В двадцатом веке тема жизни на других планетах вообще была очень широко обсуждаема. Людям, которые не могли найти общий язык с себе подобными, хотелось верить в то, что они «не одни во вселенной», и общение с представителями иных миров восполнит то, что с другими людьми они общаться разучились. При этом большинство научно-фантастических книг помимо прочего ставило своей задачей «развенчание религиозных мифов», якобы обреченных на отмирание по мере развития научно-технического прогресса. Какие могут быть ангелы или демоны? Это пришельцы иных миров, которых мифологизировало примитивное сознание человека, не вступившего еще в эпоху империализма, когда, как отмечал В.И. Ленин, все на земле уже посчитано и прибрано к рукам, а теперь возможен только передел того, что есть. И разве есть место тайне в индустриальном обществе? И разве есть предел возможностям гордого человеческого разума?

Космическая трилогия замечательного английского писателя Клайва Стейплза Льюиса – ответ на эти и многие другие вопросы. В нее входят три романа – «За пределы безмолвной планеты»(1938), «Переландра»(1943) и «Мерзейшая мощь»(1945). К.С. Льюис пришел к вере в Христа, как Спасителя мира уже в зрелом возрасте, после продолжительного периода внутренней борьбы и исканий. Поэтому христианство для него – не просто религиозная традиция, а самое важное, что только может быть в жизни, ее сердцевина. И на проблему возможности существования

инопланетных цивилизаций, он отвечает по-христиански. Но Льюис не только христианин, а и ученый-филолог, талантливый писатель. Его романы имеют много граней, и не каждый заметит, в чем же тут христианский смысл, как не заметили этого многие из критиков его первого романа «За пределы безмолвной планеты».

Главный герой всей трилогии профессор-филолог Рэнсом. В первом из романов он, в результате случайной встречи с другим ученым Уэстоном и финансирующим его опыты Дивайном, вопреки своей воле, летит с ними на Марс, называемый автором Малакандрой. Дивайна интересует золото Марса. Уэстон же, как он сам считает, озабочен грядущими судьбами человечества; во имя эфемерного блага будущих поколений он готов на любое зло, любые жестокости: «Во имя могущества самой Жизни, я готов не дрогнув водрузить флаг человека на земле Малакандры: идти вперед шаг за шагом, вытесняя, где необходимо, низшие формы жизни, заявляя свои права на планету за планетой, на систему за системой до тех пор, пока наше потомство – какую бы необычную форму и непредсказуемое мировоззрение оно ни обрело – не распространится по Вселенной везде, где только она обитаема»¹⁸⁸. Пока это чисто империалистическая философия, но во втором романе она доходит до своего логического завершения, когда уже на Венере (у Льюиса Переландра) Уэстон заявляет Рэнсому: «Человек сам по себе – ничто. Поступательное движение жизни – возрастание в духовности – это все. Великая непостижимая сила изливается на нас из темных начал бытия. Она сама избирает себе орудие. Подумайте только, чистый дух, всепоглощающий вихрь саморазвивающегося, самодовлеющего действия. Вот она, конечная

¹⁸⁸ Льюис К. С. Космическая трилогия. М. - СПб., 2011. С. 139.

цель»¹⁸⁹. И по завершении диалога, в котором Уэстон рассказывает, что эта таинственная сила является и причиной его научных открытий, и необычайных знаний и возможностей, и именно ей он направлен на Венеру, в него входит демон. И между ним и Рэнсомом начинается продолжительная борьба, казалось бы, совсем непосильная для филолога, из которой он, однако, выходит победителем.

Рэнсом, против своей воли, доставленный в чужой ему мир, бежит от своих похитителей. Он знакомится с жителями этого мира – тремя видами разумных существ, облеченных плотью, и, имеющими иную природу эльдилами, под которыми Льюис подразумевает ангелов. Как филолог, Рэнсом овладевает их языком. Уэстон с Дивайном уже второй раз на Марсе. Они привезли сюда Рэнсома, потому что этого потребовал Уарса Малакандры через тех жителей планеты, с которыми они вступили в контакт. На их взгляд, человек нужен для какого-то ритуального жертвоприношения. Но оказывается, что жители Малакандры не знают греха. Они управляются эльдилами и верховным из них – Уарсой Малакандры (под Уарсами Льюис имеет в виду Ангелов, которые руководят всеми стихиями и всем живым на конкретной планете). Человек же ему потребовался потому, что ему интересна судьба Земли, называемой здесь «безмолвной планетой».

По художественной версии Льюиса, восстание ангелов и превращение их в демонов завершилось тем, что они оказались заперты на Земле, и не могут выбраться за пределы земной атмосферы. Этот своего рода «карантин» необходим для того, чтобы зло не распространялось дальше по вселенной. Не могут попасть на Землю и те Ангелы, которые находятся за ее пределами. Люди, изобретением

¹⁸⁹ Там же. С. 239.

космического корабля, пробивают брешь в этом «карантине». Между мирами становится возможно общение. Первый роман заканчивается тем, что Уарса Малакандры отправляет на Землю Уэстона и Дивайна, убивших нескольких жителей Марса, а вместе с ними и Рэнсома. После их прибытия на Землю, он уничтожает их корабль, чтобы они больше не выходили в космос.

Второй роман – «Переландра» - очень красивая, хотя местами и довольно жестокая сказка о том, что было бы, если бы первые люди не совершили грехопадения. Рэнсома Уарса Малакандры отправляет на Венеру (Переландру) с ответственной миссией, сути которой герой не знает. Он присутствует при творении жизни на этой планете, видит ее изменяющиеся формы, причем перемены происходят почти мгновенно, прямо у него на глазах. И он встречает там женщину (Льюис называет ее «Королева»), во многом похожую на земных – своего рода Еву до грехопадения. Ей поразительно много открыто, но она еще так многого не знает, не знакомы ей и добро и зло. В неустойчивом мире Королева где-то потеряла своего Короля, и знакомится с жизнью. Им дана только одна заповедь: не ночевать на твердой земле, ночь они должны проводить на плавучих островах. Это заповедь послушания, и одновременно – это их доверие к Богу, которого они зовут «Малельдил», потому что они тем самым естественным образом лишены какой-либо стабильности, и живут каждый день так, как Он им даст, не думая о завтрашнем.

Рэнсом не понимает для чего послан в этот мир, до того момента, как на Переландру прилетает Уэстон. Ученый оказывается лишь орудием для демона, без которого он не смог бы проникнуть на Венеру. И, как когда-то на Земле в змея, на Переландре дух зла входит в Уэстона, ко-

торый начинает рассказывать Королеве о преимуществах той жизни, которая ей неведома. И начинается история искушения. Но от земной она отличается тем, что здесь присутствует Рэнсом, хорошо знающий, чем это закончилось на Земле. Он страшится того, что должен принять участие в событии космического масштаба; того, что ему предстоит бороться с тем, чьи силы в несчетное количество раз превосходят его собственные. Но ему предстоит бороться, сначала словом. Филолог так объясняет Королеве смысл данной им заповеди: «Я думаю, Малельдил дал тебе такой закон, чтобы ты исполнила его ради послушания. Слушаясь Малельдила, ты делаешь то, что нравится и тебе. Ты исполняешь его волю, но не только ради того, чтобы ее исполнить. Удовлетворится ли этим любовь? Как бы ты вкусила радость послушания, если бы не было заповеди, чей единственный смысл – исполнение Его воли?»¹⁹⁰

Филологу становилось все тяжелее. В разговорах с Королевой Уэстон, ставший Нелюдью, «выказывал и ум, и тонкость, но Рэнсом понял, что все это – лишь оружие, и в свободные часы для него пользоваться умом также странно, как для солдата отрабатывать на досуге штыковой удар. Мысль была лишь орудием, средством, сама по себе она его не интересовала. Он брал разум взаймы, как взял тело Уэстона, будто нечто внешнее и никак с собою не связанное. Едва повернувшись спиной к Королеве, он позволял себе расслабиться. Нелюдь не был похож даже на нечестного политика – скорее уж казалось, что возишься со слабоумным, или со злой мартышкой, или с очень испорченным ребенком»¹⁹¹. И на каком-то этапе Рэнсом понял, что ему предстоит и физическая битва с Нелюдью.

¹⁹⁰ Там же. С. 262.

¹⁹¹ Там же. С. 271.

Она далась ему очень тяжело, но Рэнсом вышел победителем, разбив голову того, кто раньше был Уэстоном камнем, а тот прокусил ему пятку, и рана эта болела потом всю жизнь...

А грехопадения на Переландре не произошло. Королева и нашедший ее Король стали полностью властвовать над планетой, не знающей теперь зла, Уарса Переландры стал им в этом помогать, передав свои полномочия. Интересно, что на вопрос о том есть ли жизнь на Венере и, если есть, то распространяются ли на ее жителей последствия первородного греха, в свое время в данном ключе ответил и великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов: «Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведением от нас отменные, какой веры? Ежели кто про знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла») туда пойдет. Только бы труд его не был напрасен. Может быть тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно»¹⁹².

Но еще более с «Преландрой» перекликается Святитель Феофан Затворник, писавший своему духовному чаду:

¹⁹²См. : *Ломоносов М.В.* Явление Венеры на Солнце: Прибавление (полностью) // Полное собрание сочинений. Том 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744-1765гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1955, с. 370-376.

«Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и Воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность домостроительства нашего спасения.

Что такие мысли колеблют и беспокоят Вас – это по собственной Вашей вине, а не по свойству мыслей. Эти мысли – цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли позволять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах и хотя она имеет много за себя, – но все же она не выходит из области вероятных предположений. **Очень вероятно, что там есть жители – но все только вероятно.** Сказать "есть" не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нет. А Вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение – ну и там, мы склонны ко греху – ну и те; у нас нужно домостроительство спасения – нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться – и там уместен только этот способ спасения.

А Вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других мирах; что ж они, соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными? Вы не можете сказать ни того, ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и блаженствуют, находясь в том состоянии, каково чаем и мы по воскресении.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на Земле, подействовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть даже Ангелы, в служение посылаемые для желающих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя»¹⁹³.

Третий роман «Мерзейшая мощь» вызвал в адрес автора много нападок со стороны ученых. И неудивительно:

¹⁹³ Цит. по: Кураев А., диак. Ответы молодым lib.eparhia-saratov.ru/Books/10k/kuraev/answer/70.htm (дата обращения 14.12.12)

ведь главные отрицательные герои здесь – люди науки, пытающиеся из науки сделать новую религию, причем сатанинскую. Дивайн из первого романа теперь стал лордом Феверстоном, одним из тех, кто стоит у истоков создания государственного научно-исследовательского института, призванного изменить природу людей, лишить их свободы воли, создать нового человека. Главные деятели этого института – Уизер и Фрост – дошли до того, что для достижения своих целей хотят соединить современную им науку с древней магией. Бытовая сторона романа после всех событий 20 века вроде бы не кажется чем-то особенным. Переводчица романа на русский язык Наталья Трауберг писала о нем: «Сама я люблю этот роман больше всех других – так люблю, что переводила его для друзей в те самые годы, когда наша жизнь была такой, как в нем, только хуже (1980-1983)»¹⁹⁴. Но именно обыденность зла, как показывает роман, и затрудняет противостояние ему.

Ученые института готовят новое жесточайшее тоталитарное общество, приучая общественное мнение к необходимости этого при помощи СМИ. Они «оживляют» отрубленную голову убийцы, через которую говорит дух тьмы, хотят разбудить спящего несколько столетий древнего мага Мерлина, чтобы с его помощью войти еще в больший контакт с силами зла. И опять им противостоит Рэнсом и собравшаяся вокруг него небольшая община. И в решающий момент проснувшийся Мерлин приходит не к силам зла, а к Рэнсому. И Уарсы через Мерлина получают возможность вмешаться в земные дела, и институт саморазрушается, злодеи гибнут. А на Земле продолжается самая обычная жизнь – муж Марк, из желания попасть в

¹⁹⁴ *Трауберг Н.* Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., Спб., 2003. С. 337.

высшее общество, ставший сотрудником института, возвращается к своей жене Джейн, нашедшей пристанище в общине Рэнсома...

Клайв Стейплз Льюис в «Переландре» дает достаточно четкое определение современной ему научной фантастики: «Они считают, что человечество, достаточно испортив свою планету, должно распространяться пошире и надо прорваться сквозь огромные расстояния – сквозь карантин, установленный Самим Богом. Но это только начало. Дальше идет сладкая отравка дурной бесконечности – безумная фантазия, что планету за планетой, галактику за галактикой, Вселенную за Вселенной можно вынудить всюду и навеки питать только нашу жизнь; кошмар, порожденный страхом физической смерти и ненавистью к духовному бессмертию; мечта, лелеемая множеством людей, которые не ведают, что творят, а некоторые и ведают. Они вполне готовы истребить или поработить все разумные существа, если они встретятся на других планетах»¹⁹⁵. И он противопоставляет ей своей трилогией качественно иную фантастику, основанную на христианском миропонимании. Важно не то, что творится на других планетах – важно то, что творится у тебя в душе – в этом с Клайвом Стейплзом Льюисом созвучны и Святитель Феофан Затворник и Михаил Васильевич Ломоносов.

В заключение хочется привести еще одни слова Натальи Трауберг: «В мир, где царствует Бог, нельзя войти, если не станешь доверчивым и беспомощным, как хороший ребенок. Романы, которые писал Льюис, годятся только для такого царства»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Льюис К. С. Указ. соч. С. 230.

¹⁹⁶ Трауберг Н. Космическая трилогия. С. 337.

«Они обрушили на себя небо» «Мерзейшая мощь» Клайва Льюиса и «Канун Дня всех святых» Чарльза Уильямса

Роман «Канун Дня всех святых» был написан Чарльзом Уильямсом (1886-1945) в 1945 году, в этом же году было первое издание романа «Мерзейшая мощь» Клайва Льюиса (1898-1963).

Английский писатель и ученый Чарльз Уолтер Стэнсби Уильямс получил образование в школе Сент-Олбана и в Университетском колледже Лондона. В 1908 году Уильямс начал работать в издательстве Оксфордского университета в качестве корректора, затем редактора и продолжал работать там вплоть до своей смерти. Почетная степень магистра, присужденная ему Оксфордским университетом в 1943 году, была заслуженным признанием двух курсов лекций, прочитанных им в Оксфорде в военное время. Уильямс был преданным членом англиканской церкви¹⁹⁷. В то же время увлечение мистикой привело к тому, что он в 1917 году стал посвященным членом братства розенкрейцеров¹⁹⁸. Это не могло не наложить своего отпечатка и на его творчество.

Два писателя были друзьями. Их дружба началась так: Льюис прочитал роман Уильямса «Место Льва», а тот в то же самое время 1936 года – филологический трактат

¹⁹⁷ Biography of Charles Walter Stansby Williams (1886-1945) <https://web.archive.org/web/20100105110314/http://www.charleswilliamssociety.org.uk/about.html> (дата обращения 10.03.2020).

¹⁹⁸ Чарльз Уильямс. <http://fantlab.ru/autor5649> (дата обращения 10.03.2020).

Льюиса «Аллегория любви». Оба одновременно написали друг другу. Уильямс стал близким другом Льюиса¹⁹⁹.

Как писала о «Космической трилогии» К.С. Льюиса переводившая многие из его произведений на русский язык Н.Л. Трауберг: «"Мерзейшую мощь" нередко считают подражанием "мистическим триллерам" Чарльза Уильямса. Конечно, Уильямс – прототип Рэнсома во всех трех книгах, а здесь Льюис пытался передать ощущение царственности, которое иногда вызывал этот скромный художавый человек, похожий не на Артура или Соломона, а, по словам того же Льюиса, на ангела и на шимпанзе»²⁰⁰.

С точки зрения православного богословия, образы его романа «Канун Дня всех святых» намного более сомнительны, чем образы «Мерзейшей мощи» К.С. Льюиса; однако они лишь фон произведения, в котором сквозь него властно звучат темы любви, для которой нет даже границ смерти, выбора личности, значимого настолько, что он может изменить ход истории.

Уильямс в своем романе рисует хотя и сомнительный с точки зрения православного богословия, но заслуживающий внимания образ возможности посмертного выбора души, не успевшей сделать его во время своей земной жизни, не совершившей ни большого добра, ни большого зла. Он показывает, что самый могущественный маг – всего лишь инструмент для демонических сил, которые он считает себе подвластными, что «всемогущество», которое он себе приписывает, имеет на самом деле строго определенные границы.

¹⁹⁹ Льюис К.С. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.-СПб., 2003. С. 350.

²⁰⁰ Трауберг Н. Космическая трилогия // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М.-СПб., 2003. С. 336.

Роман Льюиса более сложен. В нем глубже попытки понять, как духовный мир влияет на земную жизнь; затрагиваются социальные вопросы, которые и сегодня остаются актуальными.

На примере Брэкстонского колледжа, писатель показывает многие реальные проблемы высшей школы современной ему Англии.

Номинальный, ничего не решающий ректор: «Двумя Нулями звался Чарльз Плэйс, ректор Брэкстонского колледжа. Лет пятнадцать назад прогрессисты считали его избрание одним из первых своих триумфов. Крича, что колледжу нужна свежая кровь, что его пора встряхнуть, что он закоснел в академической скуке, они протащили в ректоры пожилого чиновника, чуждавшегося академизма с тех пор, как он окончил Кембридж. Единственным его трудом был толстый отчет о состоянии клозетов в Англии. Однако надежд он не оправдал, ибо интересовался только филателией и своим больным желудком. Выступал он так редко, что сотрудники помоложе не знали его голоса»²⁰¹.

Проректор Кэрри, считающий, что административная работа в вузе намного важнее научной и те, кто его поддерживают:

«– Понятно!.. – сказал Феверстон. – Чтобы колледж оставался на высоком научном уровне, лучшие его умы должны забросить науку.

– Вот именно!.. – начал Кэрри и замолчал, ибо Феверстон снова расхохотался. Бэзби, прилежно занятый едою, тщательно отряхнул бороду и произнес:

– Да, в теории это смешно. Однако, по своему Кэрри прав. Предположим, он уходит со своего поста, удаляется

²⁰¹ Льюис К. С. Мерзейшая мощь // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.-СПб., 2003. С. 25.

в келью. Мы бы имели блестящее исследование по экономике...

– Я, простите, историк, – сказал Кэрри.

– Ну, конечно, по истории, – продолжал Бэзби. – Итак, мы бы имели блестящее историческое исследование. Но через двадцать лет оно бы устарело. Работа же, которой он занят теперь, принесет колледжу пользу на очень долгое время. Перевезти в Эджстоу институт! Как вам это? А? Я говорю не только о финансовой стороне, хотя по долгу службы с ней связан. Вы представьте себе, как все проснется, оживет, расцветет. Может ли самая лучшая книга об экономике...

– Об истории, – подсказал Феверстон, но на сей раз Бэзби не услышал.

– ...об экономике, – повторил он, – сравниться со всем этим? А?»²⁰².

Конечно, эти люди поддерживают открытие рядом с их Колледжем Института, с достаточно звучащим названием – ГНИИЛИ – «Государственный Научно-Исследовательский Институт Лабораторных Изысканий»²⁰³, помогают в начале его деятельности, продавливая решение о продаже Институту земли Колледжа. Не скрывают своего восхищения новомодными техническими формами работы Института, выглядящими нарочито гротескно: «Институт знаменует начало новой, *поистине* научной эпохи. До сих пор все делалось как-нибудь. Теперь сама наука получит научную базу. Сорок научных советов будут заседать там каждый день, протоколы будут немедленно реферировать, распечатывать – мне показывали, удивительная машина! – и вывешивать на общей доске.

²⁰² Льюис К. С. Указ. соч. С. 27.

²⁰³ Льюис К. С. Указ. соч. С. 16.

Взглянешь на доску – и сразу видно, что делается. Институт работает как бы на твоих глазах. Этой сводкой управляют человек двадцать специалистов, в особой комнате, вроде диспетчерской. На доске загораются разные огоньки. Обойдется, я думаю, не меньше, чем в миллион. Называется это прагмометр»²⁰⁴.

Лорд Феверстон так оценивает с одной стороны учебных, а с другой – администрацию колледжа, называя ее представителей «друзьями»: «Им не хватает реализма, они живут фантазиями, но чему они верят, тому и служат. Они знают, чего хотят. А наши бедные друзья... их легко впихнуть в нужный поезд, они даже могут вести его, но куда он идет, они и понятия не имеют. Они голову положат, чтобы институт переехал в Эджстоу. Тем они и ценны. Но что это за институт, что ему нужно, что вообще нужно... это уж увольте! Нет, прагмометрия! Пятнадцать начальников!»²⁰⁵. Начальник институтской полиции мисс Хардкасл говорит Марку: «Да, твоими культурными как хочешь, так и верти. Вот с простыми, с теми трудно. Видел ты, чтобы рабочий верил газете? Он свое знает: всюду одна пропаганда. Газету он читает ради футбола и происшествий. Да, с ними тяжело, попотеешь. А культурные – раз начхать! Они уже готовенькие. Всему верят»²⁰⁶.

Феверстон говорит и более важные вещи: «...беспредельно важно решить с кем ты. Если попытаешься остаться в стороне, станешь пешкой, больше ничего»²⁰⁷.

²⁰⁴ Льюис К. С. Указ. соч. С. 28.

²⁰⁵ Льюис К. С. Указ. соч. С. 29-30.

²⁰⁶ Льюис К. С. Указ. соч. С. 77-78.

²⁰⁷ Льюис К. С. Указ. соч. С. 31.

В то же время в обоих романах есть образ зла, набирающего силу, и образ простых людей, которые могут ему противостоять, сделав основанный на любви выбор.

У Льюиса руководители и главные сотрудники Института хорошо понимают и не скрывают, кому они служат.

Один из ученых Института, Филострато, так рассуждает о жизни: «В человеке органическая жизнь произвела Разум. Она сделала свое дело. Больше она нам не нужна. Мы не нуждаемся в мире, кишасщем жизнью, словно его покрыла плесень. И мы избавимся от нее. Конечно, малопомалу. Мы постепенно постигаем, как этого добиться. Мы учим поддерживать тело химическими веществами, а не мертвыми животными или растениями. Мы учимся воспроизводить себе подобных без соития»²⁰⁸. «Мы создаем стерильный мир. Чистый разум, чистые минералы, больше ничего. Что унижает человека? Рождение, соитие, смерть. По-видимому, мы сумеем освободить его от всего этого»²⁰⁹.

О демонах он говорит: «Им не нужно рождаться и умирать. Только *sanaglia* рождается и умирает. *Главные* живут вечно. Они сохраняют чистый разум, они хранят его живым, а органическое тело заменяют истинным чудом прикладной биохимии. Им не нужна органическая пища. Они почти свободны от природы, они связаны с ней тонкой, очень тонкой нитью»²¹⁰.

Не скрывают «посвященные» Института и методов, которыми работают: «Боюсь, – сказал Уизер, – что глава не сочтет инцидент с машиной единственным вашим прома-

²⁰⁸ Льюис К. С. Указ. соч. С. 140.

²⁰⁹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 141.

²¹⁰ Льюис К. С. Указ. соч. С. 143.

хом. Поскольку интересующее нас лицо оказало пусть слабое, но сопротивление, вряд ли имело смысл прибегать к использованным вами методам. Вы прекрасно знаете, что я везде и всегда стою за полнейшую гуманность. Такие взгляды, однако, допускают применение более решительных мер. *Умеренная* боль, которую выдержать можно, попросту бессмысленна. Не в ней, нет доброта к... э-э... пациенту. Мы предоставили в ваше распоряжение более научные более цивилизованные средства, способствующие принудительному исследованию»²¹¹.

Один из руководителей института, Фрост, говорит Марку: «Люди, связанные субъективными чувствами неприязни или доверия, прочного круга не создадут. ...чувства зависят от химических процессов. В принципе, их можно вызвать уколами. Вы должны пройти серию противоречащих друг другу чувств к Уизеру и другим, чтобы дальнейшее сотрудничество вообще на чувствах не базировалось. Если уж выбирать, более конструктивна неприязнь. Ее не спутаешь с так называемой сердечной привязанностью»²¹².

Про голову Алькасана – казненного преступника, которая в Институте оживлена на специальном аппарате и может говорить, и которой подчиняются «посвященные» Института, Фрост говорит Марку: «...говорим мы не с ним. <...> Артикуляционный аппарат Алькасана используется другим разумом. <...> Вы, наверное, не слышали о макробах. <...> ...соответствующие организмы существуют и выше уровня животной жизни. Слово "выше" я употребляю не в биологическом смысле, структура макроба весьма проста. Я имею в виду иное: они долговечнее, сильнее и умнее животного мира. <...> В животный мир я, есте-

²¹¹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 130.

²¹² Льюис К. С. Указ. соч. С. 206-207.

ственно, включая человека. <...> Мозг и артикуляционный аппарат Алькасана служат проводниками в общении макробов с людьми»²¹³.

О человечестве Фрост говорит так: «...время больших популяций прошло. То был кокон, в котором созрел человек-технократ, обладающий объективным мышлением. Теперь этот кокон не нужен ни макробам, ни тем избранникам, которые могут с ними сотрудничать. <...> Было бы желательно провести не менее шестнадцати больших войн»²¹⁴.

В романе Уильмса один главный отрицательный герой – Саймон Клерк. В отличие от героев романа Льюиса он имеет о себе завышенное мнение, и недооценивает демонический мир, считая, что тот ему служит, а не наоборот.

Сам Саймон так вспоминает о себе: «И иудеи, и христиане одинаково ожидали человека, шагнувшего сейчас по пустынным лондонским улицам»²¹⁵. Он явился на свет в Париже, в одной из тайных колдовских лож, уцелевших даже перед напором энергии Людовика Четырнадцатого. В нем текла дворянская кровь. Грянувшая революция могла бы уничтожить его, несмотря на малые лета, но семья благополучно перенесла лихолетье, надежно защищенная богатством и опытом. <...> В маленькой школе для избранных, директором которой был его отец, он узнал две отнюдь не маленькие вещи: для достижения власти существует иная сила; существуют способы управлять этой силой. <...> Круг, где он рос, не опускался до обычных непристойностей магии; здесь со снисходительным прене-

²¹³ Льюис К. С. Указ. соч. С. 207-208.

²¹⁴ Льюис К. С. Указ. соч. С. 209.

²¹⁵ Возможно, намек на антихриста.

брежением относились к эффектному насилию черной мессы и к богохульной чувственности шабаша. Правда, для проверки кандидатов в новые члены сохранялся кровавый ритуал, но это была скорее дань традиции, чем необходимость. <...> Он наблюдал, как человек умирает от голода, но поступал так не от жестокости; просто это входило в курс обучения. Он не был похотливым; всего раз за всю жизнь спал с женщиной, да и то по велению рассудка. Его не удерживали от разговоров с благочестивыми равви и милосердными священниками; выбери он их путь, никто не помешал бы ему, просто он стал бы непригоден для великой работы. Он оправдал надежды, не сделав такого выбора; он предпочел собственный путь»²¹⁶.

Впервые в романе Саймон появляется как тот, кто нарисован на портрете художником Джонатоном по предложению леди Уоллингфорд – матери девушки, которую он любит. И восприятие читателей связано с портретом, а не с самим Клерком.

Джонатан говорит о нарисованном им портрете: «Я привык рисовать нечто определенное. А этот тип получился у меня с одной стороны – до предела конкретным, а с другой – просто пустое место. Этаким повелитель мира и какой-то заблудившийся дурачок одновременно»²¹⁷.

Леди Уоллингфорд задает Джонатану следующие вопросы по поводу портрета: «Почему все эти люди так напоминают насекомых? <...> Почему вы нарисовали отца нашего как слабоумного?»²¹⁸. Друг Саймона, Ричард, после этих слов начинает видеть в портрете то, что не видел до этого: «...теперь Ричард видел и другое: поразительную

²¹⁶ *Вильямс Ч.* Канун Дня всех святых. М., 1999. С. 81-83.

²¹⁷ *Вильямс Ч.* Канун Дня всех святых. М., 1999. С. 45.

²¹⁸ *Вильямс Ч.* Указ. соч. С. 50-51.

двусмысленность, заключенную в ее образах. В этом был огромный, явно неожиданный, определенно нежеланный успех: люди, на поверку оказывавшиеся жуками, жуки, оказывавшиеся людьми. Казалось они уже не могут избавиться от этой двойственности. <...> Он проследил глазами вдоль руки и пришел к лицу, которое правило ими и призывало их. Невозможно. Это пустое лицо никогда не могло бы сотворить чудо; а если бы и могло, то только чудо падения и утраты»²¹⁹.

Когда сам Саймон Клерк приходит к Джонатану, тот невольно сравнивает его с портретом: «Кожа темная. С неожиданным удовлетворением Джонатан увидел, что поймал на картине тот мертвенный оттенок, которым она обладала в действительности. Глаза были посажены глубже, чем ему думалось; во всех остальных деталях он оказался совершенно точен. Единственная ошибка – не стоило придавать лицу отсутствующее, почти дебильное выражение. Во взгляде Клерка не было ни того, ни другого. Ни благородным, ни пророческим его нельзя было назвать»²²⁰.

Уильямс описывает, как Клерк смотрит на картину, и те эмоции, которые в это время переполняли Джонаната: «Саймон стоял в той же позе, не отводя глаз от полотна. Колокола прозвенели четверть первого; в Городе стояла тишина. За Саймоном, в огромном окне, сияла высокая, холодная луна. Ее стылый свет заливал мастерскую. Джонатан поежился, ощутив холодок на сердце. Казалось, Бетти была далеко, ушла, как уходят любимые и жены, как ушла жена Ричарда... И постель Бетти холодна, холодна, как ее девственность. Он вдруг почти увидел эту постель. И никаких свадебных одежд!

²¹⁹ *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 58.

²²⁰ *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 68.

Мастерская наполнялась страхом. Тишина, неправдоподобная тишина, и эта фигура из иного мира. Все остальное слабо трепещется и кружится около нее. Жуки? Да нет, легковаты они для жуков; мотыльки, пестрые мотыльки во сраке, который только плотнее от незримого пламени; мрак и холод. Высокая полная луна – тоже мотылек, и он сам... только не Бетти, Бетти мертва, как и жена Ричарда, как мертвы все женщины на улицах залитого лунным светом Города.

Далекий сухой голос со странным акцентом нарушил тишину.

– Это я, – сказал голос»²²¹.

Об отце Саймоне Ричард говорит в разговоре с Джонатаном: «Разве о нем не трубят все газеты, как будто он важнее мирного договора? Вообще, министерство иностранных дел интересуется всеми новоявленными пророками, включая и этого. Есть еще один в России и один – в Китае»²²². «...зовут его Саймон Леклерк, – иногда называют отец Саймон, иногда – Саймон Клерк. Мы выяснили, что предки у него евреи, что родился он во Франции, а вырос в Америке. Мы знаем, что он очень силен в ораторском искусстве – по крайней мере, был силен по ту сторону океана; по эту он нечасто в нем упражнялся. Говорят, он продемонстрировал несколько весьма впечатляющих исцелений, но похоже эти случаи никто не проверял. Мы знаем, что за ним идут вполне образованные люди – вот, пожалуй, и все»²²³.

Клерк «превращал, или пытался превратить, слова в простые колебания воздуха. Тайная школа, в которой он

²²¹ *Вильямс Ч.* Указ. соч. С. 72-73.

²²² *Вильямс Ч.* Канун Дня всех святых. М., 1999. С. 41.

²²³ Там же. С. 46.

вырос, изучала возможность властвовать над звуками речи за пределами обычных человеческих способностей. Поколения посвящали себя этой работе. Искусство целительства, практикуемое в доме Клерка, тоже основывалось на этой власти; согласовывая звуки, целитель восстанавливал разорванные взаимосвязи в теле пациента, действуя через его подсознание. На том же принципе действовали чары, обладающие властью не только над живыми, но и над мертвыми – точнее над живущими в ином мире, еще не утратившими связь с этим. Великие созвучия сообщили порядок мирозданию; другая тональность могла изменить этот порядок»²²⁴.

Связь с женщиной, дочь нужны Клерку лишь как орудия для достижения магических целей, которыми можно пожертвовать без всякого сожаления: «Она этого не хотела, да и он не жаждал отцовского счастья. Но ребенок должен был стать для него тем инструментом, каким она не могла стать. Поэтому она возненавидела дитя еще до зачатия, а когда это все-таки случилось, весь следующий день ощущала внутри себя словно ледяной кристалл. День ото дня он рос, а вместе с ним росла и ненависть»²²⁵.

Уильямс описывает, как в результате магического ритуала Саймон получил двух двойников (возможно, писатель имел в виду искаженный образ Троицы), через что маг, по его мнению, должен был через некоторое время получить власть над миром: «В давние времена их знакомства Сара Уоллингфорд знала, что ему нужна ее помощь. Но все уже давно изменилось. Он больше уже не нуждается в ней, может пока она еще нужна, чтобы охранять их дочь; но скоро он отошлет Бетти навсегда, а она... Кем он

²²⁴ *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 137-138.

²²⁵ *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 140.

тогда будет? <...> Перед ней словно заново прошел ужасный день, когда единое разделилось на множество. Дело происходило в том доме на севере. Он пришел к ней ночью из сада, как нередко приходил до этого. Это была следующая ночь после зачатия Бетти, и она уже знала, что беременна его ребенком. <...> Едва увидев его, она поняла, что он готовит магическое действо. Для величайшего из своих деяний ему не потребовались вспомогательные инструменты – ни посох, ни меч, ни светильники, ни травы, ни мантия. <...> Между ней и зеркалом, отражаясь в нем, стояли трое. Один ближе к ней, двое других – чуть поодаль. Из зеркала пристально смотрели на нее три одинаковые лица. Безумное чутье подсказало ей, что ближайший – это он, ее хозяин, чье дитя она носит под сердцем, но кто же тогда другие? <...> Эти двое не были ни теньями, ни призрачными эманациями, они обладали плотностью и формой. <...> Когда она пришла в себя, Клерк был один. Позже он уверил ее в своей подлинности. Двое других – только образы, точные копии, способные действовать и посланные с важными поручениями»²²⁶. «Она обратила внимание на газетные статьи о появлении в Китае великого религиозного философа, а в России – великого священника-патриота, и, конечно, догадывалась – нет, не кто, ибо в них не было личностного начала, – а что они такое. Война скрyla их на время, но теперь, когда война кончилась, они возникли снова, провозглашая повсюду мир и любовь, и сопровождавший их проповеди энтузиазм сметал все преграды, народ за народом покорно склонялся перед этой троицей. Каждый вызывал утроенную энергию одобрения и восхищения. Требовали, чтобы трое проповедников встретились и начертали свое священное писание, а также

²²⁶ *Вильямс Ч.* Указ. соч. С. 140-143.

политические взгляды; чтобы они полностью приняли на себя бразды правления»²²⁷. Уильямс в романе рисует образ мира мертвых, находящегося рядом с миром живых, в котором возможны еще перемены на основе личного выбора: «Этот мир не воздвигал преград, не прятал своих троп, одинаково призрачный и для Земли, и для Небес, и его горние слои казались призрачными обитателям адских бездн. Этот мир наш и не вполне наш, потому что ни мужчинам, ни женщинам не предназначено долгого пребывания в нем. <...> ...как полагают ученые мужи, во время кровавых распрей этот мир притягивается ближе к нашему (хотя мы едва ли можем ощутить это так называемое соседство), и любому из живущих становится легче попасть сюда, а тому, кто стремился править душами людскими в обоих мирах, становится легче добиться своего»²²⁸. Для установления связи с этим миром Клерку и нужна его дочь Бетти: «Когда через Бетти будет установлена связь с тем, иным миром, ему придется отправиться в Европу, а может, и дальше – в Персию или Индию. Туда же должны будут прийти его двойники, за каждым из которых стоят толпы и толпы фанатичных приверженцев. Обряд воссоединения свершится в тайне, и тогда все будет в его руках»²²⁹.

В «Мерзейшей мощи» действия оккультистов от науки тоже связаны с желанием установить власть над миром, основанную на черной магии: «Поначалу никто из них не мог понять, зачем институту Брэгстонский лес. Почва там не вынесла бы огромного здания (во всяком случае пришлось бы проделать много дорогих работ), а город для института не подходил. Несмотря на недоверие

²²⁷ Вильямс Ч. Указ. соч. С. 143-144.

²²⁸ Вильямс Ч. Указ. соч. С. 99-100.

²²⁹ Вильямс Ч. Указ. соч. С. 145.

Макфи, Рэнсом, Димбл и Деннистон занялись этим вопросом и пришли к важным выводам. Все трое знали теперь о временах короля Артура то, до чего наука не дойдет и за сотни лет. Они знали, что Эджстоу лежит в самом центре Логрского королевства, что деревня Кьюр Харди хранит историческое имя *Sœur Hardi* и что исторический Мерлин жил и колдовал именно здесь»²³⁰.

«Это значило, что ГНИИЛИ в самой своей сердцевине, связан уже не только с нынешней, научной формой власти. Конечно, другой вопрос, знали ли об этом сотрудники института. <...> Эльдилы рассказали Рэнсому, что Мерлин не умер. Жизнь его при определенных условиях вернется в тело. <...> Он не сомневался, что враги уже нашли Мерлина, а если нашли, то сумеют разбудить. Тогда соединятся две силы, и это решит судьбу Земли. Несомненно, темные эльдилы всегда подготавливали это. Естественные науки, невинные и полезные сами по себе, уже при Рэнсоне пошли в какую-то другую сторону. Конечно, их сводили с пути в определенном направлении. Темные эльдилы непрестанно внушали ученым сомнения в объективной силе, а потом и равнодушие к ней, и это привело к тому, что важной стала лишь сила. <...> Мечты о предназначении человека и его далеком будущем извлекали из могилы старое человекобожие. <...> Теперь это все достигло такой степени, что стоящие за этим решили: можно выгнуть науку назад, чтобы она сомкнулась с древними, забытыми силами. <...> С точки зрения преисподней, к этому вела вся человеческая история. Падший человек уже может страхнуть те ограничения, которые само милосердие наложило на его силу. Если он это сделает, воплотится ад. Дурные люди, ползающие сейчас по маленькой плане-

²³⁰ *Льюис К. С.* Указ. соч. С. 164.

те, обретут состояние, которое обретали лишь по смерти, и станут прямым орудием темных сил. Природа станет им рабыней, и предел положит лишь конец времен»²³¹.

Если Саймону противостоят Джонатан, борющийся за свою любимую Бетти, Ричард и душа его умершей жены Лестер, а потом и сама Бетти, то всей мощи оккультистов Института, получающих от государства фактически неограниченные полномочия, противостоит Рэнсом с небольшой группой его последователей.

Один из них, мистер Макфи рассказывает про Рэнсома: «Он сообщил нам, что его похитили и увезли на Марс профессор Уэстон и некий Дивайн, теперь он лорд Феверстон. Он от них убежал и был там какое-то время один. <...> Нам важно, что там он встретил так называемых эльдилов. <...> Судя по его словам, они бывают на Марсе, но живут в космосе. <...> По его словам, некоторые из них связаны с определенными планетами, но не обитают на них»²³². На вопрос Джейн не вредят ли эльдилы людям, мистер Макфи отвечает: «Доктор Рэнсом полагает, что нет, но есть одно исключение. <...> Эльдилы, которые связаны с землей»²³³. Он также говорит ей: «...или этот дом посещают эльдилы, или мы все подвержены галлюцинациям. Именно эльдилы открыли Рэнсому, что существует заговор против человечества. Более того, именно они советуют ему, как бороться... если здесь применимо это слово. Вы спросите, можно ли победить могучих врагов, поливая грядки и дрессируя медведей? Я и сам задавал этот вопрос. Ответ всегда один: мы ждем приказа»²³⁴.

²³¹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 164-166.

²³² Льюис К. С. Указ. соч.. С. 157.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же.

Другая последовательница так говорит о Рэнсоме, кто он: «Человек, Пендрагон, повелитель Логрского королевства. Весь этот дом, все мы – все, что осталось от Логрского королевства»²³⁵.

И сам он говорит о себе и своих последователях: «Да, я вождь. Неужели вы думаете, что я бы отважился на это, если бы решали вы или я? Вы не выбирали меня, и я не выбирал вас. Даже те, кому я служу, меня не выбирали. Я попал в мир случайно, как попали ко мне и вы, и даже звери. Если хотите, мы организация – но не мы ее организовали. Вот почему я не вправе и не могу вас отпустить»²³⁶.

К Рэнсому приходит Джейн, которую мучают видения, оказывающиеся правдой. Ее муж, Марк, работает в Институте. На него там возлагают большие надежды, обещают большие перспективы. Но нужен не он сам, нужна его жена из-за ее провидческого дара. А она выбирает другую сторону, придя к Рэнсому через людей, которых хорошо знала и которые стали его последователями.

Марк «хотел "быть сильным", но добрые качества, с которыми он боролся, еще держались, хотя бы как телесная слабость. Против вивисекции он не возражал, но никогда ею не занимался. Он предлагал "постепенно элиминировать некоторые группы лиц", но сам ни разу не отправил старого лавочника в рабочий дом и не видел, как умирает на холодном чердаке старая гувернантка. Он не знал, что чувствуешь, когда ты уже десять дней не пил горячего чая»²³⁷. Когда ему говорят о Христе, реагирует на это так: «Марк легко прочитал бы юным студенткам лекцию об абортах и педерастах, но при этом имени он смутился, по-

²³⁵ Льюис К. С. Указ. соч. С. 159.

²³⁶ Льюис К. С. Указ. соч. С. 162.

²³⁷ Льюис К. С. Указ. соч. С. 151.

краснел и так рассердился и на себя, и на Стрейка, что покраснел еще больше»²³⁸. Когда «Марку впервые предложили сделать то, что он считал преступным. Он не заметил, когда же именно согласился, – во всяком случае, ни борьбы, ни даже распутья не было. Вероятно, кто-то где-то и переходит рубикон, но у него все случилось само собой, среди смеха, шуток и той свойской болтовни ("Мы-то друг друга понимаем"), которая чаще всех земных сил толкает человека на дурное дело, когда он не стал еще особенно плохим»²³⁹.

Но потом он решает не подчиняться руководству Института, понимая, что они желают вреда Джейн; его выбор сложен, сопряжен с арестом, угрозой смерти, осмыслением своей жизни. Льюис описывает внутреннюю борьбу Марка: «...и тут его охватил еще один страх. В теории он был материалистом, но бессознательно, даже беспечно верил, что воля его свободна. Нравственные решения он принимал редко и когда два часа назад решил не верить институтским, не сомневался, что это – в его власти. Ему и в голову не приходило, что кто-то может так быстро изменить до неузнаваемости его разум. Он знал, что волен передумать, а больше никаких помех не видел. Если же бывает так... Нет, это нечестно. Ты пытаешься, впервые в жизни, поступить правильно – так, чтобы и Джейн, и Димбл, и тетья Джилли тебя бы одобрили. Казалось бы, весь мир должен тебя поддерживать (полудикарский теизм был в Марке гораздо сильнее, чем он думал), а он, именно в эту минуту, покидает тебя! Значит, что-то в мире не так. Какие-то странные законы»²⁴⁰.

²³⁸ Льюис К. С. Указ. соч. С. 61.

²³⁹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 103.

²⁴⁰ Льюис К. С. Указ. соч. С. 217.

Через художественные образы Льюис показывает, как на помощь Рэнсому и его последователям приходят ангельские силы и даже маг Мерлин, который «пробудившись» попадает не к искавшим его оккультистам, а к Рэнсому: «А я вот, что думаю, – сказал доктор Димбл. – Я размышляю о том, не был ли Мерлин последним представителем чего-то забытого, чего-то такого, что стало невозможным, когда люди, связанные с нездешними силами, разделились на черных и белых, на колдунов и священников»²⁴¹. Доктор Димбл говорит жене: «...все на свете, совершенно все, утоньшается, сужается, заостряется. <...> ...в любом университете, городе, приходе, в любой семье, контрасты не так четко выделялись. А потом все станет еще четче, еще точнее. Добро становится лучше, зло – хуже; все труднее оставаться нейтральным даже с виду...»²⁴².

Интересны рассуждения Льюиса, вкладываемые им в слова доктора Димбла: «Тогда на Земле были твари... как бы это сказать? Занятые своим делом. Они не помогали человеку и не вредили. У Павла об этом говорится»²⁴³. А еще раньше... все эти боги, феи, эльфы... <...> Я думаю, они были. Теперь для них нет места, мир сузился. <...> Во всяком случае, среди них жил такой вот Мерлин. <...> Даже в его время, а тогда это уже кончалось, общение с ними могло быть невинным, но не безопасным. Они как бы сортировали тех, кто вступил с ними в контакт. Не нарочно, иначе они не могли. Мерлин благочестив и смиренен, что хочешь, но чего-то он лишен. Он слишком спокоен, словно

²⁴¹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 22.

²⁴² Льюис К. С. Указ. соч. С. 229.

²⁴³ Льюис имеет в виду 1 Кор. 8: 5

ограбленная усадьба. А все потому, что знал больше, чем нужно»²⁴⁴.

В какой-то мере Льюис предсказывает некоторые реалии современного западного мира, когда устами Рэнсома рассказывает о Луне, которая в романе описывается так: «Сульва, которую смертные зовут Луною, находится в низшей сфере. Через нее проходит граница падшего мира. Сторона, обращенная к нам, разделяет нашу участь. Сторона, обращенная к небу, прекрасна, и блажен, кто переступит черту. На здешней стороне живут несчастные твари, преисполненные гордыни. Мужчина берет женщину в жены, но детей у них нет, ибо он и она познают лишь хитрый образ, движимый бесовской силой. Живое тело не влечет их, так извращена плоть. Детей они создают злым искусством, в неведомом месте»²⁴⁵.

Рэнсом говорит Мерлину о том, что победу над злом, сосредоточенном в институте, одержат небесные силы.

«– Господин мой, – сказал Мерлин, – этого быть не может, ибо это нарушило бы Седьмой закон.

– В чем он состоит? – спросил Рэнсом.

– Всемиловейший Господь поставил Себе законом не посылать этих сил на Землю до конца времен. Быть может, конец наступил?

– Быть может, он начался, – сказал Рэнсом, – но я ничего о том не знаю. Малельдил поставил законом не посылать небесных сил на Землю, но техникой и наукой люди проникли на небо и потревожили силы. Все это происходило в пределах природы. Злой человек на утлой машине проник в сферу Марса, и я был его пленником. На

²⁴⁴ Льюис К. С. Указ. соч. С. 230.

²⁴⁵ Льюис К. С. Указ. соч. С. 222.

Малакандре и Переладре я встретил моих повелителей. Ты понимаешь меня?

Мерлин склонил голову.

– Так злой человек, подобно Иуде, сделал не то, что думал. <...> Наши враги лишили себя защиты Седьмого закона»²⁴⁶.

И Рэнсом говорит Мерлину, какова его миссия: «...им нужен человек, ...чей разум открыт им и кто открывает его по своей воле. Господь свидетель, я сделал бы это, но они не хотят входить в неискушенную душу. И чернокнижник им не нужен, он не вместит их чистоты. Им нужен тот, в чьи дни волшебство еще не стало злом... и все же он должен быть способным к покаянию. Скажу прямо, им требуется хорошее, но не слишком хорошее орудие. Кроме тебя, у нас, в западной части мира, таких людей нет»²⁴⁷. «...если бы враги наши не ошиблись, у нас не было бы надежды. Если бы собственной злой волей они не ворвались туда, к нездешним силам, теперь настал бы их час победы. Но они пришли к богам, которые не шли к ним, и обрушили на себя небо. Тем самым они погибнут»²⁴⁸.

Мерлин переодетый в монаха приходит в Институт, у его адептов «смешиваются языки» – они перестают друг друга понимать и те, у кого нет надежды на исправление гибнут, убивая друг друга или растерзанные зверями, которых они держали для бесчеловечных опытов на них.

Крах ждет и Саймона. Сначала он начинает допускать ошибки. Как пишет Уильямс, «в магии существует правило: если действие пошло не так, адепту надлежит немедленно прервать его. В кругах адовых не прощают оши-

²⁴⁶ Льюис К. С. Указ. соч. С. 234.

²⁴⁷ Льюис К. С. Указ. соч. С. 234-235.

²⁴⁸ Льюис К. С. Указ. соч. С. 236-237.

бок. Он обязан был начать все сначала. Едва увидев перед собой две формы, Клерк должен был остановиться. Даже новичок понял бы, что ход ритуала нарушен вторжением чего-то чуждого. Но маг не внял явному предостережению, он не мог допустить потерю контроля над ситуацией, ведь он заранее считал себя победителем. <...> Саймон ... быстрее и быстрее приближался к роковому финалу»²⁴⁹.

«Клерк смотрел на Бетти. Происходящее казалось магу кошмарным сном. Вид собственной дочери, здоровой и свободной, ничем не напоминающей бессловесную рабыню недавнего времени, сбивал его с толку. Он как-то вдруг забыл теорию магии, философию и метафизику. Заклятья не удались, и подобия не имели ничего общего с оригиналами. Сейчас Клерк больше чем когда-либо напоминал обычного растерянного человека»²⁵⁰.

«В проеме стояли две фигуры, которые он тотчас распознал. Они были совершенно одинаковыми; огромные головы-черепы выдаются вперед; мрачные плащи скрывают очертания тел; пустые глаза обращены к нему. Когда-то он сотворил их своими точными копиями, но его человеческая плоть все же несла в себе отпечаток собственных переживаний и настоящего жизненного опыта, они же были только созданием рационального ума. Поэтому они теперь выглядели как зловещие карикатуры на него <...> ...когда две темные фигуры оказались рядом с ним, он подумал: "Это смерть", и понял, что мысль обессилила его. Он заставил себя произнести приказ. Они остановились, но вместе с ними остановился и он. Он подчинялся сам себе. <...> Порыв взаимной ненависти пронзил слои тумана. Он ненавидел их, а они, зеркально отражая его чувства, нена-

²⁴⁹ *Вильямс Ч.* Указ. соч. С. 208-209.

²⁵⁰ *Вильямс Ч.* Указ. соч. С. 320.

видели его. <...> Красный туман двинулся и потащил его за собой. Запах крови стал нестерпимо сильным, на коже Клерк чувствовал опаляющий жар близкого огня. <...> Он тупо смотрел на них, и также тупо смотрели на него они. Между тем всех троих несло все дальше и дальше, глубже и глубже, через красный свет, кровь и огонь»²⁵¹.

Его верная последовательница и любовница теряет рассудок: «Если леди Уоллингфорд и предстояло прийти в себя, то нескоро. Память, знания, даже простейшие навыки уже никогда не вернуться ней. Она будет жить, не зная, кто она и как здесь оказалась, не различая, кто вокруг нее и что они делают»²⁵².

А их дочь, Бетти, обретает сверхъестественные способности, но использует их не так, как ее отец: «Она, поднявшись из мудрых вод, оставалась самой собой и могла бы погибнуть, только предав саму себя, но эти целительные силы предназначались для других, их следовало истратить на них без остатка. Брать и отдавать, отдавать и брать – иногда первым становится одно, иногда – другое; но и получая, и отдавая, и она, и Лестер, и все остальные идут к Городу. Как непросто научиться единству того и другого, но ради этого стоит стараться, а достичь этого можно лишь отказавшись от любого достижения. Ее волшебная жизнь переходила в других, но сама она оставалась прежней Бетти, ничего не оставившей для себя»²⁵³.

И в обоих романах есть линии любви, наиболее сильно выраженные в Ричарде и Лестере у Уильямса и в Марке и Джейн у Льюиса.

²⁵¹ *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 323, 325-327.

²⁵² *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 332.

²⁵³ *Уильямс Ч.* Указ. соч. С. 333-334.

«Странно, он ведь обычно думал о Лестер только в связи с собой. И вдруг Ричард вспомнил, что в ней всегда была сила, ждущая применения, и одновременно увидел, что эта сила никогда его не заботила; ему хватало удовлетворенного сознания, что Лестер пользуется ей для его, Ричарда, блага. Он произнес почти вслух:

– Дорогая, неужели я проглядел тебя?

Не то, чтобы он не обращал на жену внимания; здесь его вины не было. Он имел в виду тот второй смысл, в котором сама она, возможно, была виновата не меньше, чем он. Нет, вина здесь ни при чем. Просто она знала его лучше, чем он когда-либо хотел узнать ее. Дурачились они или ссорились, но ее замечания всегда звенели правдой, а его слова в лучшем случае могли сойти за шутку, а в худшем бывали просто обидными. <...> Он подумал о том, сколько раз мог порадоваться ее правоте вместо того, чтобы извинять, возмущаться, протестовать. Ее сияющая красота все росла, а теперь оказалось, что ее украшало еще и знание. Этого знания, как и многого другого, он тоже предпочитал не замечать»²⁵⁴.

«Встретив Лестер, женившись на ней, он вовсе не перестал ощущать себя Левиафаном, свободно резвящимся в море споров и смеха, в этих естественных для мужчин водах, но отныне на горизонте он всегда видел, или хотя бы чувствовал, неясную фигуру далекого и близкого одновременно, страшноватого, но в то же время и надежного охранителя – женщину, жену, данную ему свыше и вместе с тем ему не принадлежащую. До сих пор, несмотря на все свое добросердечие, он пренебрегал ею, он поглядывал на нее

²⁵⁴ *Вильямс Ч.* Указ. соч. С. 61-62.

из своих привычных вод, но никогда не входил в загадочную башенку на вершине маяка»²⁵⁵.

Очень красиво описание встречи Ричарда с душой Лестер, когда они прошли уже определенный непростой путь духовного роста после ее смерти: «И он добавил, через всю комнату обращаясь к Лестер, ничуть не удивленный, но искренне озабоченный:

– Дорогая, я не заставил тебя ждать слишком долго? Я так виноват.

Лестер увидела его. Вся предыдущая земная жизнь вдруг прихлынула и заполнила доверху ее существо. Бес-телесная, она разом вспомнила все телесные радости, которые дарили они друг другу, пока были вместе. Он увидел ее улыбку, и в этой улыбке небеса были откровенны, а она – застенчива. Она сказала – и только он услышал, нет, скорее понял, чем услышал <...>:

– Да я готова ждать тебя хоть миллион лет.

Внутри нее что-то шевельнулось, словно жизнь ускори-лась, и она с новой радостью вспомнила, что смертный прилив никогда не достигнет, и даже не приблизится, к вечному дому жизни. Если Ричард или она сейчас уйдут, это не будет иметь никакого значения; полнота счастья уже обещана им; неважно, где и как им придется вкусить его»²⁵⁶.

По-другому, но тоже красиво, описывает Льюис мысли Марка, изменившегося после пережитых испытаний о Джейн: «Там Джейн, там Деннистон, там, наверно, Димблы. Он увидит Джейн в ее мире. Но это не его мир. Стремясь в избранный круг, он и не знал, что круг этот – рядом. Джейн с теми, с кем и должна быть. Его же примут из ми-

²⁵⁵ Вильямс Ч. Указ. соч. С. 123.

²⁵⁶ Вильямс Ч. Указ. соч. С. 213.

лости, потому что она совершила глупость, вышла за него замуж. Он не сердился на них, только стыдился, потому что видел себя таким, каким они его должны видеть – мелким, пошлым <...> Жизнь их просторна. Они – короли, он – валет»²⁵⁷. «Когда он впервые увидел ее из своего засушливого мира, она была как весенний дождь; и он ошибся. Он решил, что получит во владение эту красоту. С таким же правом можно сказать, что, покупая поле, с которого ты видел закат, ты купишь и вечернее солнце»²⁵⁸.

Льюис описывает мысли Марка и Джейн перед их встречей после пережитых испытаний, когда они стали иными, чем были:

«Он вел себя так, словно заповедный сад по праву принадлежит ему. Все, что могло стать радостью, стало печалью, ибо он поздно понял. Он увидел изгородь, сорвал розу, нет, хуже, порвал ее грязными руками. Как он посмел? Кто его простит?»²⁵⁹. Он считал ее холодной, а она была терпеливой. От этой мысли ему стало больно. Теперь он любил Джейн, но поправить ничего не мог»²⁶⁰.

«Когда она стояла, держась за косяк, новая мысль посетила ее: а вдруг она Марку не нужна. Вдруг он не к ней пришел? Никто не мог бы сказать, что она испытала – обиду или облегчение; но дверь она не открыла. Тут она заметила, что окно распахнуто. В комнате, на стуле, грудой лежала одежда, и рукав рубашки, его рубашки, перегнулся через подоконник. Он же отсыреет... Нет, что за человек! Самое время ей войти»²⁶¹.

²⁵⁷ Льюис К. С. Указ. соч. С. 287-288.

²⁵⁸ Льюис К. С. Указ. соч. С. 288.

²⁵⁹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 103.

²⁶⁰ Льюис К. С. Указ. соч. С. 305-306.

²⁶¹ Льюис К. С. Указ. соч. С. 306.

Возможно, главное отличие «Мерзейшей мощи» – осторожное отношение к мистике, какой бы она ни была. Показателен разговор Рэнсома с одной из его последовательниц о приходящих к нему ангелах, называемых в романах «Космической трилогии» Льюиса эльдилами и Уарсами:

«–Никак не пойму, сэр, – сказала Айви. – Ваших я очень боюсь, а Бога нет, хотя Он вроде бы пострашней.

- Он был пострашней, – сказал Рэнсом. – Вы правы, Айви, с ангелами человеку трудно, даже если и ангел добрый, и человек. Апостол об этом пишет. А с Богом теперь иначе, после Вифлеема»²⁶².

Наверное, неудивительно, что произведения часто сравнивали. Конец Второй мировой войны - самой кровопролитной в истории человечества, наполненной ужасами и страданиями. И между тем, оба автора создают произведения, в которых показывают, что самое главное зло может совершаться не во время военных действий, оно может быть внешне цивилизованно, привлекательно; его совершение может оправдываться красиво звучащими формулировками, от чего она становится еще более жутким. Оба автора показывают связь мира, в котором мы живем, с иной реальностью, которую они рисуют, используя образы, которые подсказывали им сумма знаний, религиозный и жизненный опыт. Оба ненавязчиво показали, как от выбора «простых» людей, внешне ничем не примечательных, могут зависеть судьбы всего мира.

²⁶² Льюис К. С. Указ. соч. С. 212.

О рыцарстве. Некоторые мысли К.С. Льюиса о вере, религии, образовании и культуре

Современные нравственные и религиозные проблемы в глубинной своей сути не так уж и новы. В творчестве писателей XX столетия мы находим то, как они мучительно искали ответы на вопросы, связанные с нравственным выбором, стоящим перед каждым человеком вне зависимости от того в какую эпоху и в каком обществе он живет. Формы этого выбора могут быть разными, но суть неизменна.

Жан Поль Сарт писал в «Словах»: «Я долго принимал перо за шпагу, теперь я убедился в нашем бессилии. Неважно: я пишу, я буду писать книги; они нужны, они все же полезны. Культура ничего и никого не спасает, да и не оправдывает. Но она – создание человека: он себя проецирует в нее, узнает в ней себя; только в этом критическом зеркале видит он свой облик. Весь человек, вобравший всех людей, он стоит всех, его стоит любой». Философия экзистенциализма не дает возможности заявить о том, что мир может быть изменен, изменен в результате свободного выбора конкретного человека, который порой может казаться очень странным тем, кто его окружает. Но писатели-христиане заявляли об этом – как очень прямо и открыто, так и посредством художественных образов.

Клайв Стейплз Льюис – один из наиболее выдающихся христианских мыслителей и писателей XX века. В молодости он все сильнее терял всякую веру. После духовных поисков на 33-ем году жизни стал убежденным христианином. Характерно, что его считают едва ли не единственным христианским писателем, который не является православным, но чьи труды при этом неизменно по-

ложительно оцениваются православными богословами. Человек энциклопедических знаний и пытливого ума, уверовав, он приложил много сил для изучения истории религий, в том числе первоисточников, прежде чем его христианские убеждения стали осмысленными и непоколебимыми.

В статье «О рыцарстве», опубликованной в «Time and Tide» 17 августа 1940 года Клайв Стейплз Льюис писал: «Люди просвещенные (или "либеральные") думают, что все воинственное – пережиток и чистое зло. Есть и поборники героизма, презирающие всякие чувства; им бы очень хотелось выманить из могилы дохристианскую ярость. <...> К счастью, мы ... лучше, чем заслужили. Многие из нас видят, что двадцать лет цинизма и коктейлей не вытравили отваги и мужества. Слышу я и о *вежестве* – молодые летчики, которым мы обязаны жизнью, учтивей и скромней моих сверстников в 1915 году. Словом жива еще традиция, порожденная средневековьем. Она и не умрет, если мы не забудем, что рыцарство противно естеству, что это – подвиг. Особенно важно помнить об этом, когда мы становимся все свободнее. <...> Идеал, воплощенный в Ланселоте, поможет "уйти от жизни" в особом, неслыханном смысле этих слов – так, и больше никак мы не уйдем от мира глупых волков и жалких овец, неспособных защитить все, без чего и жить нельзя. Правда, лет сто назад поговаривали, что волки почему-то перемрут; но ошиблись»²⁶³.

«Рыцарство», «сказочная страна» – казалось бы, странные сегодня образы, но они широко использовались и другим известным английским писателем, современником Льюиса. Гилберт Кийт Честертон – христианский ры-

²⁶³ Льюис К.С. О рыцарстве // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004. С. 264-265.

царь XX века не только по своим образу мыслей и поступкам, но и в самом прямом смысле – рыцарь-командор со звездой ватиканского ордена Святого Григория Великого. Его творчество диалектично, полемично и одновременно сказочно, что собранное вместе рождает очень необычные образы: «Я чувствовал, что нужно поститься сорок дней, чтобы увидеть дрозда; пройти через огонь, чтобы добыть первоцвет. Любители прекрасного не могут даже протрезвиться ради дрозда, претерпеть обычное христианское бракосочетание в уплату за первоцвет. За необычайные радости надо платить соблюдением обычной морали»²⁶⁴, – пишет Честертон в 34 года в своей знаменитой книге «Ортодоксия». Ощущение жизни, как самой прекрасной из сказок, где добро побеждает зло, где есть место героизму, и есть место повседневности, Честертон вынес из детства: «Мою первую и последнюю философию, в которую я твердо верю, я усвоил в детской от няни – величественной, вдохновенной жрицы демократии и традиции. Крепче всего я верил и верю в волшебные сказки. Они кажутся мне удивительно разумными. Это не фантазия, рядом с ними все остальное фантастично, даже религия и рационализм: религия невероятно права, рационализм невероятно не прав. Страна чудес – не просто солнечный край здравого смысла. Не земля судит небо, а небо землю, и точно также, по-моему, землю укоряет сказочная страна»²⁶⁵. «Я чувствовал и чувствую, что жизнь ярка, как бриллиант, но хрупка как оконное стекло, и когда небеса сравнивали с кристаллом, я вздрагивал – как бы Бог не разбил мир вдре-

²⁶⁴ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 397-398.

²⁶⁵ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 390.

безги. Но помните, быющее не обречено на погибель. Ударьте по стеклу – оно не проживет и секунды, берегите его – оно проживет века. Такова радость человека; как в стране эльфов, так и на земле счастье продлится, пока вы *не сделаете чего-то*, что вы можете сделать в любую секунду, часто не понимая, почему этого делать нельзя»²⁶⁶. Проповедь Честертон казалась безумием многим из его современников, не случайно, что образ Дон Кихота был близок писателю; возможной реализации этого образа в современной ему Англии он посвятил одну из своих книг. Один из героев романа «Возвращение Дон Кихота» говорит: «Ваша техника стала такой бесчеловечной, что уподобилась природе. Да, она стала второй природой, далекой, жестокой, равнодушной. Рыцарь снова блуждает в лесу, только вместо деревьев – трубы. Ваша мертвая система так огромна, что никто не знает, где и как она сломается. Все рассчитано, и потому нельзя ничего рассчитать. Вы оправдали наваждение Дон Кихота: мельницы ваши – великаны»²⁶⁷.

Льюис и Честертон по-разному доносили свои мысли до читателей, но сила их воздействия на умы читающих была схожей. Льюис не только в своих художественных произведениях, но и в статьях затрагивал многие острые проблемы, стоящие перед современным ему английским обществом – можно только поражаться насколько актуально его слова звучат в современной нам России.

²⁶⁶ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 396.

²⁶⁷ Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 406

Статья «Христианство и культура» была опубликована Льюисом в марте 1940 года в журнале «Theology»²⁶⁸. В ней он, в частности, пишет: «В молодости я верил, что "культурная жизнь" (то есть интеллектуальная и эстетическая деятельность) хороша сама по себе, во всяком случае – хороша для человека. Когда я обратился, лет под тридцать, я все еще в это верил, не задумываясь о том, согласуется ли такая вера с моими новыми убеждениями. В этом туманном состоянии я пребывал до тех пор, когда мне показалось, что поклонники культуры что-то преувеличивают. Тогда я очнулся и начал преувеличивать другую сторону. Я усомнился в ценности культуры»²⁶⁹. Интересен ответ на вопрос, почему профессор Льюис сам занимается тем, что обобщенно называет «культурой»: «Сам я занимаюсь культурой потому, что мне надо зарабатывать на жизнь. Тут я с облегчением вспомнил, что при всем своем максимализме, при всей своей мятежности, христианство бывает утешительно простым. Иоанн Креститель не говорил воинам и мытарям о том, что они обязаны сейчас же разрушить экономическую и военную систему древнего мира; он просто напомнил им, что надо быть честными (о чем они, несомненно, слышали от матерей и нянек), и от правил заниматься своим делом. Апостол советует фессалоникийцам "делать свое дело и работать собственными своими руками" (1 Фес. 4: 11) и осуждает тех, которые "ничего не делают" (2 Фес. 3: 11). Словом, нужда в деньгах – простейшее, хотя и невысокое оправдание для многих видов деятельности. Спрос на культуру есть, она еще не

²⁶⁸ См.: К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., 2004. С. 374.

²⁶⁹ Льюис К.С. Христианство и культура // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004. С. 249.

насквозь преступна, а, значит, я могу ею заниматься - преподавать, читать лекции, писать статьи, тем более, что ни на что другое я, кажется, не способен»²⁷⁰.

Для понимания внутренних побудительных мотивов широкой апологетической деятельности мыслителя, важна следующая его мысль: «Культурой уже злоупотребили, ее уже испортили и продолжают портить независимо от того, участвуем мы в ней или нет. Поэтому лучше, чтобы среди «культуртрегеров» было больше христиан. Быть может, некоторые христиане даже обязаны заниматься культурой. Чтобы избежать недоразумений, скажу: я не предлагаю христианам брать деньги за одно (культуру), а давать другое (проповедь). Это было бы воровством. Я просто считаю, что они хоть портить культуру не будут, станут каким-то противоядием»²⁷¹. То есть он четко отделял в своей жизни то, что делал из-за убеждений от того, что делал, потому что это его работа, которая оплачивается, и которую он должен выполнять, потому что надо жить.

Очень современно звучит следующее утверждение: «В наши дни очень трудно обратить необразованного человека, потому что ему все нипочем. Популярная наука, правила (или "нарушения правил") его узкого круга, политические штампы и т. п. Заключение его в темницу искусственного мира, который он считает единственно возможным. Для него нет тайн. Он все знает. Человеку же культурному приходится видеть, что мир очень сложен и что окончательная истина, какой бы она ни была, обязана быть странной»²⁷².

²⁷⁰ Льюис К.С. Христианство и культура. С. 254-255.

²⁷¹ Льюис К.С. Христианство и культура. С. 255.

²⁷² Льюис К.С. Христианство и культура. С. 255.

Представляется, что многим, связанным с образовательной сферой, окажутся близки мысли рассказа «Баламут предлагает тост», который был впервые опубликован в «The Saturday Evening Post» 19 декабря 1959 года: «Нынешнее образование стоит на том, что тупиц и лентяев нельзя унижать, другими словами - нельзя, чтобы они догадались, что хоть чем-то отличаются от умных и прилежных. Школьникам, которым не по уму грамматика или арифметика, позволяем заниматься тем, чем они занимались дома, – скажем, лепить куличики и называть это "моделированием". Мало того, успевающих учеников скоро будут оставлять на второй год, чтобы не травмировать прочих»²⁷³; «...когда демократический принцип ("Я не хуже...") внедрится как следует, можно рассчитывать на то, что образования вообще не будет. Исчезнут все резоны учиться и страх прослыть неученым. Тех немногих, кто все-таки жаждет знания, поставят на место, чтобы не высовывались»²⁷⁴.

Вопрос о том, какой место занимают вера и религия в жизни его современников, очень волновал Льюиса, что находило отражение в его статьях: «Упадок веры, принесший столько горя одним и радости другим, доказывается тем, что церкви теперь пустуют. И правда, в 1900 году они были полны, а сейчас в 1946-м, там никого нет. Но случилось это не постепенно, а сразу, как только людей перестали заставлять. В сущности, это не упадок, не падение, а прыжок. Шестьдесят человек, приходивших в храм из под палки, больше туда не ходят; пятеро верующих ходят, как ходили. Случилось это не в одном Оксфорде, а во всей Ан-

²⁷³ Льюис К.С. Баламут предлагает тост // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., Спб., 2000. С. 118.

²⁷⁴ Льюис К.С. Баламут предлагает тост. С. 118-119

глии. <...> Как обычно считают, что за последние полвека наш народ перешел от христианского мирозерцания к мирскому. Но, судя по книгам, люди 19 века смотрели на мир точно так же»²⁷⁵.

Статья «Упадок веры» была опубликована 29 ноября 1946 года в «The Chervell». Некоторые ее тезисы звучат очень остро и в современной России: «Я смотрю на оксфордских студентов и вижу, что с одинаковым правом можно сделать два вывода о "подрастающем поколении", хотя на самом деле студенты по всем статьям отличаются друг от друга не меньше, чем от нас, преподавателей. Множество фактов доказывает нам, что вера - при последнем издыхании; ровно столько же, что вера возрождается. И то и другое правильно»²⁷⁶. «Перейдем к христианскому возрождению. Те, кто о нем толкуют, ссылаются на успех явно и даже яростно христианских писателей, на популярность лекций о христианстве и на частые и отнюдь не враждебные споры о нем. Словом, они имеют в виду то, что один мой друг назвал "интеллигентской шумихой вокруг христианства". Явление это трудно описать бесстрастно; но всякий признает, что христианство "в ходу" у молодых интеллектуалов, которые лет пять назад о нем не думали. <...> Времена простого неверия также мертвы, как времена простой веры»²⁷⁷. «С нами еще не боролись всеерьез. Если успех наш возрастет, этого не миновать. Враг еще не удостоил нас битвы, но скоро удостоит. Так бывало в христианстве всегда, с самого начала. <...> Выдержать христианство может лишь тот, кто даст ему все, чего оно

²⁷⁵ Льюис К.С. Упадок веры // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004. С.

316.

²⁷⁶ Льюис К.С. Упадок веры. С. 316.

²⁷⁷ Льюис К.С. Упадок веры. С. 318.

хочет, то есть - попросту все. И те, кто не с ним, встают против него. Вот почему не надо тешить себя надеждой на мирные, разумные и крупные победы. Задолго до этого против нас встанет истинный враг, и верность христианству будет стоять по меньшей мере мирского преуспеяния. Но помните: скорее всего, враг этот примет имя христианства (вероятно, с каким-нибудь прилагательным)²⁷⁸.

В статье «Возрождение или упадок», опубликованной 9 июля 1958 года в «Punch» Льюис писал про Запад: «Существует ли однородный Запад? Не думаю. Религии, словно комары, жужжат вокруг нас. Одна из них – серьезное поклонение полу, которое не надо путать с бездумным поветрием фривольности. Какие-то зачатки религий возникают в научной фантастике. Как всегда, есть и христиане. Разница только в том, что теперь христианином не надо притворяться. К этому, в сущности, и сводится так называемый упадок веры. А в остальном – так ли уж отличается наше время от других времен и наш Запад – от других частей света?»²⁷⁹.

«У нас нет права на счастье» – последняя статья К. С. Льюиса, которая была опубликована в конце декабря 1963 года через месяц после его смерти²⁸⁰. В ней он писал: «Когда я был очень молод, все прогрессивные люди говорили как один: "К чему это ханжество? Надо смотреть на половую потребность, как на все прочие наши потребности". По простоте своей я им верил, но понял потом, что они имеют в виду совсем другое. Они имеют в виду, что к

²⁷⁸ Льюис К.С. Упадок веры. С. 319.

²⁷⁹ Льюис К.С. Возрождение или упадок? // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., СПб., 2004. С. 346.

²⁸⁰ См.: К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., 2004. С. 381.

вышеупомянутой потребности надо относиться так, как мы ни к одной потребности не относимся. Цивилизованный человек всегда считал, что свои инстинкты и желания надо сдерживать. Если вы никогда не будете сдерживать инстинкта самосохранения, вас сочтут трусом. Если вы не будете сдерживать тяготения к наживе, вас сочтут жадным. Даже сну нельзя подчиняться, если вы часовой. Но любая жестокость и любое предательство оправданны, если речь идет о влюбленности и страсти. <...> Если же вы начнете возражать, вам ответят рассуждениями или возгласами об истинности, красоте и даже святости страсти и обвинят вас в пуританском гнушении любовными радостями»²⁸¹. И в этой статье он уже видел приближение предсказанного Освальдом Шпенглером «Заката Европы»: «...я не думаю, что мы на этом остановимся. Если мы хоть где-то возведем в абсолют "право на счастье", рано или поздно принцип этот заполонит все. Мы движемся к обществу, в котором признают законным всякое человеческое желание. А тогда, даже если техника и поможет нам сколько-то еще продержаться, цивилизацию нашу можно считать мертвой и (я даже не вправе сказать "к несчастью") она исчезнет с лица земли»²⁸².

Писатель обличает распространившееся уже в его время в западном мире восприятие религии, как чего-то прикладного, призванного удовлетворять «потребности» человека». В «Письмах к Малькольму» он писал: «Рабский страх, конечно, низшая из форм религии. Но бог, который ни при каких обстоятельствах не станет причиной даже для рабского страха, *безопасный* бог, ручной бог –

²⁸¹ Льюис К.С. У нас нет права на счастье // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004. С. 363.

²⁸² Льюис К.С. У нас нет права на счастье. С. 365.

фантазия, и здравый ум ее быстро разоблачит. Я не встречал людей, которые, совершенно отрицая существование ада, имели бы живую и животворящую веру в рай»²⁸³.

В «Хрониках Нарнии» Льюис писал об Аслане, что это не ручной Лев. Вера, в которую человек не верит, вера, которая существует для него лишь для того, чтобы прикрыться ей, в итоге не преминет обличить и наказать кощунника. В завершающей серию книг писателя «Хроники Нарнии» «Последней битве», рассказывается об *Обезьяне*, который учил, что добро и зло – одно и то же, и мучительно погиб от вызванного им духа, в которого не верил.

Но там же мы видим и другой пример. Юноша – воин, всю жизнь искренне служил злу, полагая его добром, всю жизнь творил благородные поступки во имя этого зла. Но когда перед лицом смерти он оказывается рядом с воплощенным Добром (у Льюиса – Аслан) и Злом (у Льюиса – Таш), то зло не может его коснуться, а Добро говорит, почему принимает его: «Не потому я принял твое служение, что мы (добро и зло) – одно, а потому, что мы противоположны, я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко – не может быть ей. Итак, если кто клянется именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянется не ведая, и я вознагражу его. Если же кто-то совершит зло во имя мое, пусть говорит он “Аслан” – Таш он служит и Таш принимает его служение»²⁸⁴.

Говоря о смерти, Льюис, оценивая весь ее ужас и неестественность для человеческой природы, тем не менее,

²⁸³ Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000. С. 391.

²⁸⁴ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 315.

пишет: «Это – спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы ужасным. Если бы ничто не мешало нам прибавлять звено за звеном к цепям гордыни и похоти и класть камень к камню нашей чудовищной цивилизации, мы превратились бы из падших людей в истинных дьяволов, которых, быть может, и Богу не спасти. Люди должны свободно принять смерть, свободно склониться перед ней, испить ее до дна и обратить в мистическое умирание, сокровенную основу жизни»²⁸⁵. «Но лишь Тому, Кто разделил добровольно нашу невеселую жизнь; Тому, Кто мог бы не стать человеком и стал Единым Безгрешным, дано умереть *совершенно* и тем победить смерть. Он умер *за нас* в самом прямом смысле слова, и поистине умер, ибо Он один поистине жил. Он, знавший изначально непрестанную и блаженную смерть послушания Отцу, принял во всей воле Своей, во всей полноте, столь ужасную для нас смерть тела. Предстательство – закон созданного Им мира, и потому смерть Его – наша смерть. Чудо Воплощения и Смерти Господней, не отрицая ничего, что мы знаем о природе, пишут комментарий к ней, и неразборчивый текст становится ясным»²⁸⁶.

О Воскресении Христа Льюис писал не только в философских трактатах, но и аллегорически, в форме его всемирно знаменитых сказок «Хроники Нарнии». Как он написал в первой, самой известной книге этой серии «Лев, колдунья и платяной шкаф» «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем

²⁸⁵ Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 235-236

²⁸⁶ Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 238.

не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним»²⁸⁷.

О важности принятия для каждого человека добровольной жертвы Христа Спасителя Льюис пишет такими словами: «Самый первый шаг на этом пути – постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое "я" (личное "Я" Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно – Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Принцип этот пронизывает всю жизнь. Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать "себя" – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и "все остальное приложится вам"»²⁸⁸...

Литературное и публицистическое наследие Льюиса помогло многим людям стать христианами, так как он сам прошел мучительный и долгий путь от неверия к глубокой искренней вере. И сегодня, в мире, как его иногда называют, «постхристианских ценностей» оно приобретает особую значимость, помогая людям уверовать во Христа.

²⁸⁷ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999. С. 103.

²⁸⁸ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 200-201.

«Пока мы лиц не обрели» - роман К.С. Льюиса о любви и о женщине, обвинявшей богов

«Пока мы лиц не обрели» – очень сложное для понимания и многоплановое произведение, в котором автор, опираясь на мотивы мифа о Купидоне и Психее, пытался ответить на вопросы, которые, судя по всему и его самого мучили – почему земная любовь всегда так несовершенна, ей всегда чего-то не хватает; в чем смысл, происходящих с нами тяжелых событий, и есть ли он; как найти себя и обрести свое истинное лицо среди терний земного пути жизни; как понять то, что нам говорит Бог и что Он хочет от нас.

Льюис, еще студентом, по меньшей мере трижды пытался рассказать миф о Психее в стихах (один раз в виде пьесы)²⁸⁹. Он написал роман о Психее на закате своей жизни, но это вовсе не пересказ «Метаморфоз» Луция Апулея. По словам Льюиса «...я не чувствовал никакой потребности быть верным Апулею, который и сам, почти наверняка, всего лишь пересказал миф, а не сочинил его. Ничего не было дальше от моих намерений, чем воспроизводить стиль «Метаморфоз», этой странной смеси плутовского романа, литературы ужасов, трактата мистагога, порнографии и стилистических экспериментов»²⁹⁰.

Книга начинается словами царицы Оруаль, которая в конце своего жизненного пути решает написать книгу, в которой выдвигает обвинения против богов. Она пишет ее

²⁸⁹ К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., Спб., 2004. С. 382.

²⁹⁰ Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., Спб., 2004. С. 243.

не на родном, а на греческом языке, которому обучил ее учитель, бывший рабом ее отца, которому она, став царицей, дала вольную. Это связано с тем, что в своем народе, царица не видит того, кому может быть понятно написанное ей, а «...может статься, что какой-нибудь странник из Греции посетит наш дворец, прочтет эту книгу и перескажет ее у себя на родине, где людям не возбраняется вести вольные речи даже о бессмертных богах. И может статься, тамошние мудрецы разберутся, справедливы ли мои обвинения и удалось ли бы оправдаться богу Седой горы, снизойди он до ответа»²⁹¹.

Причины написания книги Оруаль формулирует так: «С тех пор, как я стала старухой, месть богов более не страшит меня. Разве боги в силах повредить мне? У меня нет ни мужа, ни сына, ни друга, на которых мог бы обрушиться их гнев. Моя иссохшая плоть по привычке желает, чтобы ее мыли, питали и не раз в день облачали в нарядные одежды, но мне не жаль моего тела – боги властны отнять его у меня, когда им заблагорассудится. Я уже позаботилась о наследнике – моя корона перейдет к сыну моей сестры. Вот почему я не боюсь гнева богов, и вот почему я решилась написать эту книгу, ибо человек, которому есть что терять, никогда не осмелится написать подобную. В книге этой я буду обвинять богов, в первую очередь того, который обитает на Седой горе. Словно перед строгим судьей, я расскажу без утайки обо всем том зле, что бог причинил мне. Увы! Нет в мире такого суда, который рассматривал бы тяжбы между богами и смертными людьми, а бог Горы – я уверена – не ответит на мои обвинения. Бо-

²⁹¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 10.

лезни и страдания, которыми он волен меня наградить, - разве это достойный ответ?»²⁹².

Через свою героиню писатель передает то, насколько тяжело бывает написать то, что действительно важно и как это изменяет пишущего: «По правде говоря, все, что я написала, стоило бы переписать с начала до конца, но боюсь, что мне не хватит времени. <...> Оттого, что я стала писать, я и сама переменялась. С такой работой не шутят. Память, стоит разбудить ее, превращается во властного деспота. Я пришла к выводу, что должна честно (я не хочу лгать, стоя перед судом) поведать все свои мысли и чувства. Прошрое, как я его описала, было не тем прошлым, которое я помнила. Даже заканчивая книгу, я не понимала многого так отчетливо, как понимаю сейчас»²⁹³.

В детстве, росшая без матери во дворце жестокого отца-царя с нелюбимой сестрой Редиваль, Оруаль любила только своего учителя, бывшего рабом ее отца: «Я любила Лиса (такое прозвище дал греку мой отец) так, как не любила до той поры никого другого. Можно было ожидать, что человек, рожденный в Греции свободным, но попавший на войне в плен и проданный в рабство варварам, должен был отчаяться. Отчаяние действительно временами завладевало Лисом, и, может быть, гораздо чаще, чем я, маленькая девочка, могла заметить. Но я никогда не слышала, чтобы он роптал на судьбу»²⁹⁴.

Из повествования Оруаль мы видим, что она жила в языческой стране, с жестокими ритуалами, по всей видимости, задолго до Рождества Христова. Она пишет, говоря

²⁹² Льюис К.С. Указ. соч. С. 199.

²⁹³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 9-10.

²⁹⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 12-13.

о своих разговорах с Лисом: «...я рассказала ему об Унгит, о девушках, которые живут в ее доме, о подарках, которые невесты приносят богине, и о том, что если страну постигает какое-то бедствие, мы перерезаем горло жертве богине и кропляем Унгит человеческой кровью»²⁹⁵. Сама девушка относится с большим опасением к той религии, которая есть в ее стране и, особенно, к ее ритуалам: «Ужас внушал мне запах, который источал Жрец. Это был запах святости, запах храма, запах жертвенной крови (обычно голубиной, но иногда – человеческой), запах горелого жира, паленых волос и прогорклого ладана. Это был запах Унгит. Еще ужаснее были одежды Жреца, сделанные из звериных шкур и сушеных рыбьих пузырей, а на груди у служителя Унгит висела страшная маска в виде птичьей головы. Казалось, что клюв растет у этого человека прямо из сердца»²⁹⁶.

Новый этап в жизни Оруаль начинается, когда новая жена ее отца - молодая девушка, с которой они почти стали подругами, умирает, родив дочь:

«На третий день тело Царицы предали огню, и мой отец дал имя ребенку. Он назвал дочь Истрою.

– Чудесное имя, – сказал на это Лис. – Просто чудесное имя. Ты уже знаешь довольно по-гречески, так скажи, как ее звали бы на моей языке.

– В Греции ее звали бы Психеей, дедушка, – сказала я»²⁹⁷.

Эта девочка становится смыслом жизни Оруаль: «...один взгляд на Психею заменял мне ночной сон и при-

²⁹⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 13.

²⁹⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 14.

²⁹⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 23.

давал сил. Я смеялась вместе с Психеей, а Психея смеялась весь день напролет. Она научилась смеяться уже на третьем месяце жизни, а лицо мое стала узнавать на втором (хотя Лис в это так и не поверил). Так начались лучшие годы моей жизни. Лис души не чаял в ребенке, и я догадалась, что давным-давно, когда грек был свободным человеком, у него тоже была дочка. Теперь он и впрямь чувствовал себя дедушкой. Мы проводили все время вдвоем – я, Психея и Лис»²⁹⁸. «Красота маленькой Психеи – надо сказать, у каждого возраста есть своя красота – была той редкой красотой, которую признает с первой же встречи любой мужчина и любая женщина. Красота Психеи не потрясала как некое диво – пока человек смотрел на мою сестру, ее совершенство казалось самой естественной вещью на свете, но стоило ему уйти, как он обнаруживал, что в его сердце остался сладкий, неизгладимый след»²⁹⁹.

Счастливым период оказывается непродолжителен. В стране начинаются бедствия - болезни, отсутствие дождя, голод. Первым испытанием Психеи стали последствия того, что она выходила учителя Оруаль и своего: «История о том, как Психея ходила за Лисом, а он выздоровел, разлетелась по всему городу. <...> В устах людей эта история превратилась в сказку о прекрасной царевне, которая исцеляет лихорадку одним своим прикосновением. Не прошло и двух дней, как у дворцовых ворот столпилась добрая половина всех жителей столицы. Кто только не пришел к дворцу! Из нор своих выползли самые диковинные калекки, выжившие из ума старцы вдруг вообразили, что их

²⁹⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 25

²⁹⁹ Там же.

жизни стоят того, чтобы их спасти, люди несли своих младенцев и агонизирующих больных»³⁰⁰.

У царя не хватало сил, чтобы противостоять толпе, и Психея вышла к ней. Она «шла среди этого безумия, спокойная и торжественная, как дитя, идущая к доске отвечать урок. Она прикасалась к людям, а люди падали к ее ногам, пытаясь поцеловать если не ступни ее, то хотя бы край одежды, или тень, или землю в том месте, где ступила ее нога. А Психея продолжала прикасаться к больным, и, казалось, что этому не будет конца, потому что толпа на площади вместо того, чтобы таять, все росла и росла. <...> Все закончилось только на закате. Мы отнесли Психею в постель и уложили. На следующий день она уже металась в лихорадке. Но лихорадка не смогла одолеть ее. В бреду Психея часто говорила о чертогах из золота и янтаря на вершине Седой горы. Даже когда ей было совсем плохо, на ее лицо не падала тень смерти»³⁰¹.

Однако, самое страшное испытание было впереди. Бедствия не прекращались, и жрец заявил царю, что для того, чтобы все нормализовалось нужно принести жертву, и ей должна стать Психея. «Ее приносят не в Доме Унгит, – объяснил Жрец. – Жертву отдают Чудищу. Тайное знание говорит, что Чудище – сын Унгит, или сама Унгит, или они оба в одном лице. Жертву отводят на вершину Горы, привязывают к Священному Древу и оставляют. Чудище приходит за ней само. <...> Великая Жертва должна быть чистой, ибо становится женихом Унгит, если это мужчина, или невестой ее сына, если это женщина. Когда жертва мужского пола, то в чудище вселяется Унгит, когда жен-

³⁰⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 31.

³⁰¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 33.

ского – сын Унгит, и Чудище возлегает с жертвой. Но Великую Жертву называют также Ужином Унгит, потому что Чудище пожирает ее... а может и нет... много разного говорят об этом. Это – великая тайна, величайшая. Некоторые утверждают, что для Чудища пожирать и любить – одно и то же. Ибо на священном языке мы говорим, что когда женщина возлегает с мужчиной, она пожирает его»³⁰².

Оруаль вновь чувствует inferнальную сущность служителя Унгит: «Лис учил меня, что Жрец – просто очень хитрый человек, который произносит от лица Унгит то, что ему выгодно. Цель его, по словам учителя, заключалась в том, чтобы увеличить свою власть и богатство и извести своих врагов. Но в тот миг я поняла, что все гораздо хуже: Жрец на самом деле верит в Унгит. Я видела, как он сидит не шелохнувшись, с клинком, приставленным к самому сердцу, и смотрит на Царя незрячими глазами, и осознала, что я сама верю в богиню не меньше, чем Жрец. Не смертные люди ополчились против нас: зала была полна незримых сил, в ней царил невидимый ужас»³⁰³.

Оруаль в отчаянии, но Психея не страшится уготованной ей участи, более того – она ее ждет. Во время последнего разговора перед жертвоприношением она говорит сестре: «Я тебя понимаю, – тихо сказала Психея. – Ты думаешь, что Чудище пожирает жертву. Я и сама так думаю. Меня ожидает смерть. Я ведь не настолько ребенок, чтобы не понимать этого. Если я не умру, как я смогу искупить грехи Глома? И как можно прийти к богу, если не через смерть? И все-таки я верю в странные слова священников

³⁰² Льюис К.С. Указ. соч. С. 46.

³⁰³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 50-51.

преданий»³⁰⁴. «Сегодня ночью я поняла, что любая жизнь так коротка. Да и что хорошего в долгой жизни? Рано или поздно меня выдали бы замуж за какого-нибудь царя – такого же, как и наш отец. Разве есть особая разница между таким замужеством и смертью? Мне пришлось бы покинуть наш дом, расстаться с тобой и Лисом, стать женщиной, рожать детей – разве все это не другие имена для смерти? Честное слово, Оруаль, мне кажется, что мне выпала лучшая участь!»³⁰⁵. «...Именно там моя родина, и там я хотела бы родиться вновь. Неужели ты думаешь, что меня влекло туда случайно? Нет, меня влекло домой. Попрощайся со мной и пожелай мне счастья. Всю жизнь бог Горы звал меня к себе, и вот – иду к моему возлюбленному»³⁰⁶.

Оруаль думает, как спасти сестру, но силы ее оставляют, она тяжело заболела. Спустя время с Бардией – воином, в которого она, внешне некрасивая, была всю жизнь тайно влюблена и с которым они много лет – до самой его смерти – были друзьями, Оруаль отправляется на место жертвоприношения, чтобы хотя бы похоронить останки Психеи. Но их нет, а через некоторое время она встречает ее живую.

Психея рассказывает о том, как ее спас бог Ветра, принес ее на волшебный остров: «Но потом я пришла в себя, и – о чудо! – увидела перед собой Дворец. Я лежала на его пороге. Но это был совсем не тот чертог из золота и янтаря, о котором я мечтала. Если бы это был он, я бы решила, что грежу наяву. Но этот дворец не был похож на

³⁰⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 65.

³⁰⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 66.

³⁰⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 68.

чертог из моих снов. Ни на него, ни на наши дворцы, ни греческие, как их описывал нам Лис. Он был такой необычный – да ты и сама видишь. <...> Всякий бы понял, что это – жилище бога. Я говорю не о храме, месте, где богу просто служат. Я говорю о доме бога, месте, где бог живет. Ни за какие сокровища на свете я не решилась бы сама войти в него, Оруаль. Но мне все-таки пришлось. Потому что изнутри прозвучал голос – слаще любой музыки... нет слаще - не то слово... И хотя голос был так прекрасен, волосы встали у меня на голове дыбом, когда я услышала его. И знаешь, Оруаль, что он сказал? Он сказал: «Войди в твой дом (да, да, он так и сказал: «твой»), Психея, невеста бога!»³⁰⁷.

Оруаль, находясь на острове, не видит ничего из того, что видит ее сестра, чем очень ее разочаровывает: «Если вам доводилось видеть, как потерявшийся ребенок в большой толпе бежит к чужой женщине, приняв ее за свою мать, и сели вы заглянули ему в глаза в тот миг, когда женщина оборачивается и он понимает, что ошибся, тогда вы легко поймете, как посмотрела на меня Психея. Щеки ее побледнели, радостный румянец погас»³⁰⁸.

Но главное не в том, что Оруаль не видит. Она видит, что сестра спасена, счастлива, у нее все хорошо, однако настойчиво заставляет ее покинуть это место:

«– Психея, – вскричала я в последний раз. – Еще не поздно! Иди со мной. Мы не останемся в Гломе – мы будем бродить по свету, пусть нищими, или жить у Бардии – пойдем куда угодно – куда ты сама захочешь!

Она покачала головой.

³⁰⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 97.

³⁰⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 99.

– Я не могу. Я больше не принадлежу самой себе. Ты совсем забыла, сестра, что я замужем. Но я по-прежнему твоя. Если бы ты только поняла это. Не грусти, прошу тебя, Оруаль! Все устроится, все будет лучше, чем ты могла мечтать. Возвращайся!»³⁰⁹.

Лис и Бардия не успокоили Оруаль, предположившую, что не просто так бог приходит к Психее ночью, когда она его не видит. По мнению Бардии это свидетельствовало о том, что он чудище, а, по мнению Лиса, что это разбойник. «Мне не удавалось сделать выбор между Бардией и Лисом, но как только я отказалась от всяких попыток, меня осенило. Неважно, кто из них прав, потому что в одном они сходятся. Кто-то отвратительный и гнусный завладел Психеей. Какая разница, кто это – кровожадный разбойник или призрачное чудище? Ни воин, ни грек не верили, что ночной гость может быть порождением добра и красоты, и это было главное»³¹⁰.

И Оруаль вновь отправляется к Психее, она шантажирует ее тем, что если она не поставит ночью светильник, чтобы увидеть бога, то убьет сначала ее, а потом себя. Реакция сестры очень жесткая, но она не смогла отказать.

«Выражение ее лица стало странным. Мне подумалось, что, должно быть, так смотрит мужчина на возлюбленную, которая изменила. Наконец, Психея сказала:

– Да, видно я и вправду не со всякой любовью знакома. По мне, такая, как твоя, ничем не лучше ненависти. Я словно в темную яму заглянула. Ах, Оруаль, ты взяла мою любовь к тебе, глубокую от самого сердца, не меркнувшую от того, что я люблю и другого, – эту любовь ты взяла в

³⁰⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 109.

³¹⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 126.

заложницы, чтобы обратить ее против меня. Ты превратила ее в орудие пытки – раньше я этого за тобой не знала. В любом случае, между нами произошло что-то непоправимое. Что-то умерло навсегда»³¹¹.

Ради сестры Психея совершает запрещенное, и Оруаль встречается с тем, кого она называет богом: «...тот, кто явился мне, сделал так, словно я знала с самого начала, что возлюбленный Психеи – бог, а все мои терзания, сомнения и расспросы, вся моя суета – это пыль, которую я сама себе напустила в глаза»³¹². «Гром стих, по-моему, в тот самый миг, когда вспыхнул свет, и в полной тишине бог обратился ко мне. Голос его, как и лицо, не ведал гнева, подобного людскому; он звучал мелодично и безмятежно – так певчая птица поет, усевшись на ветку, с которой еще не сняли повешенного:

– Отныне изгоняется Психея. И суждено изведать ей голод и жажду, блуждая по тернистым дорогам. Пусть те, кто надо мной, совершат свою волю. А ты, женщина, вернись к себе и к трудам своим. И ты станешь Психеей»³¹³.

После смерти отца Оруаль становится царицей, воительницей и политиком, скрыв недостатки своего лица глухим платком, который ни при ком не снимала: «С течением времени Царица все чаще и чаще брала во мне верх над Оруалью. Я заперла Оруаль в одной из темниц моей души, погрузила ее в летаргический сон; она лежала во мне, свернувшись, как плод в материнской утробе. Только зародыш с каждым днем все растет, а Оруаль, наоборот, становилась все меньше и меньше, и жизнь в ней убыва-

³¹¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 136.

³¹² Льюис К.С. Указ. соч. С. 141.

³¹³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 141-142.

ла»³¹⁴. Однако, память о прошлом живет в ней, на закате жизни Царица решает написать книгу.

Суть обвинения Оруаль богам такова: «Они дали мне Психею - единственную, кого я любила, а затем отняли ее у меня. Но и этого им показалось мало. Они заставили меня решать участь сестры, не сказав мне, кто же ее муж - чудище, небожитель или лесной бродяга. Они не дали мне ясного знака, хотя я их об этом просила. Мне пришлось догадываться самой, и я ошиблась, и они наказали меня - что хуже всего, они наказали меня, но кара постигла ее. <...> Пусть, боги, если им есть, что сказать, ответят на мое обвинение. Вполне возможно, что вместо ответа они нашьют на меня безумие или проказу или обратят меня в зверя, птицу или дерево. Но тогда весь мир узнает (и боги это почувствуют), что у них просто нет ответа»³¹⁵.

К концу своего жизненного пути Оруаль чувствует, что религия в ее стране уже не совсем та, что была; новый верховный жрец совсем не такой, как тот, кого она боялась в дни юности, а обычный человек:

«- Арном, – спросила я шепотом, – кто такая Унгит?

– Я думаю, Царица, - ответил он (голос его так странно звучал из-под маски), – она – это мать-земля, прародительница сущего.

<...> – Если она мать всего сущего, – сказала я, – как же она еще и мать бога Горы?

– Он – воздух и небо, а облака рождаются из испарений и влаги земли.

– Почему тогда в некоторых преданиях он еще и муж ей?

³¹⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 182.

³¹⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 197-198.

– Поскольку небо оплодотворяет землю дождем.
– Если все это так, к чему тогда столько тайны?
– Несомненно, – сказал Арном (и я могла бы поклясться, что он зевнул под маской, утомленный ночным бдением), – несомненно для того, чтобы истина не стала достоянием черни»³¹⁶.

Но при этом в глубинах своей души, она обретает все более глубокий религиозный опыт. Входя в глубину своей души, Оруаль все больше осознает свое несовершенство: «...это я была Унгит. <...> Глом был моей паутиной, а я – старой надувшейся паучихой, объевшейся жизнями.

– Я не хочу быть Унгит, – сказала я»³¹⁷.

Царица пытается покончить с собой, но ее останавливает тот же, кто явился ей в день, когда Психея потеряла по ее вине свое счастье.

«Не делай этого, – повторил бог. – Ты не скроешься от Унгит в царстве мертвых, она и там. Умри прежде смерти, потом будет поздно.

– Господин, я и есть Унгит.

Бог не ответил. Голоса богов таковы, что когда они замолкают, пусть это было всего один удар сердца назад и пусть медный звон их слов, высоких, как могучие колонны, еще звучит в твоих ушах, все равно тебе кажется, что прошли тысячи лет с тех пор, как они смолкли. И ждать от них новых слов – все равно, что молить о яблоке, висевшем на первой яблоне при сотворении мира.

Голос бога был таким же как много лет назад, но я стала другой. Я не стала прекословить, я повиновалась»³¹⁸.

³¹⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 213.

³¹⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 217.

³¹⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 219.

Реальность и видения Оруаль сливаются в одно целое, она уже сама не может отличить одно от другого. У нее появляется возможность прийти на суд, на котором она может зачитать свою жалобу на богов. Она описывает это так:

«Чьи-то руки тотчас сорвали покров с моего лица, а затем и все, что на мне было. Дряхлая старуха с лицом Унгит стояла нагая перед бесчисленными зрителями. Ни одной нитки не осталось на мне; только моя книга, которую я сжимала в руке.

– Зачитай свою жалобу! – сказал судья.

Я посмотрела на свиток и поняла, что это не моя книга; свиток был слишком маленьким и древним, пожелтевшим и истрепанным. <...> ...он был весь исписан, но не моим почерком; это были каракули – вычурные и в то же время уродливые <...> Ужас охватил меня: «Пусть делают со мной, что хотят, но читать я этого не буду! Отдайте мне мою книгу!» - сказала я про себя. Но я уже начала читать вслух... <...>

- Довольно, - перебил меня судья.

<...> И тут до меня дошло, что я делала. Еще когда я читала жалобу, меня удивило, что я читаю так долго такой маленький свиток. Теперь я поняла, что прочитала его вслух раз десять и читала бы вечно, если бы судья не остановил меня. <...> Молчание тянулось так долго, что, наверное, я бы успела прочесть жалобу целиком еще один раз. Наконец, судья сказал:

– Ты получила ответ?

– Да, – сказала я»³¹⁹.

³¹⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 227-228.

«Моя жалоба и была ответом. Я должна была сама выслушать ее из собственных уст. Люди редко говорят то, что хотят сказать на самом деле»³²⁰.

И Оруаль говорит после суда: «Я отлично знаю, почему боги не говорят с нами открыто и не нам ответить на их вопросы. Пока мы не научились говорить, почему они должны слушать наш бессмысленный лепет? Как они могут встретиться с нами лицом к лицу, пока мы лиц не обрели?»³²¹.

Но после суда, где она выступила жалобщицей, ей предстоит еще суд, на котором должно быть вынесено определение по итогам ее жизни. И перед судом она встречается с Психеей. Отношение к сестре стало у Оруаль иным:

«— О, Психея, богиня, — сказала я. — Никогда больше не назову я тебя своей, но все, что считала своим, отдаю тебе. Увы, теперь тебе все ведомо. Я никогда не желала тебе истинного добра, никогда не думала о тебе так, чтобы не думать в первую очередь о себе»³²².

«— Разве я не говорила тебе, — сказала она, — что настанет день, и мы встретимся во дворце, и тогда уже ни одно облачко не пробежит между нами?»³²³.

В последних страницах книги Льюис как бы показывает, что и жившим до Рождества Христова возможно было прорваться к познанию истинного Бога:

«Голоса зазвучали вновь, но на этот раз приглушенно. В них слышался благоговейный трепет.

³²⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 229.

³²¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 229.

³²² Льюис К.С. Указ. соч. С. 237.

³²³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 238.

– Он идет, - повторяли они. – Бог идет к себе домой. Он идет судить Оруаль.

Если бы Психея не держала меня за руку, я бы лишилась чувств. Она подвела меня к самому краю бассейна. Воздух вокруг нас светился, словно его пожирало пламя. С каждым вздохом меня переполняли ужас, радость и странная сладость будто тысячью стрел пронзала мое сердце. Существо мое исчезало, и я обращалась в ничто. Но и Психея – сама Психея! – также обращалась в ничто. Я любила ее так, как не смела и мечтать раньше, – так, что готова была принять за нее любую казнь. И все-таки сейчас дело было не в ней. Или, вернее, дело было в ней (и еще как в ней!), но прежде всего в ком-то другом, том, ради кого существуют и звезды, и земля, и солнце. И этот кто-то шел к нам, ужасный и прекрасный – о нет! – сам ужас и сама красота. Он шел к нам, и колонны, которыми замыкался дворик, заколебались от его близости. Я опустила глаза.

И увидела в водной глади два отражения - мое и Психеи. Но что это? Это были две Психеи. <...>

– Ты теперь тоже Психея, – прогремел знакомый голос. Я подняла взгляд (не знаю, как я на это решилась), но не увидела ни бога, ни колоннады. Видение погасло за полмига до того, как прозвучал голос. Я сидела в дворцовом саду с моей глупой книгой в руке»³²⁴.

«Моя первая книга заканчивалась словами: «Нет ответа». Теперь я знаю, Господи, почему Ты не отвечаешь нам. Потому что Ты сам – ответ. Пред Твоим лицом умирают все вопросы. Разве есть ответ полнее? Все слова, слова, слова, которые спорят друг с другими словами. Как

³²⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 238-239.

долго я ненавидела Тебя, как долго боялась! Я могла бы...»³²⁵.

Роман, написанный в 1954-1955 годах Клайв Льюис посвятил своей любимой женщине – своей жене Джой Дэвидмен. И уже этот факт свидетельствует о том, насколько дорога была писателю эта книга, которую в силу ее многогранности каждый читающий прочитает по своему.

³²⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 239.

Клайв Льюис о любви

Трактат «Любовь» был написан К.С. Льюисом в 1958-1960 гг. Перевод на русский язык был сделан Н.Л. Трауберг в 1976 году. Впервые на русском языке произведение вышло в сокращении в журнале «Вопросы философии» (№ 8, 1989 год), в полном варианте в России в первый раз вышло в 1991 году в издательстве «Гнозис»³²⁶.

«"Бог есть любовь", – говорит евангелист Иоанн. Когда я в первый раз пытался писать эту книгу, я думал, что слова эти указывают мне прямой и ясный путь. Я смогу, думал я, показать, что любовь у людей заслуживает своего имени, если она похожа на Любовь, которая есть Бог. И я разграничил любовь-нужду и любовь-дар. Типичный пример любви-дара – любовь к своим детям человека, который работает ради них не жалея сил, все отдает им и жить без них не хочет. Любовь-нужду испытывает испуганный ребенок, жмущийся к матери. <...> Я предвкушал, как легко воздам хвалу любви-дару и сумею осудить любовь-нужду. <...> На самом деле все оказалось сложнее, чем я думал»³²⁷. «Любовь-дар прекрасна, потому ее и легко принять за Любовь. Тогда мы придадим ей безусловную, ничем не обусловленную ценность, на которую она права не имеет. Она станет богом, станет бесом - и разрушит нас, а заодно и себя. Все дело в том, что естественная любовь, став богом, не остается любовью. Ее называют так, но на деле - это усложненная ненависть. Любовь-нужда может

³²⁶ К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1 М., Спб., 2004. С. 295.

³²⁷ Льюис К.С. Любовь // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1 М., Спб., 2004. С. 203-204.

быть и назойливой, и жалкой, но богом она не станет. Слишком она мало на Бога похожа. Из всего этого следует, что мы не должны ни творить из любви кумира, ни «разоблачать» любовь»³²⁸.

По утверждению Льюиса, «...лишь очень смелое и глупое создание скажет Творцу: «Я – не нищий. Я люблю Тебя без всякой корысти». Те, кто испытывал к Богу любовь-дар, вслед за тем, нет, в то же время – били себя в грудь вместе с мытарем и зывали из своей немощи к единственному Дарующему. И Он не против. <...> Человек ближе всего к Богу, когда он меньше всего на Бога похож. Разве похожи нужда и полнота, немощь и власть, покаяние и праведность, крик о помощи и всемогущество? Когда я до этого додумался, я остановился; прежний мой план рухнул. И я стал думать дальше»³²⁹.

«Образец наш – Иисус, не только на Голгофе, но и в мастерской, и на дороге, и в толпе, среди настойчивых просьб и бурных споров, которые не давали Ему ни отдохнуть, ни уединиться. Именно эта жизнь, так странно непохожая на жизнь Божественную, не только похожа на нее – это она и есть, когда она здесь на земле в наших условиях»³³⁰.

Автор выдвигает тезис, что «...всякая человеческая любовь (чем она выше, тем сильнее) склонна брать на себя Божественные полномочия. <...> Она учит нас не считаться с ценой, требует полного повиновения и внушает, что любое действие, совершаемое ради нее законно и даже похвально. <...> ...естественная любовь предъявляет эти ко-

³²⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 208.

³²⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 205.

³³⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 206.

щунственные претензии не когда она мала и низка, а когда она, как говорили наши деды, «чиста и благородна». <...> Жертвенная, романтическая влюбленность поистине кажется нам гласом Божиим. Простая похоть ни за что не покажется. Похоть портит человека во многих смыслах, но не в этом: ее не станешь чтить, как не станешь чтить желание почесаться. Когда глупенькая мать балует ребенка (а на самом деле - себя), играет в живую куклу и быстро устаёт, действия ее вряд ли «станут богом». Глубокая, всепоглощающая, пожирающая обоим любовь женщины, которая в полном смысле слова «живет для своего ребенка», богом становится легко»³³¹.

Рассматривая разные виды любви, Льюис начинает с того, что он называет «любовь к тому, что ниже человека». В качестве главных примеров он берет любовь к природе и патриотизм: «Для некоторых людей, особенно для англичан и русских, очень важно то, что мы зовем «любовью к природе». Это не просто любовь к красоте. Конечно, в природе много красивого - деревья, и цветы, и животные, но любящий природу восхищается не частностями. Не ищет он и «видов», ландшафтов. <...> Тут важен «дух», важно настроение. Любители природы хотят получить как можно полнее все, что природа говорит здесь и сейчас. Яркая красота, несомненная гармония одних сцен не дороже им, чем мрачность, ужас, уродство или скука других. <...> Они открыты чему угодно в любом пейзаже, в любое время суток. <...> ...если вы возьмете природу в наставники, она научит вас всему, что вы решили усвоить, то есть ничему не научит»³³². «Природа не учила меня тому, что есть

³³¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 207.

³³² Льюис К.С. Указ. соч. С. 214.

Всемогущий Бог и Слава Божья. Я поверил в это иначе. Но природа показала мне, что такое «слава», и я не знаю до сих пор, где бы еще я мог это увидеть. Я представлял бы себе «страх Божий» очень грубо и просто, если бы не испытал истинного страха в горах или в лесу. Конечно, все это ничуть не доказывает истинности христианства. Христианин учится этому, а поборник темных богов – своему, другому. Природа не учит. Истинная философия может иногда использовать то, что дала природа, но урока философии природа не даст»³³³.

«Возьмем теперь любовь к своей стране. <...> Амбивалентность патриотизма доказывается хотя бы тем, что его воспевали и Честертон, и Киплинг. Если бы он был единым, такие разные люди не могли бы его любить. На самом деле ничуть не един, разновидностей у него много. Первая из них – любовь к дому, к месту, где мы выросли или несколькими местами, где мы росли; к старым друзьям, знакомым лицам, знакомым видам, запахам и звукам. <...> Вторая разновидность патриотизма – особое отношение к прошлому своей страны. <...> Третья разновидность патриотизма – уже не чувство, а вера; твердая, даже грубая вера в то, что твоя страна и твой народ действительно лучше всех. <...> Тут мы подходим к четвертой разновидности. Если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править? <...> И вот мы подходим к черте, за которой бесовский патриотизм, как ему и положено, сжирает сам себя. Честертон, говоря об этом, приводит две строки из Киплинга. По отношению к Киплингу это не совсем справедливо – тот знал любовь к дому, хотя и был

³³³ *Льюис К.С.* Указ. соч. С. 215.

бездомным. Но сами по себе эти строки действительно прекрасный пример. Вот они:

Была бы Англия слаба,
Я бросил бы ее.

Любовь так в жизни не скажет. Представьте себе мать, которая любит детей, пока они милы; мужа, который любит жену, пока она красива; жену, которая любит мужа, пока он богат и знаменит. Тот, кто любит свою страну, не разлюбит ее в беде и унижении»³³⁴.

Интересно, что любовь к животным Льюис рассматривает не в разделе о любви к тому, что ниже человека, а в следующем, посвященном привязанности: «Привязанность не требует сходства. <...> Привязанность не знает различия пола, возраста, класса. Она связывает молодого ученого и старую няню, живущих в совершенно разных мирах. Более того, привязанность не признает границ биологического вида. Она связывает человека и животное или двух разных животных, скажем, кошку и собаку, и даже (это видел Гилберт Уайт) курицу и лошадь. <...> ...привязанность смиренна. Она не превозносится. Мы гордимся влюбленностью или дружбой. Привязанности мы нередко стыдимся. Как-то я рассказал о том, как любят друг друга кошка и собака, а собеседник мой заметил: «Вряд ли собака признается в этом другим псам». <...> Привязанность тиха, о ней и говорить неудобно»³³⁵.

Автор не склонен недооценивать значение привязанности, но он не считает, что она имеет право называться любовью: «Я знаю по опыту, как привязанность учит нас сперва замечать, потом – терпеть, потом – привечать, и,

³³⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 216-219.

³³⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 223-224.

наконец, – ценить тех, кто оказался рядом. Созданы они для нас? Слава Богу, нет! Они – это они и есть, чудовищные, нелепые, куда более ценные, чем казалось нам поначалу. И тут мы подходим к опасной черте. Привязанность обращает наш взор к неприметным; Бог и Его святые любят тех, кто не может вызвать любви. Привязанность непритязательна, привязанность отходчива; она долготерпит, милосердствует, никогда не перестает. Она открывает нам в других образ Божий, как открывает его смиренная святость. Значит, это и есть сама Любовь? Значит, правы викторианцы? Значит, другой любви и не нужно? Значит, домашнее тепло и есть христианская жизнь? Ответ несложен: «Нет»»³³⁶.

И в доказательство этого утверждения Льюис приводит ряд примеров, показывающих, насколько разрушительной может быть привязанность: «Сколько на свете счастливых семейств? Потому ли их мало, что родные не любят друг друга? Нет, не потому; семья бывает несчастлива при очень сильной любви, хуже того – из-за сильной любви. Почти все свойства привязанности о двух концах, они могут порождать и добро, и зло. Если дать им волю, ничего с ними не делать, они вконец разрушат вашу жизнь»³³⁷.

«То, как человек ведет себя дома, показывает истинную цену (что за гнусное выражение!) его светских манер. <...> «Мы можем сказать друг другу что угодно». Истина, стоящая за этими словами, означает вот что: привязанность в лучшем своем виде может не считаться со светскими условностями, потому что она и не захочет ранить,

³³⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 225.

³³⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 226.

унизить или подчинить. <...> Но домашний хам имеет в виду совсем другое. Его привязанность - очень низкого пошиба, или ее вообще нет, а свободу он себе дает такую, на какую не смеет претендовать и которой умеет пользоваться только самая высокая привязанность. Он тешит свою злобу, себялюбие или просто глупость. А совесть его чиста: привязанность имеет право на свободу, он ведет себя как хочет – значит выражает привязанность»³³⁸.

«Мы еще не говорили о ревности. <...> В привязанности она очень сильна и вызвана тем, что этот вид любви не терпит перемены. <...> Скажем, брат и сестра или два брата растут вместе. Они читают одни и те же книжки, карабкаются на одно и то же дерево, вместе играют, вместе начинают и бросают собирать марки. И вдруг у одного из них появляется новая жизнь. Другой не входит в нее, он выброшен, отброшен. Ревность тут рождается такая, что и в драме подобной не найдешь. Это еще не ревность к друзьям, это ревность к самому предмету увлечения - к музыке, к науке, к Богу. Она доходит до смешного. <...> Не только дети страдают этой ревностью. Посмотрите на неверующую семью, где кто-нибудь обратился, или на мещанскую семью, где кто-нибудь «пошел в образованные». Я думал, что это ненависть тьмы к свету, но ошибался. Верующая семья, где кто-то стал атеистом, ничуть не лучше. Это просто реакция на измену, даже вроде бы на кражу. Кто-то (или что-то) крадет у нас нашего мальчика (или девочку)»³³⁹.

По утверждению Льюиса, «...привязанность дарует радость тогда и только тогда, когда ее испытывают «при-

³³⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 226.

³³⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 230.

личные люди». Другими словами, одной привязанности мало. Нужен ум; нужна справедливость; нужна милость. Словом, нужно быть хорошим – терпеливым, смиренным, кротким. В игру должна вступать любовь, которая выше привязанности. В том-то и дело. Если мы будем жить одной привязанностью, она принесет нам много зла»³⁴⁰.

Следующий вид любви, рассмотренный автором – дружба, о которой он пишет, что «...в старину дружбу считали самой полной и счастливой из человеческих связей. Нынешний мир ее лишен. Конечно, все согласится, что, кроме семьи, мужчине нужны еще друзья. Но самый тон покажет, что под этим словом подразумевают совсем не тех, о ком писали Цицерон и Аристотель. Дружба для нас – развлечение, почти ненужная роскошь»³⁴¹. Дружба «из всех видов любви наименее естественная, в ней не участвует инстинкт. <...> Светлый, спокойный, разумный мир свободно избранной дружбы отдаляет нас от природы. Дружба – единственный вид любви, уподобляющий нас богам или ангелам»³⁴².

Льюис не обходит и острых вопросов, связанных с пониманием дружбы не только в современности, но уже и в его время: «В наше время нельзя обойти вниманием теорию, что всякая дружба на самом деле однополая влюбленность. <...> Те, кто видит в дружбе лишь скрытую влюбленность, доказывают, что у них никогда не было друзей. Кроме них, все знает по опыту, что дружба и влюбленность совсем непохожи, хотя их можно испытывать к одному и тому же человеку. Влюбленные все время

³⁴⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 234.

³⁴¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 236.

³⁴² Льюис К.С. Указ. соч. С. 236-237.

говорят о своей любви, друзья почти никогда не говорят о дружбе. Влюбленные смотрят друг на друга; друзья на что-то третье, чем оба заняты. Наконец, влюбленность, пока она жива, связывает только двоих. Дружба двумя не ограничена, втроем дружить даже лучше»³⁴³.

Автор заявляет, что «...дружба, как и всякая естественная любовь, не может себя спасти. <...> В дружбе нам кажется, что мы выбираем себе равных. На самом деле тут замешана масса случайностей. Родись мы раньше, живи дольше, не заведи какого-то разговора, и дружбы е было бы. Но для христианина нет случайностей. Христос поистине может сказать всякому кругу друзей: «Не вы избрали друг друга, но Я избрал вас друг для друга». Дружба - не награда за ум или вкус, а орудие Божие; с ее помощью Господь открывает нам красоту другого человека. Этот человек не лучше сотен прочих, но мы увидели его. Как и все доброе, красота эта – от Бога, и потому в хорошей дружбе Он ее умножит. Господь, а не мы созывает наших гостей и, посмеем надеяться, правит нашим дружеским пиром. Во всяком случае, так должно быть. Не будем же ничего решать без Хозяина»³⁴⁴.

В отношении влюбленности, по мнению Льюиса, «...вожделение может входить во влюбленность, может и не входить. <...> Я не считаю, что без влюбленности соитие нечисто, низко, постыдно. Если все, кто совокупляются без влюбленности, гнусны и ужасны, происхождением мы похвастать не можем. На свете всегда было гораздо больше таких союзов. Почти всех наших предков женили родители, и они зачинали детей, повинуюсь только животному

³⁴³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 237-238.

³⁴⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 250-251.

желанию. И ничего низкого тут не было, а были послушание, честность, верность и страх Божий. При самой же сильной, самой высокой влюбленности соитие может быть прелюбодейным, может означать жестокость, ложь, измену мужу или другу, нарушение гостеприимства, горе для детей»³⁴⁵.

«Влюбленность входит в человека словно завоеватель, и переделывает по-своему все взятые земли. До земли полового влечения она доходит не сразу; и переделывает ее. <...> Вождение без влюбленности стремится к соитию, влюбленность - к самому человеку. <...> Влюбленному нужна не женщина вообще, а именно эта женщина. Ему нужна его возлюбленная, а не наслаждение, которое она может дать»³⁴⁶. «Влюбленность уничтожает разницу между словами «брать» и «давать»»³⁴⁷.

«Раньше считали, и теперь считают люди попроще, что духовная опасность влюбленности – именно в вождении. Старым богословам, видимо, казалось, что брак опасен полным и душепагубным погружением в чувственность. Писание судит об этом не так. Апостол Павел, отговаривая новообращенных от брака, ничего по этому поводу не говорит и даже советует не уклоняться надолго друг от друга (1 Кор. 7: 5). Доводы его иные: он боится, что муж начнет «угождать» жене, жена – мужу. Самый брак, а не брачное ложе может отвлечь нас от христианской жизни. Я и сам знаю по опыту, что – и в браке, и вне брака – от нее сильнее всего отвлекает комариный рой каждодневных забот. Великое и постоянное искушение брака – не сладо-

³⁴⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 252.

³⁴⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 253.

³⁴⁷ Льюис К.С. Указ. соч. С. 254.

страстие, а любостязание. Что же до влюбленности, при всем почтении к старым учителям я помню, что они – монахи и, наверное, не знали, как воздействует она на половую сферу. Влюбленность умягчает, утишает блудную страсть. Не уменьшая желаний, она намного облегчает воздержание»³⁴⁸.

Отношение к страсти, питающей влюбленность, у автора достаточно своеобразно: «Страсть – насмешливое, лукавое божество, она ближе к эльфам, чем к богам. Она любит подшутить над нами. Когда, наконец, мы можем ей предаться, она уходит от обоих или от одного от нас. Пока влюбленные обменивались взглядами в метро, в магазине, в гостях, она бушевала во всю свою силу. И вдруг ее нет, как не было. Сами знаете, сколько за этим следует досады, обиды, подозрений, жалости к себе. Но если вы не обожествляли ее, если вы относитесь к ней здраво, вы только посмеетесь. И это входит в игру. Поистине, Господь шутил, когда связал такое страшное, такое высокое чувство как влюбленность с телесным желанием, неизбежно и бес тактно проявляющим свою зависимость от еды, погоды, пищеварения. Влюбившись, мы летаем; вождение напоминает нам, что мы - воздушные шары на привязи. Снова и снова мы убеждаемся, что человек двусоставен, что он сродни и ангелу и коту. <...> Когда естественное кажется божественным, бес поджидает за углом»³⁴⁹.

Льюис заявляет о внутренней диалектике влюбленности.

С одной стороны – «...влюбленность не ищет своего, не ищет земного счастья, выводит за пределы самости. Она

³⁴⁸ Льюис К.С. Указ. соч. С. 254-255.

³⁴⁹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 256-257.

похожа на весть из вечного мира. И все же она - не Любовь. Во всем своем величии и самоотречении она может привести и ко злу. Мы ошибаемся, думая, что к греху ведет бездуховное, низменное чувство. К жестокости, неправде, самоубийству и убийству ведет не преходящая похоть, а высокая истинная влюбленность, искренняя и жертвенная свыше всякой меры»³⁵⁰.

С другой – «влюбленность – самый непрочный вид любви. Мир полнится сетованиями на ее быстротечность, но влюбленные об этом не помнят. У влюбленного не надо просить обетов, он только и думает, как бы их дать. «Навсегда» – чуть ли не первое, что он скажет, и сам поверит себе. <...> И они правы. Влюбившись, мы вправе отвергать намеки на тленность наших чувств. Одним прыжком преодолела любовь стену самости, пропитала альтруизмом похоть, презрела бренное земное счастье. <...> Но влюбленность сулит нам то, что ей одной не выполнить. <...> Мы сами должны стараться, чтобы каждодневная жизнь уподобилась райскому видению, мелькнувшему перед нами. Влюбленность препоручает нам свое дело. Это знают все, кто любит правильно, хотя немногие могут это выразить. <...> Как и все виды естественной любви, влюбленность своими силами устоять не может; но она так сокрушительна, сладостна, страшна и возвышенна, что падение ее поистине ужасно. Хорошо, если она разобьется и умрет. Но она может выжить и безжалостно связать двух мучителей, которые будут брать, не давая, ревновать, подзирать, досадовать, бороться за власть и свободу, услаждаться скандалами»³⁵¹.

³⁵⁰ Льюис К.С. Указ. соч. С. 260.

³⁵¹ Льюис К.С. Указ. соч. С. 264.

Автор объясняет почему почти не касается соотношения любви к Богу и любви к человеку: «...я почти ничего не сказал о том, как естественная любовь становится соперницей любви к Богу. <...> ...соперничество это уже немногим знакомо. В наш век любовь к ближнему состязается с любовью к себе. Опасно требовать от человека, чтобы он отринул земную любовь, когда он до нее и не дорос. Куда как легко не любить ближнего и думать, что это у нас от любви к Богу! Многим совсем нетрудно ненавидеть жену или мать»³⁵².

О любви к Богу Льюис пишет апофатически: «Ничтожнейшие из нас в состоянии благодати что-то знают о той Любви, которая есть Бог; но ни один мудрец и ни один святой не знают Ее иначе как в подобиях»³⁵³.

Вслед за влюбленностью, мыслитель обращается к милосердию: «У нас всегда хватает поводов добавить милосердия в любовь. Когда мы не ослеплены себялюбием, трения и провалы, неизбежные в естественной любви, показывают нам, что без милосердия не обойдешься. Когда же мы им ослеплены, мы понимаем их неверно. <...> ...ведь во всех, и в нас самих, что-то вынести невозможно, если на помощь не явятся милость, терпимость, жалость! Потому и приходится, опираясь на руку Божью, укреплять милосердием естественную любовь»³⁵⁴.

А завершает свою книгу К.С. Льюис размышлениями о том сохранится ли земная любовь людей за пределами их земной жизни: «Богословы иногда задавались вопросом: узнаем ли мы друг друга в вечности и сохранятся ли там

³⁵² Льюис К.С. Указ. соч. С. 266.

³⁵³ Льюис К.С. Указ. соч. С. 270.

³⁵⁴ Льюис К.С. Указ. соч. С. 270.

наши земные связи? Мне кажется, это зависит от того, какой стала или хотя бы становилась наша любовь на земле. Если она была только естественной, нам и делать нечего будет на небе с другим человеком. Когда мы встречаем взрослых школьных друзей, нам нечего с ними делать, если в детстве нас соединяли только игры, подсказки или списывание. Так и на небе. Все, что не вечно, по сути своей устарело еще до рождения. <...> ...опыт подсказывает, что не стоит обращаться к небу за земным утешением. Небо дает утешение небесное, и ничего больше. А земля и земного утешения не дает. В конце концов, земного утешения нет»³⁵⁵.

«Когда мы увидим Бога, мы узнаем Его и поймем, что Он присутствовал во всех проявлениях чистой любви. Все, что было истинного в наших земных связях, принадлежало Ему больше, чем нам, а нам – лишь в той мере, в какой принадлежало Ему. На небе нам не захочется и не понадобится покидать тех, кого мы любим. Мы обретем их всех в Нем и, любя Его, полюбим их больше, чем теперь»³⁵⁶.

³⁵⁵ Льюис К.С. Указ. соч. С. 276-277.

³⁵⁶ Льюис К.С. Указ. соч. С. 277.

Заключение

Двадцатый век с его новыми вызовами человечеству, с нарастающей дегуманизацией, заставил многих мыслящих людей вновь обратить свои мысли к христианству, которое прагматичный девятнадцатый век с его верой в торжество человеческого разума фактически объявил не имеющим отношения к «реальной» жизни. Англия – центр Британской империи, развития империалистических процессов, стала в это время и Родиной многих людей, задумывающихся о том, где же находится утраченный рай, насколько то, что мы привыкли считать лишь символами, красивой традицией, связано с нашей повседневной жизнью, в которой ежедневно совершается выбор, от которого зависит не только судьба конкретного человека и тех, кто рядом с ним, но подчас и судьбы всего мира.

Клайв Стейплз Льюис – уникальный христианский писатель, литературное творчество которого знают и любят во всем мире.

Питер Крафт писал о нем: «Чтобы лучше понять писателя, можно подумать о том, кто больше всего на него влиял. Для Льюиса это будут Платон, Августин, Кант, английские мистики, Джордж Макдональд, Уильям Моррис, Честертон, Оуэн Барфилд, Толкин, Чарльз Вильямс (последние трое – близкие друзья)»³⁵⁷. «...Христианская апологетика не популярна сейчас не столько из-за непопулярности христианства, сколько из-за непопулярности апологий. Льюис избегает здесь Сциллы и Харибды благодаря своей простой, разумной объективности. Он никогда не

³⁵⁷ Крафт П. К.С. Льюис (фрагменты из книги) // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., Спб., 2000. С. 438.

бывает ни агрессивным инквизитором, ни тем растерянным человеком, который как бы и сам себе не верит. Словом, у него нет ни былого комплекса сверхполноценности, ни нынешнего комплекса неполноценности. Удача обусловлена тем, что он спрашивает: «Верно ли это?», а не «Ново ли это?»³⁵⁸. «...Я заметил, что те, кому не нравится Льюис, просто вынести его не могут. Он раздражает их, утомляет, выводит из себя. Когда спросишь в чем дело, обычно окажется, что он: 1) «слишком рассудителен» (т. е. предъявляет неудобные требования подумать над тем, о чем мы думаем); 2) «слишком чувствителен» (о чувствах он чувствительно не пишет, и, видимо, критик предпочитает, чтобы чувствительно писали о чем-нибудь скучном или вообще обходились без чувств); 3) «просто фантаст» (т. е. выходит за пределы реальности, которые мы-то, слава Богу, знаем); 4) «просто моралист» (вечно что-то требует, когда вокруг столько приятных соблазнов); 5) «какой-то религиозный». Последнее обвинение приводит к полному разрыву, когда выясняется, что Льюис не столько религиозен, сколько благочестив»³⁵⁹.

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) обращал внимание на то, что «...хотя Льюис почти не связан с православием и почти не ссылается на Восточных Отцов, часто он очень похож на них, похоже мыслит. Предпосылки у него западные, а выводы такие, которые мог бы поддерживать православный христианин. Это тем замечательней, что прямого влияния нет»³⁶⁰. Он отмечал, что в сказках и

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Крафт П. Указ. соч. С. 439.

³⁶⁰ Каллист, епископ. Можно ли считать К.С. Льюиса «анонимным православным»? // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. М., Спб., 2004. С. 283.

романах Льюис «пытается повернуть все «в другую сторону», снова утверждая, что мир живой, сказочный, священный. Говорящие звери и деревья – не праздная выдумка для детей, они богословски значимы, и это сближает Льюиса с православным преданием. Он не ссылается ни на Максима, ни на Паламу, но видит мир как они»³⁶¹. «Льюис очень близок к апофатической традиции христианского Востока. Аслан у него – поистине апофатический Лев. «Кто он такой? – спрашивает Юстэс. – Ты его знаешь?», а Эдмунд отвечает? «Он знает меня». Бобриха говорит Люси, что Лев этот не ручной, с ним опасно. Наша воля и наша логика ему не указ, он «невообразимо, невыносимо иной» - и бесконечно нам близкий. «Апофатическое чувство сокровенности Бога, учение о Христе и о Троице, взгляд на тварный мир и на личность выражены в понятиях, которые близки восточному христианству. Поэтому он вполне имеет право на имя «анонимного православного»»³⁶².

Литературное наследие К.С. Льюиса помогло многим людям стать христианами, так как он сам прошел мучительный и долгий путь от неверия к глубокой искренней вере. И сегодня, в мире, как его иногда называют, «постхристианских ценностей» оно приобретает особую значимость, помогая людям уверовать во Христа.

³⁶¹ Там же. С. 287.

³⁶² Там же. С. 289.

Библиографический список:

1. Беньян Д. Путь паломника. СПб., 2015.
2. Вильямс Ч. Канун Дня всех святых. М., 1999.
3. Гобсон Д.А. Империализм. Ленинград, 1927.
4. Горбунов А.Н. Путь сквозь тесные врата // Д. Беньян. Путь паломника. СПб., 2015.
5. Каллист, епископ. Можно ли считать К.С. Льюиса «анонимным православным»? // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. М., СПб., 2004.
6. Крафт П. К.С. Льюис (фрагменты из книги) // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., СПб., 2000.
7. Кураев А., диак. Ответы молодым lib.eparhia-saratov.ru/Books/10k/kuraev/answer/70.htm (дата обращения 14.12.12)
8. Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце: Прибавление (полностью) // Полное собрание сочинений. Том 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744-1765гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1955.
9. Льюис К.С. Баламут предлагает тост // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., СПб., 2000.
10. Льюис К.С. Возрождение или упадок? // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., СПб., 2004.
11. Льюис К.С. Иногда лучше рассказать обо всем в сказке // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., СПб., 2000.
12. Льюис К.С. Конь и его мальчик // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., СПб., 2005.
13. Льюис К. С. Космическая трилогия. М.- СПб., 2011

14. Льюис К.С. Кругной путь или блуждания паломника // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М., Спб., 2000.
15. Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., Спб., 1999.
16. Льюис К.С. Любовь // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1 М., Спб., 2004.
17. Льюис К. С. Мерзейшая мощь // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.-Спб., 2003.
18. Льюис К. С. Настигнут радостью // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., Спб., 2000.
19. Льюис К.С. О рыцарстве // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004.
20. Льюис К.С. Письма детям // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000.
21. Льюис К. С. Письма к Малькольму // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., Спб., 2000.
22. Льюис К.С. Племянник чародея // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000.
23. Льюис К.С. «Покоритель зари» или плавание на край света // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., Спб., 2005
24. Льюис К. С. Последняя битва // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М., Спб., 2000.
25. Льюис К.С. Похороны Великого Мифа // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., Спб., 2000.
26. Льюис К.С. Принц Каспиан // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., Спб., 2005
27. Льюис К. С. Просто христианство // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М., Спб., 2004.
28. Льюис К.С. Размышления о псалмах // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., Спб., 2000

29. Льюис К.С. Расторжение брака. // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. М., Спб., 2000.
30. Льюис К.С. Серебряное кресло // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., Спб., 2000.
31. Льюис К.С. Три способа писать для детей // К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М., Спб., 2000.
32. Льюис К.С. У нас нет права на счастье // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004.
33. Льюис К.С. Упадок веры // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004.
34. Льюис К.С. Христианство и культура // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., Спб., 2004.
35. Льюис К. С. Чудо // К.С. Льюис. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., Спб., 2000.
36. Уайльд О. Счастливый принц // О. Уайльд. Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
37. Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984.
38. Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., Спб., 2003.
39. Уэллс Г. Д. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964.
40. Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.
41. Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. Спб., 1992.
42. Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Английские писатели рубежа 19-20 веков в поисках Рая. Вместо предисловия.....	3
Клайв Стейплз Льюис о Боге, о вере и о человеке	13
Настигнутый радостью. Сложный путь Клайва Льюиса к Богу.....	26
«Кружной путь или блуждания паломника» Клайва Льюиса.....	43
Размышления К.С. Льюиса о псалмах.....	61
«Не ручной Лев». «Хроники Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса.....	76
«Нельзя взять в путь все, что у тебя есть». Рай и ад в «Расторжении брака» К.С. Льюиса.....	89
Есть ли жизнь на Марсе? Космическая трилогия К.С. Льюиса.....	102
«Они обрушили на себя небо». «Мерзейшая мощь» Клайва Льюиса и «Канун Дня всех святых» Чарльза Уильямса..	112
О рыцарстве. Некоторые мысли К.С. Льюиса о вере, религии, образовании и культуре	139
«Пока мы лиц не обрели» - роман К.С. Льюиса о любви и о женщине, обвинявшей богов.....	152
Клайв Льюис о любви	169
Заключение.....	183
Библиографический список.....	186

Научное издание

Федотов Алексей Александрович

**НАСТИГНУТЫЙ РАДОСТЬЮ
Кружной путь К.С. Льюиса**

Монография

ISBN 978-5-6044935-0-2

Отпечатано ОАО «Информатика»

г. Иваново, ул. Ташкентская, дом 90.

Формат 60x84/16

Бумага писчая. Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд.л. 7,1.

Тираж 100 экз.